

КОСТЁР

7

июль 1976

КОСТЁР

7
ИЮЛЬ
1976

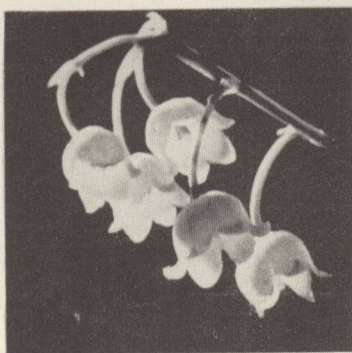
Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

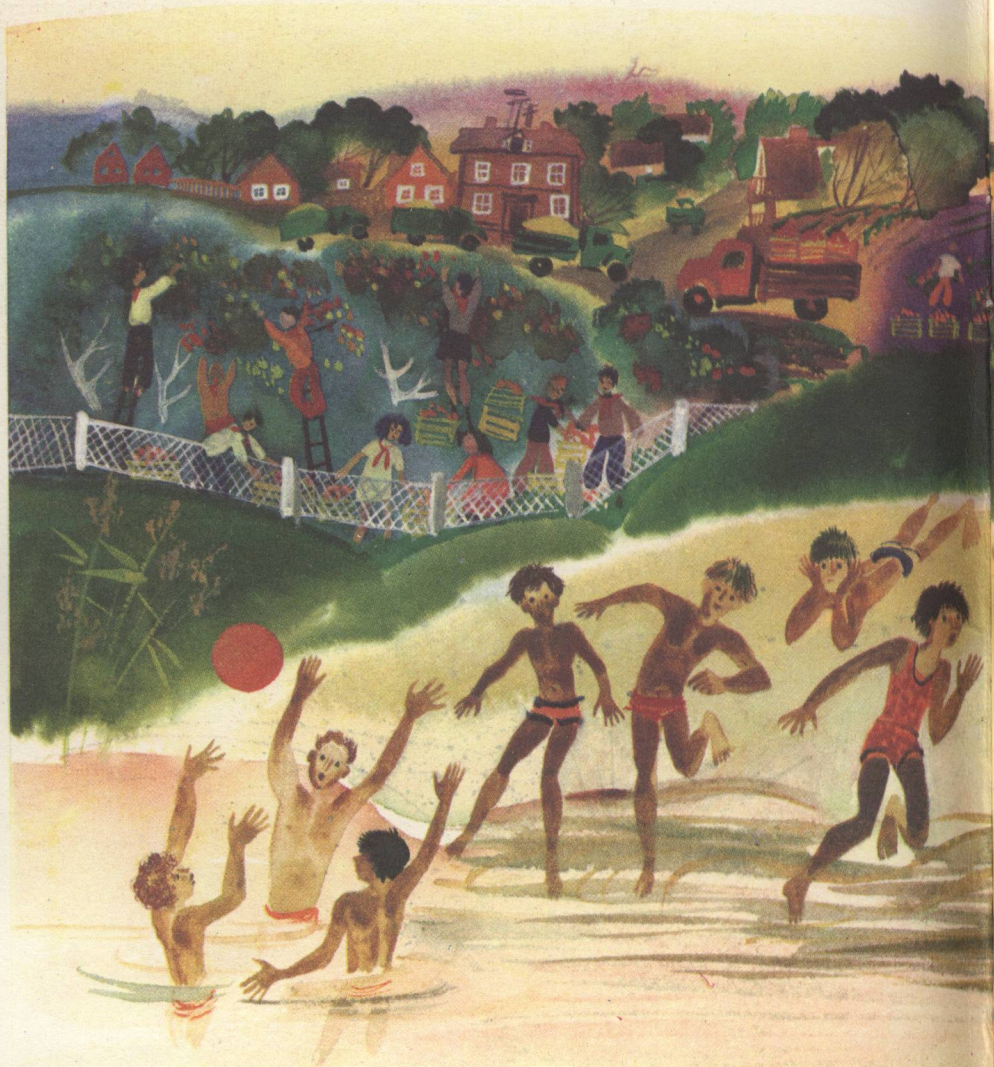
Союза писателей СССР

Издается с 1936 года

© „Костёр“, 1976 г.

ПОЗЫВНОЙ— „ЛАНДЫШ“

Когда в марте 1965 года космический корабль „Восход-2“ пролетал над планетой, в эфире то и дело звучали слова:

— „Ландыш“, как слышите?

— „Ландыш“, — прием...

— Все нормально, — отвечали космонавты Павел Беляев и Алексей Леонов, — все идет хорошо.

Выполнив задание Родины, герои вернулись на Землю. И в тот же день из Ленинграда в Звездный городок ушло письмо: „Дорогие Павел Иванович и Алексей Архипович! Пожалуйста, примите подарок — фотозтюд „Ландыш“. Ребята нашей жилконторы будут рады, если подарок Вам понравится. Свой фотоклуб мы решили назвать „Ландыш“.

Так начал свою работу фотоклуб. И до сих пор на орбите: при жилконторе № 1 Кировского района. Правда, за эти годы в „Ландыше“ сменилось несколько

Рисунок А. Ивашенцевой

поколений юных фотолюбителей, но руководитель остался прежний.

Когда я познакомился с Николаем Николаевичем Меховым — бывшим солдатом и учителем, а ныне пенсионером, — мне стало ясно: у этого человека очень доброе и отзывчивое сердце. Клуб, которым он руководит на общественных началах, открыт с утра до вечера и занимаются в нем не только пионеры и октябрята жилконторы № 1.

О КОЧЕВНИКАХ И РАБОТНИКАХ

Вначале, как только наступали каникулы, члены клуба становились путешественниками. Где только они не побывали и каких только приключений с ними не было! Свидетельство тому мно-

готное собрание походных дневников и две благодарности от ученых-археологов. Одна — за находку на реке Луге остатков панцирной и кистеперой рыб, которые жили много миллионов лет назад. Другая — за морской коралл, найденный в Псковской области.

Но самый большой успех пришел к ребятам в феврале этого года, когда на выставке, посвященной XXV съезду партии, их фоторассказ о жизни клуба был удостоен почетного диплома. Чем же интересен этот фоторассказ? И почему под многими снимками стоит подпись: „Псковская область, Опоченский район, деревня Гнилки“? Надоела „Ландышу“ кочевая жизнь и решил на лето обосноваться в маленькой деревушке.

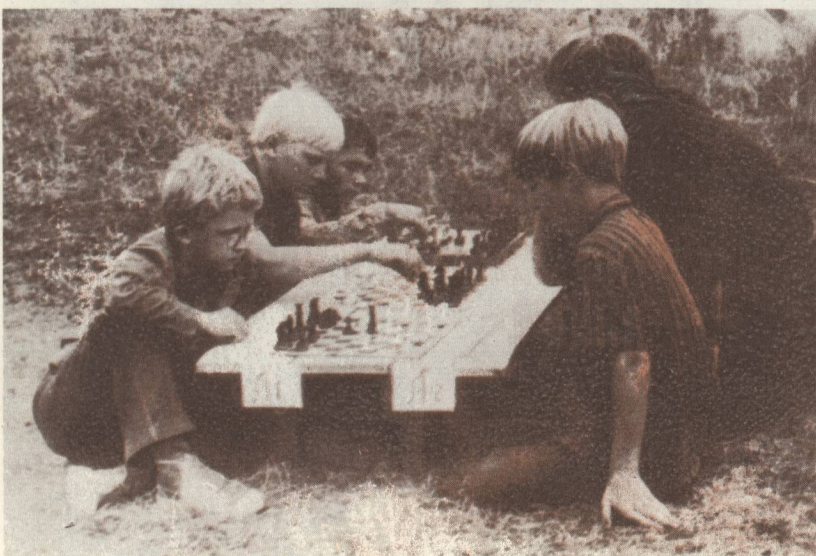
Жили они там у Анны Борисовны Карповой — хозяйки заботливой и рассудительной.

Наутро, после приезда гостей, Анна Борисовна первым делом за водой собралась. Но и за ворота не вышла, как один из мальчишек догоняет и — с места в карьер: „Воду теперь носить — обязанность дежурного!“ — „Ладно, — отвечает Анна Борисовна, — если уж так хочется, носи“. Отдала ведра, а сама пошла картошку окучивать. Едва за дело принялась, сразу трое ребят как из-под земли выросли: „Разрешите помочь?“

Так оно и пошло. Через неделю не только огород, но и дом у Анны Борисовны было не узнать. Крыша текла — починили. Наличники на окнах покрасили. Мало этого — крыльцо новое сделали.

Прослышали об этом в соседних деревнях — за помощью стали обращаться. И опять — никому отказа не было.

Однажды прибегает к Анне Борисовне совхозный бригадир.

Спрашивает: „Хозяйка, где твои постояльцы? Спят небось?“ — „Да что ты, Василий Иванович, встали давно! Рыбу, наверное, ловят“. — „А старшой у них где?“ — „В Опочку по делам уехал“. — „Жаль, — вздыхает бригадир, — мне его армия позарез как нужна: солому с полей вывозить некому“. — „С этого бы и начинал, — заволновалась Анна Борисовна. — Старшой тебе вовсе и не требуется. Николай Николаевич за ними лишь приглядывает, а командует Игорек, длинненький такой мальчишечка, знаешь, крыльцо мне еще мастерил? Он давно наказывал: „Бабушка, скажи бригадир, пусть и нам работу дает“.

О ЗАКЛИНАТЕЛЯХ ЗМЕЙ

История эта, конечно, из-за Сережи Максимова приключилась. Без зверей Сережка про-

сто не может. У него даже мышонок был. Обыкновенный полевой мышонок. Если бы в клетке, тогда понятно. А то ведь на воле жил и к Сережке каждый день наведывался. Посадит его Сережка на ладонь, крошками угощает... Но это еще что!

Отправились как-то Петя Волков, Андрей Шалаганов, Игорь Бессонов и Сережка за карасями. Игорь чуть впереди шел и вдруг как подпрыгнет: „Змея!“ А Сережка ему: „Не бойся! Это ящерица безногая“. Посмеялись, Сережка ящерицу в карман положил, пошли дальше. А потом встретили в Лугах — деревня так называется — знакомого мальчишку, Валерку Тараканова. Валерка лошадь запрягал. Остановились, стали договариваться, когда в футбол играть. И тут Сережка машинально вытащил из кармана ящерицу. Вот тогда все и началось. Валерка кричит: „медянка“, палку схватил. Валеркина бабка кричит: „Помо-

гите!“ Лошадь — на дыбы! Всю деревню переполошили. И никто не верил, что перед ними безобидное пресмыкающееся. А один старичок возьми и скажи: „Хитрые, вы их заклиняете, потому и не кусают вас“.

С тех пор стоит в магазин или на почту прийти, сразу кто-нибудь шептаться начинает: „Вот они! Видишь! Это и есть заклинатели змей...“

И ПРОСТО О ХОРОШИХ РЕБЯТАХ

Словом, так они и жили. И можно бы, конечно, рассказать и о встречах с бывшими партизанами, и о соревнованиях лесных следопытов... Да только все равно обо всем не расскажешь. А вот о Сережке Абрамовском нужно.

Был он поначалу хмурый и замкнутый. И главное — духа коллективизма ни грамма не было. Люди идут купаться — „Не хочу“. В лес за ягодами — „Не пойду“. Что делать? Как быть? Однако придумали. „Ты не пойдешь — мы не пойдём!“

Удивился Серега: „Почему?“ — „Скучно, — говорим, — без тебя, вот и не идем“. Час проходит, второй... И вдруг он встает и заявляет: „Пойду к Николаю Николаевичу и скажу, что вы меня доводите...“ О чем они там беседовали — неизвестно. Только больше Сережка так себя не вел. И еще заметили, повеселел он. Даже песни стал петь. А ведь многие думали, что он и петь-то не умеет.

А потом пришло время уезжать. Стали собираться, прихорашиваться и выяснили, что ехать такими нельзя: обросли ужасно.

Игорь Бессонов говорит: „У меня мама когда-то парикмахером была. Давайте подстригу? Павлик Ермаченков, готовься!“ У того глаза на лоб: „Что-о-о?“ И бежать. Но изловили его тут же, скрутили: „Садись!“ Закусил Павлик губы, глаза закрыл: куда денешься... Долго провозился с ним Игорь. Наконец — готово. Павлик как ужаленный вскочил. У Саши Федорова зеркало выхватил — и скорей смотреться... Смотрелся: „А что?.. Ничего! Настоящая „канадка“.

Рабочий день „Ландыша“ заканчивался поздним вечером. Николай Николаевич Мехов отправился разводить по домам малышей. Я вышел из клуба и долго смотрел им вслед. Вот они уже скрылись за поворотом — невысокий седой человек и трое худеньких первоклашек.

В. ВЕРХОВСКИЙ

ПЯТЬ ПОХИЩЕННЫХ МОНАХОВ

ПОВЕСТЬ

Юрий КОВАЛЬ

Рисунки В. Топкова

КАРМАНОВ. ДАЛЕЕ—ВЕЗДЕ

Длинный позеленел.

Мы и раньше слышали про город Карманов, но как-то в голову не приходило, что монахи могут туда попасть. А ведь в Карманове тоже был рынок, на котором продавали все, что угодно. Бывали там и голуби, как правило, такие, которые «прошли парикмахерскую».

Так уж получается на свете, что не только люди ходят в парикмахерскую. Голубям она бывает порой очень необходима. К примеру, есть у тебя чистый голубь, но кое-где белоснежную его чистоту нарушают досадные черные или рыжие перья. Значит, этот чистый не так уж чист. Что делать? В парикмахерскую его, а потом — на рынок.

Почти все голубятники — неплохие парикмахеры, но встречаются среди них замечательные мастера этого дела. В городе Карманове и жил, говорят, великий голубиный парикмахер по прозвищу Кожаный. Ему носили совсем никудышных или ворованных голубей, и он делал им такую прическу, что родной отец не мог узнать. Из черно-чистого слепить чистого для Кожаного было пустяком. Он мог из чистого выкроить фильдеперсового, из чиграша — шпанциря, из сороки — чайку.

— Если они в парикмахерской, — задумчиво сказал Длинный, — хана.

— Еще бы, — согласился я.

— А ты помалкивай, — разозлился вдруг Длинный. — Тоже мне знаток. Будешь много болтать — сам отправишься в парикмахерскую. Вон какие патлы отрастил!

Мысли о парикмахерской расстроили Длинного, раньше он так грубо со мной не разговаривал.

Через полчаса мы уже были на вокзале.

Народу здесь толкалось не меньше, чем на Птичьем, и казалось, что это те же самые люди, которые только что были на рынке, только они побросали своих хомяков, схватили лопаты и ринулись к поездам.

— Где Бужаниновский? — кричал кто-то.

— А в Тарасовке остановится?

Дачники-огородники с лейками, сумками, саженцами, закутанными в мешки, толпились у разменных касс, топтались у табло, на котором прыгали металлические пластинки с названиями станций, завивались очередью в два хвоста вокруг мороженщиц.

— А в Тарасовке остановится?

— Где Бужаниновский? Где Бужаниновский? — слышалось то и дело.

— Поезд до Бужаниново! — рывкнуло наконец под стеклянными сводами вокзала. — Отправляется с третьего пути. Остановки — город Карманов, далее везде.

Не успел еще заглухнуть голос, как весь вокзал кинулся на третий путь, по-прежнему беспokoясь: «Где Бужаниновский?»

Выскочив на перрон, пассажиры надали жару, а мы с Длинным ныряли то вправо, то влево, виляли между чемоданами и узлами, стараясь первыми прыгнуть в вагон. Но это нам никак не удавалось, то встречал какой-нибудь чудовищный чемодан, то братья-близнецы, поедаящие мороженое, то седой полковник с тортом в руках. Наконец мы втиснулись в вагон, в котором не было ни капли места. Все было занято, забито, заполнено.

— Давай сумку! Давай сумку! — кричали все чуть не хором.

— Займи мне место!

— А в Тарасовке остановится?

— Да повесь, наконец, сумку!

Вдруг послышалось шипенье, двери вагона съехались, прищемливая рукава и чемоданы, пассажиры дружно уклонились в сторону Москвы — поезд мягко тронулся.

Пробиваться в вагон мы с Длинным не стали, застряли в тамбуре. Нас прижимали то к одной стене, то к другой и, наконец, притиснули к остекленным дверям вагона, на которых было написано:

НЕ ПРИСЛОНЯТЬСЯ!

На той двери, к которой прислонили меня, некоторые буквы в надписи были стерты, и она читалась так:

НЕ СЛОН Я!

С этим, конечно, спорить бы я не стал. Такая кропотливая работа — подковыривать бук-

Продолжение. Начало в «Костре» № 6, 1976 г.

вы ногтями — слону была не под силу. На другой половинке двери, к которой придавили Длинного, проделана была такая же работа, но надпись читалась по-другому:

НЕ ПРИ С ОНЯ !

Народу в тамбуре прибывало. Дверь, ведущая в соседний вагон, то и дело открывалась. Через нее, не хуже той Сони, перли огородники с чемоданами.

Рядом с нами вплотную стояли два человека. Один из них был высок, с рыжими усами под носом и в соломенной шляпе. На плечах его висел пиджак-букле, на ногах блестели хорошо начищенные сапоги. Второй был куда ниже ростом, молодой и немного носатенький. На носу виднелись веснушки, чуть меньше двухкопеечной монеты. Усатый держал под мышкой черную папку на «молнии». Веснушчатый нетерпеливо переминался с ноги на ногу, покачиваясь вместе с электричкой.

Наконец, он не выдержал и сказал:

— Когда?

Усатый недовольно огляделся и ничего не ответил.

— Это подозрительно, — шепнул Длинный.

— А где? — спросил Веснушчатый.

Усатый нахмурил усы, хотел что-то сказать, но посмотрел на Длинного и раздумал.

И только когда поезд дернулся, тормозя, и все пассажиры уклонились в сторону города Карманова, когда зашипели двери электрички, усатый тихо-тихо шепнул что-то в ухо Веснушчатому. Слов его никто бы не мог разобрать, но мы разобрали:

— Двенадцать тридцать. У бочки с квасом.

КАРМАНОВСКИЙ КОЛХОЗНЫЙ РЫНОК

Пассажиры комом вывалили на перрон и кинулись к переходному мосту, который стоял над железной дорогой, как раскоряченная буква П.

Веснушчатый сразу нырнул в толпу и растворился, а шляпа Усатого долго маячила впереди. Река пассажиров швыряла ее, как некую соломенную шляпку.

Вместе с толпой мы внеслись на переходной

мост и увидели город Карманов: красные крыши, башни монастыря и трубу, на которой написано было — 1959, чтоб в будущем люди не мучились, размышляя, в какую эпоху возведено это достойное сооружение. Кроме башен и трубы, среди кармановских крыш больше ничего не возвышалось, скорее проваливалось, но что проваливалось, мы не успели разобрать, река пассажиров смыла нас с моста на привокзальную площадь.

Здесь река распалась на ручьи, которые закрутились у продуктовых палаток, но на другом конце площади ручьи снова слились в одно русло и ворвались в ворота монастыря, на которых было написано:

КАРМАНОВСКИЙ КОЛХОЗНЫЙ РЫНОК

В воротах пассажиры обратились в покупателей, стиснули нас и потащили вперед.

— Семечки! Семечки!

— Солнечны!

Тыквены!

Жарены!

Калены!

Подсушены!

Как солдаты, в две шеренги стояли за воротами продавцы семечек. Прямо в нос покупателям совали они граненые стаканы, между ног зажимали туго набитые мешки.

Семечками, клюквой, сушеными грибами и раками обрушился на нас Кармановский рынок и пошел кидать от прилавка к прилавку. Как щепки, болтались мы в волнах покупателей. То прибывало нас к одному берегу, на котором навалены были кочны капусты, холмы брюквы, курганы моркови, то к другому, на котором понаставлено было деревянного товара — расписные матрешки с пунцовыми щеками, липовые ложки и уполовники, свистульки в форме птенца. Минуты две крутило нас вокруг дяди, который раскрыл чемодан, доверху набитый деревянными яйцами. Яйца были разрисованы цветами и птицами.

Кармановская толкучка нас ошарашила. Длинный растерялся и безвольно крутился вокруг деревянных яиц. Да и то сказать: два рынка подряд кого хочешь вышибут из седла.

Впрочем, на Кармановском рынке пихались, толкались и отдавливали ноги куда сильнее,

чем на Птичьем. Но мы уж и не видели особой разницы. Весь мир превратился в огромный рынок, и мы не понимали, что мы сами такое — продавцы, покупатели или просто семечки.

— Семечки! Семечки!

— Жарены!

Калены!

Подсушены!

Наконец мы попали в струю, которая принесла нас в самый угол рынка, под башню.

Здесь пели петухи, глядели из кошелок гуси, мычали бычки. Прямо на земле лежали индюки, связанные, как пленные туземцы. Они раздраженно трясли сизыми бородами.

— Где индюки — тут и голуби, — оживился Длинный.

Но голубей нигде не было видно.

Какой-то парень лет десяти принес продать кошку. Кошка была пятнистая, будто корова.

— Почему? — спросил Длинный.

— Три рубля... а вправду купишь, за рубль отдам.

— Чего ты ее продаешь-то?

— Царапается, дьявол.

Кошка сидела за пазухой спокойно, прикрыв хитрые кармановские глаза, и при народе царапаться не решалась.

— Слушай, — сказал Длинный, чуть понизив голос. — Кожаного знаешь, который голубей стрижет?

— Голубей? На кой же их стричь?

— Да ты сам-то кармановский? Не слыхал, что у вас голубей обстригают?

— Не слыхал.

— Ну, с такими знаниями тебе кошку сроду не продать, — сказал Длинный, и мы стали проталкиваться к другой башне, у которой прямо на крыше росла береза.

Здесь под монастырской стенкой на клеенках, на тряпках, просто на земле горами лежали дверные ручки, скобы, подсвечники, шпингалеты, рубанки, напильники. Сидя на корточках, покупатели рылись в железном хламе, а продавцы стояли поодаль. Чуть не у каждого продавца на груди висело ржавое ожерелье, составленное из английских, амбарных, секретных, сервантных, бородатых, безбородых, а то и трехбородых ключей. Это были ключи от всех замков, какие родились на белом свете. На ключи было много покупателей, их брали десятками. Здесь же стоял человек, который продавал ошейники. На каждую его руку, от запястья до плеча были нанизаны самые разные ошейники — мягкие кожаные, строгие железные, фигурные, составленные из латунных колец, на которые можно навешивать собачьи медали.

— На любую шею, — предлагал продавец.

Для приманки покупателей он надел себе на шею лучший, мельхиоровый, ошейник, на котором было выгравировано:

ЧЕМПИОН ПОРОДЫ

— А вот — грабли! — сказал кто-то позади нас.

Я оглянулся и вздрогнул.

Перед нами стоял гражданин Никифоров, а вокруг него, как будто из-под земли, выростал целый лес граблей.

Гражданин Никифоров стукнул об землю граблями и сказал мне прямо в глаза:

— И дед и отец мой были хлебобородами! Понял?

ЧТЕНИЕ МЫСЛЕЙ НА НЕБОЛЬШОМ РАССТОЯНИИ

Понять это было невозможно.

Казалось невероятным: откуда взялся гражданин Никифоров на Кармановском рынке? Как, где, когда вчерашние его грабли успели размножиться?!

Длинный поголубел от изумления.

В голове его, как змеи, зашевелились подозрительные мысли. Как же так, вчера бродил по нашему переулку, а сегодня вдруг в Карманове. Получается какая-то странная связь.

И гражданина Никифорова такая связь, как видно, изумила. Вчера еще он видел нас в переулке, а сегодня вдруг — в Карманове.

Длинный и гражданин застыли, глядя друг другу в глаза.

Вдруг над головой моей пронесся тревожный шквал, шевельнул волосы и обрушился на гражданина Никифорова. Этот шквал был не что иное, как мысли Длинного.

«Что такое? Что такое? Как же так — вчера — в переулке, а сегодня — в Карманове», — стремительно мыслил Длинный.

Шквал был отброшен встречным ураганом.

«Как же так! — думал Никифоров. — Вчера — в переулке, а сегодня — в Карманове!»

И тут над головой моей со свистом полетели самые разные мысли — мысли Длинного и гражданина Никифорова. Они скрещивались, как шпаги.

«Вчера...» — думал Длинный.

«...в переулке» — парировал Никифоров.

«А сегодня...» — думал Длинный.

«В Карманове!» — мысленно кричал Никифоров.

«Грабли! Грабли! При чем здесь грабли?»

Несколько секунд мысли Длинного топтались на граблях, но вдруг напали на новую жилу:

«Грабли — для отвода глаз! Он связан с Кожаными!»

«Слежка!» — в ту же секунду мелькнуло в голове гражданина Никифорова.

Несколько мгновений мысли Длинного и гражданина бушевали вовсю. Они вливались в мою голову, как мутные потоки в озеро.

«Грабли!» — гремело с одной стороны.

«Слежка!» — бурлило с другой.

Голова моя трещала от напора чужих мыслей. Но вот мне немного полегчало — думы противников поуспокоились.

«Ерунда, — подумал наконец Никифоров. — Откуда они знают? Я — чист, как голубь».

«Спокойно, Длинный, спокойно, — успокаивал себя Длинный. — При чем здесь Кожаный? Надо понаблюдать».

Успокоившись, гражданин Никифоров решил оформить кое-какие мысли словами.

— Вы что тут делаете? — спросил он.

— А вы?

— И дед и отец мой были хлеборобами, — пояснил гражданин Никифоров. — А я грабли строю... для нужд сельского хозяйства.

— А мы так... — сказал Длинный. — Тоже для нужд... интересуемся...

— Не мною ли? — намекнул гражданин.

— Да нет, мы для нужд... насчет парикмахерской...

— Насчет парикмахерской ничем помочь не могу. Вам следует обратиться к Кожаному, — твердо сказал гражданин Никифоров. — А моя специальность — грабли.

— Гражданочка, гражданочка! — закричал он, отворачиваясь от Длинного. — Купите грабельки! Сами сгребают, сами разгребают. Преплезный прибор!

— А как бы нам найти Кожаного? — спросил Длинный.

— Да вон он стоит, — сказал Никифоров, отмахиваясь. — Вон он стоит, Кожаный. В кожаном пальто.

КОЖАНЫЙ

Человек, на которого указывал Никифоров, стоял к нам спиной. В этой слегка сутулой, длинной и узкой спине чудилось что-то парикмахерское.

Над кожаными острыми плечами виднелась черная кожаная кепка, а снизу из-под пальто торчали блестящие хромовые брюки и ботинки, тоже, конечно, кожаные.

Длинный подошел к кожаной спине и, робея, кашлянул.

Спина хрустнула — человек обернулся. К моему изумлению, он и спереди был затянут в кожу. Из распахнутого пальто виднелся замшевый жилет, перепопсанный сыромятным ремешком, а из-под жилета виднелась кожаная майка.

— В чем дело? — спросил Кожаный. Голос его был скрипуч и хрустящ.

— Мы насчет парикмахерской, — начал Длинный и растерялся. — Не стригли ли вы... Мы из Москвы...

Длинный махнул рукой, хотел пояснить, но не смог. В Карманове он чувствовал себя неуютно. В Москве-то, да еще в Зонтичном, он бы сразу взял парикмахера за кожаные бока, а тут совсем потерял лицо и мямлил:

— Не приносили ли вам стричь... бывает, что приносят... не стригли ли вы из Москвы...

— О какой стрижке идет речь? — надменно сказал Кожаный и вынул из кармана руку в лайковой перчатке. В руке он держал небольшой портсигар, сделанный из крокодиловой кожи.

— Нам сказали, что вы обстригаете... — неуверенно пояснил Длинный.

— Я — обстригаю?! Кто сказал? Что за чушь?

— Вон тот, с граблями.

— Да это — сумасшедший. Болтает, что дед и отец его были хлеборобами — вранье. Я ему устрою стрижку! Все грабли обломаю! Я и ножниц-то сроду в руках не держал. Вот алмаз — пожалуйста. Режет любое стекло в какую хочешь сторону.

Он порылся в кармане и вытащил небольшой предмет, похожий то ли на молоточек, то ли на гриб-опенок с железной головой и деревянной ножкой.

— Почему? — громко сказал кто-то за моей спиной.

Я оглянулся. За нами стоял Веснушчатый нос, тот самый, что приставал с вопросами к усатому человеку в шляпе.

— Почему? — спрашивал он, наваливаясь мне на плечи и разглядывая алмаз.

— Червонец.

— Даю пятерку, — сказал Веснушчатый нос таким тоном, будто делал продавцу одолжение.

— Пятерку за алмаз, который режет в любую сторону!

— Пятерка — тоже деньги, — веско сказал Веснушчатый. — Ну ладно, накину трешку.

— Накинь еще два рубля.

— Да скинь хоть рублишко.

— Нужен алмаз — бери, не нужен — вали, — сказал Кожаный, покачал алмазом и сунул Веснушчатому под нос. Тот наклонился, оценивая алмаз глазом, и почему-то понюхал его.

— Ладно, — согласился он. — На деньги — давай алмаз.

— То-то, — говорил Кожаный, пересчитывая деньги, — три, четыре, семь, восемь... а где еще рубль?

— Может, скинешь все-таки, — предложил Веснушчатый, укладывая алмаз во внутренний карман.

— Я те скину! — расвирипел Кожаный, хватая покупателя за рукав и норовя добраться до внутреннего кармана. — Ребята, держи его!

Длинный подскочил к покупателю справа, нажал в бок:

— Слышь, парень, не шути!

— Ладно, ладно, успокойся, — сказал Веснушчатый, отталкивая Длинного.

Он вынул из кармана деньги, отдал продавцу и исчез в толпе. Кожаный запахнул пальто и, даже не кивнув нам на прощанье, пошел в другую сторону.

Длинный потерянно смотрел ему вслед. Да, в Карманове Длинный был не в своей тарелке. Его тарелкой был Зонтичный, а здесь все было по-другому, даже воздух был здесь особый, кармановский, пропахший пивом и подсолнечными семечками.

— Я, кажется, не то говорил, — сказал Длинный. — Надо было спросить про монахов.

— Еще бы, — подтвердил я.

— А ты что ж молчал! — рассердился Длинный, схватил меня за руку и потащил к выходу. — Ищи кожаную спину!

Вслед за Длинным я бежал через рынок, крутил головой, но не замечал нигде кожаной спины. Да и вообще спин почти не было видно: рынок то глядел на нас исподлобья, то поворачивался боком, то показывал ухо, нос, золотой зуб, кудрявую челку, и только когда мы подбежали к выходу, вдруг повернулся спиной. Суконной и вязаной, прямой и сутулой, выпуклой и вогнутой, черной и коричневой оказалась спина кармановского рынка, но ничего кожаного не было видно в ней.

Зато я заметил вдруг желтую бочку на колесах.

У бочки с кружкой кваса в руке стоял Веснушчатый нос, рядом — Усач в соломенной шляпе. Он тоже держал в руке кружку, из которой высывалась белая папаха пены. Сунув усы в эту папаху, Усач разглядывал алмаз — стеклорез, который держал в другой руке.

— Да вы понюхайте! — слышалось мне.

Обтерев усы рукавом, Усач приблизил алмаз к носу.

— Пахнет хлебом, — сказал он.

— Это квас пахнет хлебом, нюхайте внимательно.

— У тебя, Василий, нос как у собаки, — сказал Усач и, отхлебнув кваса, снова понюхал алмаз.

Длинный дернул меня за рукав.

— Давай, давай, а то спину упустим, — крикнул он, и мы проскочили в ворота, не в те, через которые входили на рынок, а в другие, с противоположной стороны.

„МОЛОКО“ И „ЯБЛОЧКО“

С другой стороны Кармановского рынка тоже, оказывается, была площадь. Здесь, как видно, недавно была ярмарка. Посреди площади торчал какой-то помост, с которого зазывали покупателей. Рядом лежала на земле коричневая лужа. По углам площади стояли железные домики без окон. Из-за железных дверей на улицу доносились хлопающие звуки, как будто внутри кто-то заколачивал гвозди.

У помоста, который был чем-то похож на капитанский мостик, толкалось без дела несколько человек. Один в кепке и пиджаке с карманами все время лез наверх, делая вид, будто хочет произнести речь. Но приятели со смехом стаскивали его вниз.

Наконец, он взобрался все-таки на капитанский мостик.

— Вы все очень хорошие люди, — начал он. — И я вас за это уважаю. Если б вы были плохие, я бы не уважал вас ни за что.

Охватив своим уважением присутствующих, оратор перешел на великих людей. Оказывается, он уважал Кутузова, Суворова, адмирала Нахимова и вообще всех военных. Он и сам в

детстве хотел быть генералом, но пошел по другому пути.

— Дайте мне батальон, — говорил он. — И я разобью любого неприятеля.

Когда приятели снова стащили его вниз, он подошел ко мне и жалобно попросил:

— Сынок, дай мне полк.

Потолкавшись у ярмарочной трибуны, мы подошли к железному сараю, над дверью которого висела вывеска:

«ЯБЛОЧКО»

Приоткрыв дверь, мы увидели деревянный барьер, у которого спиной к нам стояли несколько человек. Они держали в руках духовые винтовки.

— Тир! — огорошенно шепнул Длинный, и тут же все винтовки разом выстрелили.

— Тьфу, опять в незрелое, — раздраженно сказал один стрелок, снял шляпу и вытер ею лоб.

На задней стенке висели четыре мишени. На каждой из них было нарисовано огромное зеленое яблоко. Внутри этого незрелого яблока заключалось другое — желтое. В середине желтого было оранжевое, а в самой сердцевине багровело самое спелое яблочко, в которое и метились стрелки.

— А вам чего тут надо? — раздраженно сказал стрелок, попадающий в незрелое, оборотиться к нам. — Это тир для взрослых.

Он снова выстрелил, снял шляпу и сильно ударил ею о прилавок:

— Опять в незрелое!

Незрелый побагровел, бросил винтовку и выскочил на улицу. С минуту метался он по площади и скрежетал зубами. Как видно, неудачи в стрельбе сильно его огорчали. Отдышавшись, стрелок подошел к соседнему домику, над дверью которого висела вывеска:

«МОЛОКО»

Мы нырнули за ним в приоткрытую дверь, и сразу обрушились на нас звуки заколачиваемых гвоздей. Точно такой же барьер, как в «Яблочке», перегораживал комнату, но мишени за ним висели другие — белые, будто облитые молоком. В центре каждой из них чернел кружок, размером с трехкопеечную монету. Попасть в кружок было трудно. Дырки от пуль большей частью чернели в «молоке».

Незрелый суетился у барьера, запихивал в ствол патроны и торопливо стрелял.

— Давай! Давай! — подзадоривал патронщик. — Крой! Кроши!

— Вы что это ходите за мной! — закричал вдруг стрелок, оборачиваясь к нам. — Сгладить хотите?! Не выйдет!

Он снова выстрелил и промазал. Это его потрясло. Подпрыгнув на месте, он сдернул с головы шляпу, бросил на пол и, как конь, растоптал ее.

Мы с Длинным выскочили на улицу и, подгоняемые криками и выстрелами, побежали через площадь к третьему железному домику. Над дверью его красовалась самая большая вывеска, на которой был нарисован уса-тый че-

ловек в шляпе с павлиньим пером. Из усов его выливалась кривая разноцветная надпись:

«ВОЛШЕБНЫЙ СТРЕЛОК»

Отчего-то робея, мы заглянули в дверь и застыли на пороге. Перед нами в кресле сидел Кожаный и горстями высыпал на прилавок духовые патроны.

„ВОЛШЕБНЫЙ СТРЕЛОК“

— Ага! — сказал он, увидев нас. — Старые знакомые! Прощу. Любая винтовка. На выбор.

— У нас денег нет, — опять растерялся Длинный.

— Денег нет — это плохо. Без денег какая же стрельба, — нахмурился Кожаный.

За его голову, в дальнем конце тира висели мишени. Расписанные кричащими красками, освещенные лампою в сто свечей, они похожи были на огромных бабочек, которые уселись погреться на солнечной стене.

В тире не было ни души. Вот сейчас и надо было ясно и толково поговорить о монахах. Длинный вздохнул, приоткрыл рот, но тут Кожаный сказал:

— Чего вздыхаешь? Пострелять хочется?

— Еще бы, — вздохнул и я.

— Ладно уж. По старой памяти вот вам два патрона — палите.

Кожаным перчаточным пальцем он выкатил из россыпи два патрона, и Длинный сразу схватил винтовку, стал заряжать.

Поблескивая сизым металлом, винтовки лежали на прилавке. Приподняв одну с прикладом густо кофейного цвета, я почувствовал, какая она тяжеленькая. От нее пахло маслом и сталью.

Левой рукой я надавил на ствол. Он туго крякнул и переломился, открывши влажный от масла канал. Я вставил туда пульку, похожую

на свинцовый наперсточек, прижал к щеке блестящий приклад.

— В слона! — шепнул Длинный и тут же выстрелил.

Серый, рябой от пулевых ударов слон не шевельнулся, даже хобот его не дрогнул.

— Промазал, — недовольно сказал Кожаный.

Длинный отложил винтовку и, тяжело дыша, стал глядеть, как я целюсь.

Три железные птицы свисали передо мной с потолка. Взмахивая куцыми крылышками, они летели одна за другой. Первой летела утка, за нею — гусь и последним — лебедь с особенно тоненькой шеей. Вместо ног под каждой птицей торчал рычажок с белой кнопкой.

— Ну, давай, давай, стреляй скорее, — не выдержал Длинный.

— Куда спешить, — ответил за меня Кожаный. — Надо выбрать.

Под птицами к стене была приделана бочка с надписью «Пиво», рядом стояла мельница с красными крыльями. А в самом нижнем ряду мишеней разместился настоящий зоопарк: рябой боевой слон, тигр, подкрадывающийся к антилопе, жираф. Неведомо как и заяц затесался в эту компанию, прилетевшую в город Карманов прямо из джунглей.

— Бей в тигра! — сказал Длинный таким тоном, будто слон был у него в кармане.

Я поцелился в тигра, в жирафа и в конце концов выбрал сундучок, который притулился сбоку. Что-то таинственное было в этом сундучке. Хотелось узнать, зачем он висит, такой простенький, среди ярких мишеней.

— Ты в сундучок не целься, — сказал Кожаный. — В сундучок стреляют самые лучшие стрелки. Цель в слона.

— Да стреляй же скорее, — торопил Длинный.

Я прицелился в слона.

— Бери чуть ниже, — командовал Кожаный. — Под самую кнопочку. Плавно нажимай на спуск, не дергай.

Я подвел мушку под самую кнопочку и плавно нажал. Винтовка сухо треснула, а слон, который до сих пор крепко стоял на ногах, вдруг рухнул на колени.

— Вот это стрелок! Слона подбил! Хочешь еще разок?

— Еще бы, — ответил я.

— Хватит, — сказал Длинный, побледневший от огорчения. — Некогда нам стрелять. Дело есть. Надо поговорить... В тот раз я спрашивал насчет парикмахерской, так не в ней дело...

— Что за чушь! — плюнул Кожаный. — Опять парикмахерская?!

— Да нет... не в ней дело... дело в том, что мы ищем монахов.

— Монахов?! — изумился Кожаный, встал и, как мне показалось, побледнел.

— Монахов, — подтвердил Длинный, — вот и хотели у вас спросить, посоветоваться, как их найти, может, вы слышали...

Кожаный заволновался. Оглянулся зачем-то на дверь и тихо спросил:

— Каких монахов?

— Наших, — ответил Длинный, тоже понизив голос.

— Сколько же вам надо монахов?

— Пять, — твердо сказал Длинный.

Кожаный снял кожаную кепку, вытер пот, выступивший у него на лбу.

— Не много ли? — сказал он. — Может, одного хватит?

— Нам хотя бы Моню, — жалобно ответил Длинный.

— Что ж вы раньше-то молчали, — сказал Кожаный. — Надо было сразу дело говорить. Монахов я вам сейчас...

Тут он замолчал и приложил палец к губам. Дверь дернулась, и в тир вошел новый посетитель.

— Почему выстрел? — спросил он, подходя к барьеру.

Это был тот самый Веснушчатый нос, которого звали Василием.

СТРЕЛЬБА ПО-КАРМАНОВСКИ

— Пять копеек, — недовольно ответил Кожаный, делая нам знаки покамест помолчать.

— А сколько всего мишеней?

— Десять.

— Вот полтинник, — сказал Вася, выкладывая на прилавок деньги.

— Ого! — восхитился Кожаный и подмигнул нам. — Десять выстрелов! Может быть, лучше одиннадцать или двенадцать?

— Хватит десяти.

— Вот это я люблю. Ты, оказывается, настоящий стрелок.

— А вы, оказывается, не только на рынке торгуете.

— Торговля это так, ерунда. А сердце мое здесь.

— Оно у вас тоже кожаное? — спросил Вася. Не дожидаясь ответа, он вскинул винтовку и выстрелил. Пуля ударила в кнопочку — утка железно крикнула и перевернулась.

— Отличный выстрел! — похвалил Кожаный. — А сердце у меня мягкое, отзывчивое. По правде говоря, оно золотое.

— Может, алмазное? — спросил Вася и выстрелил в гуся.

Гусь рухнул.

Кожаный нахмурился.

Вася перезарядил винтовку и сшиб лебедя. Размахивая длинной-длинной шеей, лебедь закачался, как маятник стальных часов.

Вася ударил в мельницу. Взвизгнула какая-то пружинка — и красные крылья закрутились, сливаясь в сплошное розовое колесо.

— Теперь в бочку, — шепнул Длинный, и тут же щелкнул выстрел.

В бочке что-то загремело, и оттуда выскочил ухмыляющийся медведь с кружкой в лапах.

— Вот какие стрелки у нас в Карманове! — с гордостью сказал Кожаный и похлопал ладонями, изображая аплодисменты. — Ни в Тарасовке, ни в Перловке сроду не было таких стрелков.

Он встал и торжественно снял с головы кожаную кепку.

— А теперь, если не возражаете, я попробую.

Отойдя к задней стенке, он хлопнул медведя по голове, затолкал его обратно в бочку, наладил остальные мишени. Вернувшись к барьеру, быстро зарядил все пять винтовок.

— Стреляем по-кармановски! — крикнул он и выстрелил.

Утка крикнула и перевернулась.

Вторую винтовку Кожаный взял одной правой рукой, а левую руку сунул в карман, чтоб не мешала.

Выстрел — гусь рухнул.

Лебедя он сшиб одной левой, а в мельницу стрелял обеими руками, но даже не донес винтовку до плеча. Выстрелил от живота — и крылья мельницы закрутились.

Медведя же, сидящего в бочке Кожаный совсем обидел. Он вообще не целился в него. Даже не поднял винтовку с прилавка, просто нажал курок — и медведь выскочил из бочки со второй кружкой пива в лапах.

— Заряжай! — крикнул стрелок и похлопал сам себе кожными ладонями.

После такой потрясающей стрельбы обстановка сразу накалилась. В тире запахло порохом. Толкая друг друга локтями, мы с Длинным кинулись заряжать винтовки, а Вася задумчиво разглядывал мишени.

Строго поджав губы, он разложил винтовки перед собой и замер. Собранный, подтянутый, он сейчас напоминал ныряльщика, который стоит на вершине скалы, собираясь прыгнуть в море.

Вот он шагнул вперед, схватил сразу две

винтовки, одну правой, другую левой рукой, вскинул к плечам и выстрелил. Два выстрела слились в один. Боевой слон рухнул на колени, а тигр подпрыгнул и уселся на шею антилопе.

Стрелок схватил две других винтовки и тут же жираф дернулся и бросился бежать на месте, а заяц застучал в пионерский барабан.

— Вот это по-кармановски! — сказал Кожаный. — Теперь валяй в сундучок.

— Стреляйте вы. Я передохну.

— Заряжай, — согласился Кожаный, и пока мы с Длинным переламывали стволы, поправил мишени. Вернувшись к прилаву, он лениво стянул с рук перчатки, одним махом сбросил кожаное пальто и внимательно оглядел нас, как бы проверяя, сумеем ли мы оценить то, что сейчас произойдет.

— Стреляю в слона! — четко сказал он и вдруг выстрелил в потолок. Пуля с визгом отскочила от потолка и ударила рикошетом точно в белую кнопку. Многострадальный слон рухнул на колени, а стрелок схватил другую винтовку и пальнул в сторону. Визгнула пуля, рикошетом ударила в кнопку, и тигр вспрыгнул на шею антилопе. Жирафу Кожаный подбил рикошетом от другой стены, а зайца обидел не меньше, чем медведя — выстрелил в пол, и все-таки пуля попала куда надо. Пришлось зайцу молотить в барабан.

— Выстрел в сундучок! — объявил Кожаный и на этот раз тщательно выбрал винтовку. — Но, конечно, не какой-нибудь перловский выстрел или тарасовский. Стреляем по-кармановски!

Он нырнул под прилавок и достал узкую черную ленту.

— Завяжи-ка мне глаза, — сказал он Длинному.

— Не может быть! — ахнул Длинный.

— Завязывай, завязывай, да покрепче.

Волнуясь и восхищаясь, Длинный завязал ленту у него на затылке.

С повязкой на глазах и винтовкой в руках Кожаный был похож на пирата, играющего в жмурки. Только он не растопыривал руки, чтоб поймать какого-нибудь балбеса, он вскинул винтовку, уставил ее в потолок и медленно стал опускать, направляя ствол на мишени. Вначале он нацелился в утку, перекочевал на гуся, миновал лебедя, задержался немного на слоне, и слон даже задрожал, собираясь падать, но ствол поплыл дальше, ощупал тигра и вдруг отскочил в сторону, уперся в сундучок и заплесал на месте, выискивая кнопку размером с рисовое зерно.

Сухо щелкнул выстрел, и первое мгновение я не понял: попал Кожаный или нет. Но вот в сундучке что-то звякнуло, и в тире раздалась нежная хрустальная мелодия:

«Мой миленький дружок,
Любезный пастушок...»

Тихо-тихо играл музыкальный сундучок. Казалось, в нем сидят кармановские гномики и трясут золотыми колокольчиками.

— Да, — вздохнул Вася, когда сундучок за-

тих. — Трудно с вами тягаться. Ладно, сейчас я не буду стрелять. Последний выстрел за мной.

— Как так? Это не по-кармановски!

— Почему не по-кармановски? Выстрел останется за мной!

— Проиграл! Проиграл! — закричал Кожаный. — Сдался!

— Ах, проиграл? — вспыхнул Вася. — Ладно, отойдите в сторону. Отойдите, отойдите, подалее отойдите, а то как бы рикошета не получилось.

Вася выбрал винтовку, несколько раз вскинул ее к плечу.

— Ваш сундучок играет только одну мелодию?

— Сколько ж тебе надо? Хватит и «Пастушка».

— И больше он ничего не играет? — спросил Вася, убирая одну руку в карман, а другой вскидывая винтовку.

— Больше ничего.

— Ну так послушаем! — сказал Вася и выстрелил.

Пуля ударила в сундучок, в нем что-то крякнуло, и в тот же миг послышалась мелодия. И правда, это была совсем другая мелодия, да и гномики заиграли бодрей, веселее:

«Я люблю тебя, жизнь,

И надеюсь, что это взаимно...»

— Что такое? — ошеломленно прислушивался Кожаный. — «Я люблю тебя, жизнь»?

— «И надеюсь, что это взаимно», — ответил Вася и вышел из тира, твердо хлопнув дверью.

— Что ж такое? — повторял Кожаный, присаживаясь на корточки перед сундучком. — Какая жизнь? Откуда?

Он нажал на кнопку, и сундучок сразу заиграл «Пастушка».

— Ничего не пойму. Откуда взялась эта жизнь? Да и вообще, что это за парень? Я его раньше в Карманове не видал.

Кожаный задумался, прошелся по тире взад-вперед и наконец вспомнил о нас.

— Так, значит, вам монахов надо?

— Ага, — кивнул Длинный.

— Тогда пошли.

— Куда?

— Сюда, — ответил Кожаный и поманил нас за прилавок. Наступая на пули, там и сям валяющиеся на полу, мы подошли к стене, на которой висели мишени. Кожаный стукнул в стену кулаком — и в ней открылась дверца.

— Заходите, — сказал он. — Только поскорее.

В узенькой темной комнате, которая оказалась за дверью, вокруг стола, освещенного оплывшей свечкой, сидели пять монахов и играли в лото.

ПЯТЬ ИГРАЮЩИХ МОНАХОВ

В черных испадающих к полу одеждах монахи сидели вокруг стола, и табачный дым волнами ходил над ними.

В сизых волнах пламя свечи колебалось, как парус, и, как вулкан, вздымалась со стола трехлитровая банка, наполненная пивом.

Монахи, все до единого, были в черных изломанных шляпах. Из-под первой шляпы высывалась курчавейшая борода, которая давно не шупала ножниц, под второй наподобие банана висел ноздреватый нос. А под остальными шляпами не было видно вообще никакого лица, там царил черная пустота, и прямо из пустоты торчали курительные трубки.

На столе там-сям были рассыпаны монеты и клетчатые таблицы. Ноздреватый потрясывал голубым мешочком.

— Пятьдесят девять, — сказал он, достав из мешка лотошный бочонок.

— Бандитизм, — откликнулся кто-то из пустилиц, и все монахи стали хватать монеты и закрывать ими клетки, в которых была цифра „59“.

— Пятьдесят два, — сказал ноздреватый.

— Кража со взломом, — пояснил от двери Кожаный, и монахи разом обернулись к нам.

— Статья пятьдесят вторая уголовного кодекса, — продолжал Кожаный. — Карают за кражу со взломом сроком от двух до пятнадцати лет.

Монахи молча разглядывали нас. Один из них — курчавая борода — встал с места, подошел поближе и сказал густым и приятным бархатным голосом:

— Это что за рожи?

— Да вот, — ответил Кожаный, указывая на нас. — Монахов они ищут.

— Ты что? — спросил бородач и постучал себя пальцем по шляпе. — Все мозги в тире отдолбил?

— Нахожусь в полном здравии, — обиделся Кожаный, и весь его гардероб заскрипел от возмущения.

— Только и знаешь медведя из бочки вышибать, — недовольно продолжал бородач. — А дело не справляешь.

— Я дело знаю! Справляю как надо!

— А этих зачем сюда притащил? Чего им надо?

— Да что ты орешь! Сам спроси, чего им надо.

— Так вам чего надо, сверчки? — грозно сказал бородач.

— Монахов, — шепнул Длинный. В голосе его слышалась сильнейшая дрожь.

— Каких монахов?

— Наших.

— А сколько же вам надо монахов?

— Пять.

— Пять???!!! — повторил бородач чуть ошеломленно. — Не много ли? Может, одного хватит?

— Нам хотя бы Моню, — жалобно ответил Длинный.

— Вот видишь, — сказал Кожаный. — Все сходится, а ты орешь.

— Все сходится, — сказал бородач и принялся изумленно и яростно чесать свою бороду. — Ну что ж, вот они, пять монахов. Все перед вами.

— Где? — не понял Длинный и даже присел, чтоб заглянуть под стол, нет ли там садка с голубями.

— Да вот они, — пояснил бородач. — В лот играют. А Моня — это я.

— Чего?

— Я и есть Моня, — с некоторой гордостью подтвердил бородач. — Выкладывай, что у тебя.

— У меня? — сказал Длинный совершенно раздавленным голосом. — У меня — ничего.

— Как ничего? За чем же тогда пришел? Кто вас послал?!

— Широконос... Широконос... с Птичьего. Ищите, говорит, в Карманове. Если украли, значит — там. Мы и поехали монахов искать.

— Врешь, червяк, божья коровка! — взревел и Моня. — Вот они монахи, перед вами.

— Да это не те монахи! — закричал Длинный. — Нам голубей надо! У нас голубей украли, мы и поехали Кожаного искать. Который голубей стрижет.

— Я раньше и правда маленько подстригал, — сказал Кожаный, почесывая затылок.

— Кого ты подстригал? Ты зачем эту мошь привел?! Продался?

— Да откуда я знаю, каких им монахов надо? Спрашивают — отвечаю.

— Ну и дела, — сказал кто-то из пустоли-
цых. — Это похоже на тот случай, когда Мань-
ка бодала бешеного быка.

— Ну, землеройки, — сказал Моня. — Вы-
метайтесь отсюда и чтоб духу вашего в Кар-
манове не было!

— Никуда они не уйдут, — злобно сказал
ноздреватый. — Это — подкидыши. От капи-
тана Болдырева.

— Да не подкидыши мы! — закричал Длин-
ный. — У нас монахов-голубей украли!

— Подкидыши от капитана, — твердил ноз-
древатый.

— Ну, смотрите, — сказал Моня. — Если
вправду подкидыши — под землей найду.

Ударом ноги он распахнул дверь, протасил
нас через весь тир и вытолкнул на улицу.

Длинный споткнулся, упал, но тут же вско-
чил на ноги и дунул через площадь к вокзалу.
В одну секунду он развил такую скорость, что
на поворотах его заносило и разворачивало,
как грузовик на льду. Сады, палисадники
мелькали по сторонам, а мы бежали быстрее,
быстрее и были совсем недалеко от вокзала,
как вдруг из какой-то подворотни высунулась
огромная рука, пролетела за нами вдогонку и
сразу сгребла в охапку и меня, и Длинного.

— Стой! — сказала рука и втащила нас в
подворотню.

КОМНАТА ЦВЕТА КАКАО

Рука крепко держала нас и не думала отпу-
скасть. Напротив, к правой руке добавилась
вторая, не менее суровая и властная. Не сго-
вариваясь, руки поделили нас. Одна держала
теперь Длинного, другая — меня.

Где-то высоко над руками светились огром-
нейшие рыжие усы. Они шевелились, как щу-
пальца осьминога.

Такие усы забыть было невозможно. Совсем
недавно они пили квас и нюхали стеклорез, а
теперь в темной подворотне они подрагивали,
как лучи прожекторов, и отраженным блеском
мерцала над ними соломенная шляпа.

— Те или не те? — послышалось из-под
шляпы.

— Те, — ответил знакомый голос.

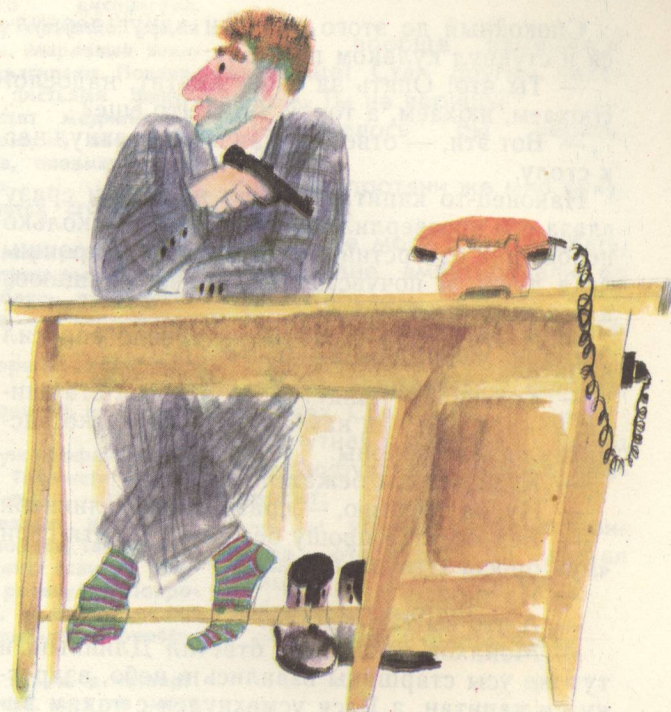
Рядом с усачом в подворотне стоял волшеб-
ный стрелок Вася.

— За что? — заныл Длинный. — Отпусти!

— Молчать — не двигаться! — приказали
усы, а руки тут же нарушили приказ, подтолк-
нули вперед. — Проходите.

— Куда еще?

— В отделение, — ответил усач, решитель-
но выставил нас на улицу и повел, крепко дер-
жа за руки. Волшебный стрелок пошел впе-
ре-
ди, как бы показывая дорогу. Он взбежал на
узорное коричневое крыльцо, распахнул дверь,
и мы оказались в комнате, в которой за дере-
вянным барьером дремал милиционер.

— Здравия желаю! — вскричал он, просы-
паясь.

— Пойди пообедай, — ответил на это усач
и через дверь, обитую шоколадной клеенкой,
провел нас в кабинет, оклеенный обоями цвета
какао.

Там, за столом, сидел человек в сером кос-
тюме и чистил револьвер.

Он чистил его тщательно и грозно. Неприят-
ная слабость охватила меня, я слышал, как
вздрагивает Длинный.

Усач поставил нас посреди комнаты, а вол-
шебный стрелок отошел к окну, будто боялся,
что мы в него выскочим. Но выскочить мы уже
никуда не могли. Подавленные, неслись мы по
течению, захлебывались в кармановских водо-
воротах и не знали, что сделают с нами эти
пенные струи: то ли вынесут на тихий берег, то
ли расшибут о подводный камень.

Человек в сером поднял револьвер и прице-
лился в несгораемый шкаф.

Шкаф дрогнул.

Длинный зажмурился.

«Сейчас саданет», — подумал я.

— Ну что нового, товарищ старшина? —
спросил серый костюм, убирая огнестрельное
оружие в тот же самый шкаф.

— Кое-что есть, товарищ капитан, — отве-
тил усач.

— А что именно?

Стрелок Вася порывлся в кармане и выложил
на стол алмаз-стеклорез.

— Ничего нового не вижу, — сказал капи-
тан.

— Да вы его понюхайте, товарищ капитан, —
подсказал Вася.

Спокойный до этого капитан вдруг дернулся и стукнул кулаком по столу:

— Ты что! Опять за свое! Хватит, надоело! Нюхаем, нюхаем, а толку чуть. Что еще?

— Вот эти, — ответил усач и подтолкнул нас к столу.

Наконец-то капитан глянул на нас, и сразу глаза его просверлили в моей груди несколько небольших отверстий, через которые и проникли в душу. Я почувствовал, что превращаюсь в решето.

— И этих тоже нюхать? — грозно спросил капитан.

— Как видно, придется, — ответил старшина, наклонился над нами, и усы его мягко распахнулись в стороны.

— Куда это вы бежали?

— Ну, на станцию, — сразу заныл Длинный.

— Без «ну»! Попрошу без «ну»! Ты эти свои «ну» брось! Откуда бежали?

— Из тира.

— А что вы там делали?

— Монахов искали, — ответил Длинный, и тут же усы старшины взвились в небо, вздрогнул и капитан, а Вася усмехнулся с таким видом, будто именно этого он и ожидал.

— Монахов? — повторил старшина, и усы его сложились в каверзную букву «Х». — А каких-таких вам надо монахов?

— Голубей.

— Как так голубей? Каких еще голубей?

— Стоп, — прервал капитан. — Ничего не пойму. Старшина Тараканов, доложите обстановку. Только покороче.

Старшина насупился. Усы его приняли строгое выражение, параллельное полу.

— Сегодня с утра, — сказал он, — мы продолжали розыск по делу, которое получило кодовое название «Мешок». В одиннадцать ноль-ноль наш человек — Василий Куролесов — заметил Подозрительного, который был одет в кожаное пальто, кожаную кепку, кожаные брюки, кожаные перчатки и кожаные ботинки. Как выяснилось, Подозрительный заведует тиром и скрывается под кличкой Кожаный. Подозрительный продавал стеклорез. Рядом находились малолетние подозреваемые, помогавшие сбить стеклорез. Было решено преследовать Подозрительных, и наш человек проследовал в тир, где и обнаружил всех троих подозреваемых. Через некоторое время малолетние подозреваемые вышли из тира и бросились бежать, очевидно, получив преступное задание. Тогда совместно с Василием Куролесовым они были задержаны и доставлены в отделение.

Старшина Тараканов окончил речь, и усы его издали звук, похожий на аплодисменты.

— Так, — сказал капитан. — Ну, а вы что скажете, малолетние подозреваемые? Что вы делали на рынке?

— Голубей искали, — ответил Длинный. — А если вам монахов надо — бегите скорей, пока они в лото играют.

— Что такое? — нахмурился капитан. — Кто играет в лото?

— Монахи, пять человек. Сидят в задней комнате и в лото играют.

Капитан поглядел на меня.

— И ты видел монахов?

— Еще бы, — ответил я.

— Что-что?

— Еще бы, — повторил я, прокашлявшись. Кажется, у меня был шанс разболтаться.

— Ты эти «еще бы» брось. Говори толком.

Мне стало душно. Во дворе или на улице мне хватало словарного запаса, а в милиции надо было его, кажется, расширять.

— Что ж говорить, — помог Длинный. — Пять монахов сидят и в лото играют.

— Стоп, — прервал его капитан. — Пусть он расскажет.

Я вспотел. Мне в голову не приходило, с чего начать рассказ, не хватало ни слов, ни красок. Ну в письменном виде я бы кое-как изложил дело, а устно, при народе, не было сил. Я и в школе-то всегда страдал, и учителя мучились со мною.

— Ты будешь рассказывать или нет, — сказал капитан. — Или язык присох? Как звать?

— Юрка, — ответил я.

— А тебя?

— Длинный, — сказал Длинный.

— Ну ладно, рассказывай ты, Длинный, а с Юркой мы еще поговорим.

— Голубей у нас украли, вот мы и приехали в Карманов.

— Где украли? Когда? — спросил капитан и достал записную книжку.

Пока Длинный рассказывал, он что-то отмечал в ней карандашиком. Вася Куролесов достал записную книжку, точно такую же, как у капитана, но карандашик был у него покороче.

Старшина Тараканов записной книжки не достал, зато усы его ни секунды не болтались без дела. Они то печально обвисали, словно ветви плакучей ивы, то вдруг топорщились иглами дикобраза, а уже через секунду обращались в веер и ласково обмахивали собственный подбородок. К концу рассказа в них вспыхнули красные и голубые искры, и мне показалось, что это не усы, а хвост райской птицы торчит из-под милицейского носа. В общем, усы строили такие гримасы, что капитан решил призвать их к порядку.

— Прекратите это, — строго сказал капитан. — Мешаете слушать.

Старшина покраснел.

— Попрошу подробней описать монахов.

— Темно было. А они все в шляпах.

— Что ж, из-под шляп ничего не торчало?

— У одного борода торчала, у другого — нос. А у остальных ничего не торчало.

— Все сходится, — сказал капитан. — У остальных и торчать-то нечему. А борода — это бандит по кличке Мона. С носом — старый вор Сопеля. Остальные — мелкая сошка: Барабан, Цепочка и Жернов.

Капитан снял телефонную трубку, пару раз крутанул диск и ясно сказал:

— Оцепить сектор двести восемнадцать!

МЫ С ВАМИ ГОВОРим НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

С. ДОВЛАТОВ

Рисунок А. Гетманского

Приемная Таллинского врачбно-физкультурного диспансера. Здесь чуточку неуютно, как в стенах поликлиники. Марлевые занавески на окнах вздрагивают. Покачивает глянцевыми листьями фикус. Холодноблестят медицинские инструменты. А рядом, неожиданно — лыжи, штанга, пневматическая боксерская «груша»...

В дверях появляется сгорбленный человек.

— Я к доктору Маркузасу. Навстречу посетителю выходит рослый мужчина. Улыбаясь, протягивает левую руку. Правая — в кармане халата.

Страдальчески морщась, посетитель говорит:

— Доктор, вы, конечно, не узнаете меня!

— О, я не такой уж профан в спорте. Вы — Алексей Таммисте, звезда советского баскетбола.

— Сейчас я развалина, доктор!..

— А ну-ка повернитесь. Так. Минутку. Больно! Радикулит, если не ошибаюсь. Да, именно радикулит. Попробуйте сделать так. А сейчас — вот так. Что ж, радикулит дело поправимое.

— Но я должен играть в четверг! Понимаете, в четверг. А я не могу самостоятельно одеться...

— В четверг, говорите! Надо записать. Приду болеть за вас, Таммисте. Маркузас смотрит на часы.

— Так вот. Сейчас понедельник. Десять часов утра. Шестидесять часов спустя вы будете в отличной форме. — Значит, шестидесять часов. Не больше и не меньше!

— Не больше и не меньше. Точность — приращенная немецкая черта.

— Немецкая! Я не уловил акцента. Странно.

— Я давно здесь живу. У нас будет время. Расскажу вам о себе...

...Гранд-отель в Мюнхене. Прохладный от бесчисленных зеркал вестибюль. Немецкая, английская, французская речь. Солидная публика: коммерсанты, ученые, дипломаты. Услужливые администраторы в черно-белых смокингах напоминают пингвинов.

По широкой лестнице отеля спускается немолодой человек в темном костюме. На лацкане круглый жетон — «USSR». Ему навстречу спешит приземистый толстяк, увешанный значками. Вот они заметили, узнали друг друга. Короткая пауза. Приподнятые брови... Толстяк заговорил первым:

— О господи! Маркузе! Ты ли это, старина?! Не узнаешь?

— Здравствуй, Гейнц фон Книбуш. Как ты располнел!

Бывшему спортсмену это не к лицу.

— Я вообще изменился, дружище! Стал другим человеком. Ты не веришь?

— Хотелось бы верить, Гейнц.

— Так протяни же мне руку, дружище!

— Я не могу этого сделать, Гейнц. Мне ампутировали ее под Витебском.

— Какое несчастье! Ты сражался на восточном фронте?

— На Белорусском фронте, в частях Советской Армии.

Минутная пауза. Затем Гейнц фон Книбуш еле слышно произносит:

— Ты убивал соотечественников, Маркузе? Ты убивал немцев?

И слышит в ответ:

— Я убивал фашистов!..

Июль 1923 года. Немецкая марка катастрофически падает в цене.

На полную мощность работают типографские станки. Они заготавливают для следующего дня новую кучу денег.

— Вот зарплата, — обращается вечером к жене страховой агент Герман Маркузе, — иди купи цыпленка. Утром ты на эти деньги не купишь и яйца.

В семье Маркузе шестеро детей. Остен — квартал бедняков. Горький запах размякшего маргарина. Низкосортный уголь чадит.

Тринадцатилетний мальчуган натягивает джемпер, похожий на рыболовную сеть.

— Ты куда, сынок? — Маркузе откладывает газету.

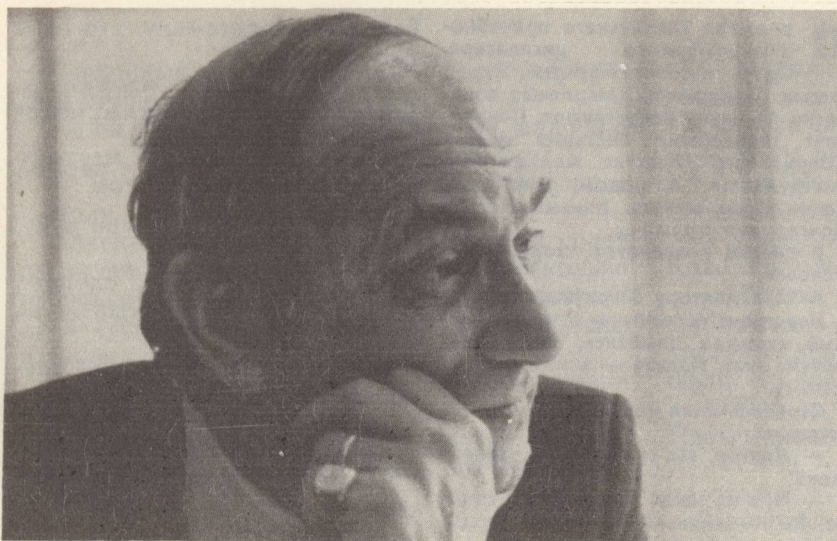
— На стадион, папа.

— Что ж, это помогает забыть о голоде...

Баварский квартал. Особняк ротмистра Иоахима фон Книбуша. С бульвара доносится горьковатый запах лип. Шуршит накрахмаленное платье горничной. На столе мельхиоровый кофейник, английский джем, печенье от Гильбриха.

Ротмистр фон Книбуш надевает бриллиантовые запонки.

Вбегает тринадцатилетний Гейнц. На нем костюмчик, сшитый лондонским портным.

Фрицас Маркузас

— Ты куда собрался? — интересуется ротмистр.

— На стадион, отец.

— Прекрасно. Истинный немец должен быть сильным и ловким...

Квадрат ринга. Хронометр стягивает задний карман гимнастических брюк тренера.

Тренера зовут... (Не будем указывать подлинное имя этого человека. Известный антифашист, бывший подпольщик живет в Западной Германии. Назовем его Эрих Шмидт).

— А теперь, — командует герр Шмидт, — проведем минутный спарринг. Надевайте перчатки, ты, Маркузе, и ты, фон Книбуш. Маркузе, действуй осмотрительнее, не раскрывайся. Книбуш, работай техничнее.

Маркузе надевает перчатки, затягивает шнурки. Книбуш не двигается с места.

— В чем дело, Гейнц? — спрашивает тренер. — Ты нездоров?

Гейнц фон Книбуш презрительно усмехается:

— Я не буду работать с Маркузе.

— Почему?

— От него пахнет луком. Я не выношу запах лука.

Маркузе резко поворачивается.

— Брэк! — командует тренер. — Не горячись, малыш! Достопочтенный фон Книбуш очень чувствителен. Весьма

чувствителен к твоим опперкотам. Бог с ним. После души жду тебя у выхода. Есть разговор...

Маркузе выходит из душа. Эрих Шмидт ждет его у забора. В сумраке поблескивают уголки чемодана.

Они идут по Лангештрассе. День близится к ночи.

— Кто твой любимый герой? — спрашивает тренер.

— Мартин Иден, герр Шмидт.

— Тебе нравятся рассказы Джека Лондона?

— О да, конечно. И Купера, и Майн-Рида.

— Хорошие писатели, — рассеянно произносит тренер. И добавляет. — Если хочешь, зайдем ко мне. Я покажу тебе другие книги...

Просторный склад трамвайного депо. Под крышей на закопченных балках дремлют сизые голуби. У выхода — наспех сколоченная трибуна.

В помещениилюдно. Негромко переговариваясь, рабочие ждут. Пахнет мазутом, бензиновой гарью, растаявшим снегом.

На трибуне вырастает широкоплечий человек в полупальто и кепке. Взрыв аплодисментов. Как будто тысячи голубей, хлопая крыльями, одновременно поднялись в воздух.

Оратор поднимает тяжелый кулак:

— Товарищи! Поговорим о наших общих бедах...

К Маркузе протиснулся его товарищ:

— Знаешь, кто этот человек? — возбужденно шепчет он.

А в рядах уже слышится: «Тельман! Это же наш Тедди».

Появляется тренер Эрих Шмидт. Галстук торчит из кармана. Берет в кулаке.

— Вот что, ребята. Соберите человек шесть надежных парней и марш на улицу. Там дежурят рабочие патрули. Но людей маловато. Возможны провокации со стороны нацистов.

Лабиринт переулков. Са-рай, заборы, пакгаузы. Голые ветки скрипят на ветру. В сумраке прячутся тени. Раздаются гулкие шаги патрульных.

Со стороны вокзала движется толпа. В руках — велосипедные цепи, кастеты и палки. Впереди — Гейнц фон Книбуш. На нем сапоги для верховой езды с подвернутыми голенищами и хромовая куртка.

— Стой! — вырастает на его пути Маркузе.

— Ты?

— Я.

— Получай!

Книбуш заносит над его головой железный прут. Маркузе резко уходит в сторону. Затем неожиданно выбрасывает правую руку. Словно вбивает невзгоды, ярость, горечь, боль в этот круглый, тугой подбородок.

Книбуш падает на асфальт, как вещь.

В тупике уже дерутся. Где-то ревет полицейская сирена. Книбуш поднимается на четвереньки, встает.

— Мы еще встретимся, — говорит он...

Тридцать четвертый год. Подвал канцелярского магазина. Многопудовые напластования картона.

Маркузе прислушивается. Засовывает под ремень кипу сатинированной бумаги № 3. Сверху надевает куртку. Бумага необходима подпольной типографии. Утром на заборах, на стенах домов, на бортах ав-

томобилей появятся листовки. В правом верхнем углу будет напечатано — «Рот фронт».

У Маркузе нет имени, нет адреса. В тощем бумажнике — фальшивый паспорт.

Ночует он у приятеля. Засыпает лишь под утро. Его будит грохот подкованных сапог. Распахивается дверь. На пороге обер-вахмистр. С ним двое полицейских.

— Документы!

Из-за спины обер-вахмистра появляется Книбуш в военной форме.

— Не извольте сомневаться, герр обер. Это тот самый Маркузе.

Его увозят в закрытом фургоне. Вдоль борта надпись — «Свежий хлеб». Зачем лишний раз нервировать прохожих.

Полицейская тюрьма на Александрплац. Заключенные называют ее фамиллярно Алекс. Тусклая лампочка. Зеленая, обитая железом дверь. Невыспавшийся полицейский чиновник.

— Ты член коммунистического союза молодежи? Отвечай!

Через несколько минут захлопнется дверь тюремной камеры. А сейчас на столе полицейского чиновника дребезжит телефон:

— Алло! Вы слышите? В городе появились листовки!

Арестованный Маркузе улыбается. Он ясно представляет себе квадратик бумаги № 3. И два слова — «Рот фронт» — в правом верхнем углу.

Друзья готовят ему побег. Весной 1934 года Маркузе, переодевшись священником, бежит в Данию. Мирная страна. Приветливые белокурые девушки. Вдоволь говядины и масла.

Он заканчивает спортивный колледж. Затем — долгие месяцы без работы.

— Кому нужен тренер? — ухмыляется служащий биржи.

Говорят, есть работа в Литве. С тех пор его фамилия звучит по-литовски — Маркузас.

В 1940 году Литовская ССР вошла в состав СССР. И вот он — советский гражданин.

1941 год. Война. Маркузас идет добровольцем на фронт.

Тишина над снежной равниной. Окопы противника смутно угадываются в морозном тумане. Там на расстоянии четырехсот метров — фашисты, бывшие соотечественники, враги. Слева на железнодорожном полотне черный остов разбитого товарного вагона.

— Пора, — говорит майор.

Первые сто метров он движется в рост. Затем бежит, пригнувшись, как в атаке. Тяжелый металлический рупор бьет его по ногам.

Раздаются выстрелы. Пули вспарывают снег. Дальше — по-пластунски. Метр за метром. Одиночные выстрелы сменяет трескотня пулемета. До вражеской траншеи метров пятьдесят.

Маркузе прижимает ледяной рупор к губам:

— Солдаты, — выкрикивает он по-немецки, — не верьте Геббельсу! Я расскажу вам правду о Сталинграде!..

В землянке командира роты сидит перебежчик:

— И вот я наконец решился. До этого ежедневно слушал передачи. Офицеры загоняли нас в блиндажи. Я прятался в траншее и слушал. За это старший лейтенант Книбуш ударил меня рукояткой пистолета.

— Гейнц фон Книбуш? — быстро спрашивает Маркузас.

— Совершенно верно, господин переводчик. Ну и мерзавец, доложу я вам.

— Я знал этого человека...

Гранд-отель в Мюнхене. На лестнице беседуют двое пожилых мужчин.

— Так мы увидимся? — спрашивает Гейнц фон Книбуш. — Не забывай, мы старые приятели. Мы говорим на одном языке.

— О нет, ты ошибаешься, Гейнц. Мы говорим на разных языках, — отвечает Маркузас.

Затем он проходит мимо не оглядываясь...

Он все помнит. Бои под Тулой, под Орлом, под Витебском. Госпиталь в Сибири. Госпиталь в Ново-Кузнецке. И вот — счастливый день его жизни — Победа!

Дальше — медицинский институт в Алма-Ате. Тренер становится медиком, врачом. Его приглашают на работу в Эстонию.

Залитая светом баскетбольная площадка.

Последние секунды. Два очка решают исход ответственного матча. Острый момент. Неожиданно из этого круговорота вырывается легкий силуэт. Человек с мячом — гармоничное стремительное единство.

Неуловимое движение. Секунда полной тишины. Мяч дразняще замирает и, чуть помедлив, опускается в корзину.

Шквал на трибунах. Друзья обнимают сияющего Таммисте. Аплодисменты, крики.

И лишь один, может быть, самый горячий болельщик не аплодирует. Не может. Правая его рука в кармане. Счастливо улыбаясь, он незаметно идет к выходу.

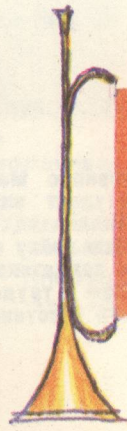
Но ведь эти аплодисменты звучат и в его честь.

Фрицас Маркузас, студент института физкультуры, Голландия, 1935 год. Всю войну снимок пролежал в солдатском вещевом мешке. Нам с трудом удалось его восстановить

ПАРАДЫ

ЖУРНАЛ ЮНКРОВ

СЛУШАЙТЕ
ВСЕ!

Скоро в Артеке соберутся делегаты VII Всесоюзного Слета пионеров. Самые достойные — за каждым звеном, отряд, город, республика — расскажут о своей жизни, о своих мечтах и планах.

Мы узнаем о путях-дорогах, открытиях и находках Всесоюзной экспедиции «Моя Родина — СССР», об успехах и рекордах на спортивных площадках. В Артеке соберутся активные участники Всесоюзной игры «Старты надежд», которая идет под девизом «Олимпийцы среди нас».

У всех нас одна большая Родина — Советский Союз, но у каждого есть еще и своя деревня, город, поселок, станция. Вот и пишут нам ребята о своем родном крае, где родились, живут и учатся.

Нашем городе
Я учился

ЛЕНИН

Я живу в Казани. Это красивый город.

В нашем городе провел свои юношеские годы Владимир Ильич Ленин. В Казани много учебных заведений и свой университет. В нем учился Ленин. Потом он был сослан за революционную деятельность в село Кокушкино. Мы туда ездили на экскурсию. А перед университетом, у памятника Владимиру Ильичу, меня принимали в пионеры. Все октябрята нашего города с волнением ждут минуты, когда им повяжут галстуки у памятника вождем.

Я горжусь своим городом и тем, что здесь провел свою юность Ленин.

Вова Холодинов

Моя Родина — СССР

монеты. Может быть, кому-нибудь наш город и не понравится, но я там родился и Калазин люблю. Он значит своей старинной.

Саша Кубарев

СЛУШАЛИ
ПРО
ОЙМЯКОН?

Вы слышали про Оймякон? Наверное, слышали. Это самое холодное место в нашей стране. Морозы у нас бывают до шестидесяти градусов. А летом — ничего, даже без пальто ходить можно. Мы не в самом Оймяконе живем, а недалеко от него. Поселок маленький, есть школа, сельский клуб, библиотека. Природа красивая, оленей много! Хоть поселок и маленький, а я его люблю. Жить у нас интересно!

Вадим Федорченко,
Якутская АССР

НЕ ОЧЕНЬ
ЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ ГОРОДОК

Я родился в городе Калазине. Он стоит на берегу Волги, в ста восьмидесяти километрах от Москвы.

Через город протекает Волга. Не так давно построили водохранилище. На дне его часто находят старинные

Наш
Тольятти

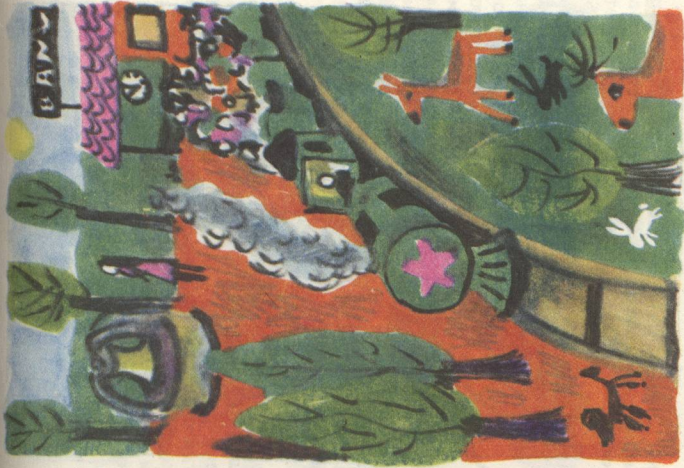
Я напишу о своем городе Тольятти. Наш город называют обычно городом юности. Он действительно один из самых молодых городов нашей страны.

Места здесь красивые! У Жигулей Волгу преграждает гидроэлектростанция имени Владимира Ильича Ленина, а за плотинной синее Куйбышевское море.

В Тольятти много заводов. Крупнейший Волжский завод выпускает автомашины «Жигули». Работать на заводе — моя мечта, я хочу стать инженером-автомобилистом.

Светлана Балашова

ПИОНЕРСКАЯ
ЖЕЛЕЗНАЯ
ДОРОГА
Бригита Урбан,
8-й класс,
Берлин

Еду в Пионерскую республику!

Меня зовут Лукас Фогт. Я стал пионером совсем недавно, и меня отпустили одного только потому, что Пионерская республика не очень далеко от дома.

Я живу в удивительном районе — Кёпенике. Когда-то это был отдельный городок, прославившийся веселым сапожником Вильгельмом Фогтом (о чем, конечно, ребята в классе напоминают мне почти каждый день). Нарядившись в мундир капитана, он посмеялся над управителями городка: явился в ратушу и взял под стражу бургомистра. Это было в начале нашего века. А сейчас он — из разноцветной мозаики — смеющийся, в синем мундире не по росту, красуется на стене одного большого здания. Конечно, я горжусь, что у меня такой знаменитый веселый однофамилец!

Я люблю свой район, хожу кормить разгуливающих у причала ручных птиц, часто хожу с мамой есть мороженое в кафе с соломенной крышей под ветряной мельницей: я уже был в старинном здешнем охотничьем замке на Вечномзеленом острове, Инзель Иммергрюн, где выставлены искусные изделия народных мастеров.

Я очень люблю рисовать, и чаще всего рисую вагончики, в которых едут каждый раз новые герои...

Поезд, идущий вдоль парка, был моей мечтой. Нельзя сказать, чтобы я не ездил на поезде. Сколько хотите, тысячу раз! В Берлине это, наверное, самый первый вид транспорта, на электричках люди здесь ездят чаще

всего. Но это совсем особая дорога — ДЕТСКАЯ, ПИОНЕРСКАЯ! Сегодня я увидел, что и машинист, и кондукторы здесь были в красивых галстуках, конечно, старшеклассники. И остановки у поезда были совсем особые, например, «Станция юных техников».

Пионерская республика имени Эрнста Тельмана находится в большом сосновом бору. Почти семь километров ехали ребята на поезде вокруг Республики. А когда приехали, я, честно говоря, побоялся, что потеряюсь — так много необычного было здесь. Сначала я постоял у вольера с медведями, потому что их как раз кормили, потом посмотрел, как в специальном Саду движения ребята на ярких автомобилях учили правила уличного движения, потом пожалел, что не догадался взять роликовые коньки, потому что по широкой дорожке наперегонки бежали на роликах мальчишки. Я просто не знал, куда лучше свернуть: в кино, куда бежали ребята, на стадион, где стучали мячи, или уж лучше на озеро, где брызгались не понять кто, пионеры или нет, и весь пляж был в разноцветных трусиках. Всюду было весело и интересно.

Но больше всего мне захотелось стать если уж не машинистом, то хоть кондуктором или дежурным, который дает свисток... Жаль, что расти долго. Одно я знал точно: как только доберусь до дома, нарисую красным фломастером замечательный веселый поезд, несущийся мимо зеленых сосен Пионерской республики.

Познакомилась с Лукасом Фогтом и записала его рассказ в Берлине И. ЛОМАКИНА

Вот такое письмо прислала школьница Рашиди Саиди в редакцию журнала «Революция через слово», который издается для детей в Дар-эс-Саламе, в молодом африканском государстве Танзания. Она написала его на языке суахили, на котором учат в танзанийских школах.

«Барабан» очень рад, что и в далекой Африке есть журнал, который сочиняют сами ребята.

Мы показали это письмо ленинградскому школьнику Толе Скрипову, и он нарисовал жаркий Дар-эс-Салам и африканскую девочку, которая пишет письмо в редакцию.

Уважаемый редактор, помести мои стихи в журнале, В журнале, которому радуются дети, В журнале, который ждут в школах, В журнале, где авторы — дети. Нам трудно понять — хорошо ли то,

что мы написали, Но нам никогда не надоест сочинять, Мы хотим учиться писать все лучше, Поэтому мы пишем в наш журнал.

Чтобы научиться чему-нибудь, надо начать учиться! Иначе как ты узнаешь — Можешь ты или нет?

Воспитательница
С.С.С.С.С.

КАК МЫ СОТЯДОМ
ТУШИЛИ ПОЖАР

Каждое лето беру с собой в пионерский лагерь плакаты и памятки о том, как с огнем бороться. Для некоторых слово «пожарник» — дразнилка, а я не обижался, когда меня звали «пожарник». В нашей школе многие записаны в дружинку юных пожарных, мы все участвуем в соревнованиях.

из сундука
С.С.С.С.С.

Юнкора журнала «Барабан» так рассказывали о своем пионерском лете пятьдесят лет назад.

В ЛАГЕРЕ

Мы, пионеры, привезли из Москвы пазл, чтобы помочь крестьянам. Они принесли посуду, а мы ее тут же пали. Кто принесил ведро, кто кружки или миски.

Это мы помогали крестьянам в деревне Саниково. Конечно, крестьяне были очень довольны и обещали дать нам картошки и разной еды, но мы

В лагере у нас такая дружина не было, и мы втроем решили дежурить сами. Подливали воду в пожарные бочки, натакали песку в ящики, проверили огнетушители.

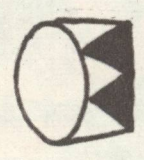
Наступила жара. Пересохли все ручейки и болотца. Над лесом стали летать самолеты «кукурузники», чтобы вовремя заметить огонь. У одного из наших мальчиков был бинокль, и мы стали забираться на дерево и дежурить там. Стали следить, не покажется ли дым.

Однажды мы шли к нашему наблюдательному пункту и вдруг почувствовали, что пахнет гарью. Перелезли через забор и — в лес, видим, по земле дымок стелется. Побежали дальше — из-под елки густой дым валит. Павлик побежал за помощью, а мы вдвоем стали гасить траву.

В лагере горн заиграл пожарную тревогу. Вскоре к нам прибежал весь отряд. Кто с ведром, кто с лопатой. Притащили и песок, и воду. Пожар быстро погасили.

сказали, что нам ничего не надо, так как мы приехали сюда работать, а не за едой.

НОВИКОВА,
Красная Пресня,
«Барабан» № 11, 1927 год

ОРГАНИЗОВАЛИ ОТРЯД

В один прекрасный июльский день я пошел купаться и мне сказали, что на реке пионеры.

Когда я взошел на гору, то увидел, как по деревне идут пионеры с трубой и барабаном. Мне было интересно послушать звуки трубы и барабана.

Я стал искать и нашел рядом с елкой свежий след от костра: обгоревшие спички и пустую пачку от сигарет, совсем как на одном плакате. С той поры меня стали называть ПОЖАРНЫЙ с уважением и многие ребята решили записаться в ЮДПД.

Саша Лавров,
6 «а» класс, 271-я школа,
Ленинград

РАССКАЗЫ О НАШЕЙ БРИГАДЕ

Вова Рогачев:

— У нас в школе все пионеры помогают совхозу.

Наша ученическая бригада сажала морковь, развозила траву на скотные дворы. Вырос подсолнух — стали ссыпать сено. Потом настал сенокос — гребли сено.

Нина Миклина:

— Рано вставать, конечно, не хотелось, но я себя пересиливала. Тем более что мама мне повторяла не раз, что главное — начать работать. И правда, — настроение менялось. Когда приезжали на поле, оно было все в сорняках, а после прополки глянешь — всюду веселые, зеленые рядочки моркови.

Зоя Толстоброва:

— Когда первый раз зашла в телатник, там было темно, и я сперва ничего не увидела — только желтые, белые, черные пятна. И вдруг эти пятна идут ко мне и мычат. Пригляделась — телата... Все лето я на ферме проработала. С удовольствием!

Геня Терехов:

— Я полоть не люблю. День полоть, два полоть, пошел в правление, попросил другой работы. Поставили меня пасты коров. Здесь мне понравилось: никто не подгоняет, коровы послушные, а на ферму придешь — парным молоком угощают. Иногда целый литр молока выпьешь!

Оля Мухомина:

— Однажды начали соревнования: кто больше рядков прополет, а потом стали бороться и за качество прополки.

Саша Кошечев:

— Я у транспортера траву подгребал. Сначала думал: не справлюсь, ведь ни одной соринки нельзя пропустить. Потом привок. Трасса по транспортеру волной бежит. Я даже стихи об этом хотел написать...

Соколовская средняя школа
Кировской области

Записал В. МИХАЙЛОВ

ВНИМАНИЕ-ВНИМАНИЕ!

допишите рассказ

Пионер Федя шел по дороге. Вокруг был ночной лес. На небе ни луны, ни звезд. Тихо. Вдруг кусты захрустели, и Федя увидел два огромных зеленых глаза, которые светились в темноте. Это был...

КТО? ЧТО ПРОИЗОШЛО? ЧЕМ КОНЧИЛОСЬ?

Оформление
Г. Ковенчука

БАРАБАШКИ

Лариса Степановна попросила назвать любимое местоимение. Один ученик сказал:

— Корова!

— Почему ты так считаешь?

— Потому что не назвала ее Буренкой, вместо

— Но я же не назвал просто «корову», а назвал

Машкой, а назвал просто «корову», а назвал

Света Локтионова,
4 «а» класс, 93-я школа,
Казань

— Назовите какое-нибудь одноклеточное животное.

— Слои! Он один в клетке.

— К какому семейству принадлежит кошка?

— К семейству хозяина.

— Зачем мы пьем воду?

— Чтобы не засохнуть.

— Что ты знаешь о реках Африки?

— Они занимают судоходством и рыболовством.

Записала Лариса Скляр
из Оренбургской области

Это были звезды, которым надоело висеть на небе, и они решили погулять по земле. Две звезды упали на ежа. Иголки впились в них, и они запрыгали от боли. Ветви затрещали. Этот треск и услышал Федя.

Наташа Полищук,
5-й класс

Это был Андрей Костюченко с двумя фонариками. Он сказал: «Что, испугался? Ха-ха-ха! Ну ладно, пошли в лагерь».

И они с Федей зашагали по дороге к пионерскому лагерю.

Олег Котляр,
7-й класс

Это был кто-то темный и страшный. Федя испугался, но пересилил страх. Он подкрался к огням и увидел летящую тарелку. Из окна лился фосфорический свет. Он подошел к аппарату, поднялся по лестнице и услышал странный разговор:

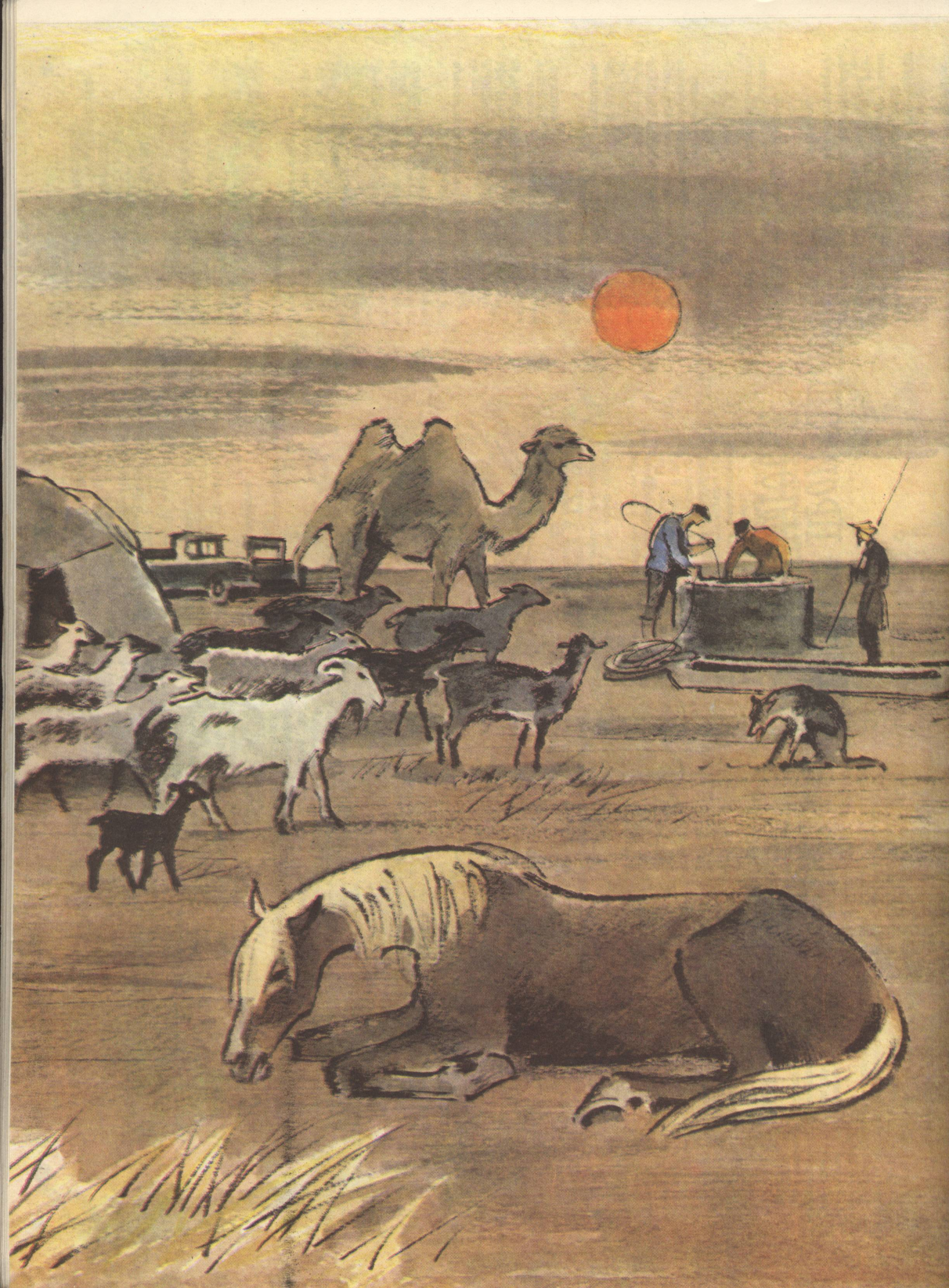
— Брон-дин-зон!!!

— Кон-зол-бол!!!

Федя вошел внутрь летающей тарелки и внимательно посмотрел на инопланетян. Это были... папа и мама. Они говорили: «Вставай, Федя! В школу пора!»

Бобинкина Света,
7-й класс

А КАК БЫ ВЫ
ДОПИСАЛИ
ЭТОТ РАССКАЗ!
НА КОНВЕРТЕ
НЕ ЗАБУДЬТЕ НАПИСАТЬ СЛОВА:
«НА КОНКУРС!»

Опасно бездорожье в ночной степи. Митя сжимал баранку в руках, когда колонна обходила черные провалы оврагов, когда колесо попадало в лисью нору и станок качал мачтой, грозя опрокинуть машину. Вел колонну Нурыш, начальник отряда.

Колонна стала, стихли моторы, Нурыш сказал:

— Заночуем у чабана. Выпьем холодной воды. Здесь колодец.

Буровики шли к юрте со спальными мешками в руках. Они предвкушали ужин, вкусный чай и сон на прохладной земле.

Вышел чабан. Он заговорил с Нурышем по-казахски. Тот выслушал старика и сказал буровикам:

— Беда, здесь колодец обвалился, отара без воды.

В темноте черным пятном шевелилась отара. Появилась овца, обошла каменный выступ колодца и стала возле сухой колоды.

Чабан выслушал Нурыша, принес толстую волосаную веревку. Нурыш обвязался, прицепил к поясу фонарик. Начали его опускать в колодец.

Буровики сгрудились вокруг колодца. Глядели в черную дыру, переспрашивали чабана: «Отец, сколько, говоришь, тут глубины?»

— Шестьдесят метров будет, — отвечал чабан.

Нурыш посигналил веревкой, его выволокли, он отдышался, стал рассказывать: «Верхняя часть колодца облицована камнем. Ниже круглые камни с дырками посередине, лежат друг на друге как баранки. Сдвинулись баранки, дырки не совпадают. Кулак мой проходит, а ведро никак не пройдет».

Дул холодный ветер, хлопала на крыше юрты кошма загнутым углом. Овцы лежали неподвижно, тяжело дышали. Сторожевые псы не поднимали голов: ослабели от жажды.

Пала роса. Белая полынь, осока-черноголовка, кустики верблюжьей колючки — все стало седым, степь затуманилась.

Овцы, что были посильнее, поднялись и стали разбредаться, лизать влажные веточки полыни. Чабан ушел в глубь отары, расхаживал там, расталкивал овец. Отыскав ягнят и вконец ослабевших овец, брал на руки, относил в сторону, чтобы не затоптали их.

Собаки пытались удержать овец в отаре. Один лишь верблюд был спокоен. Он мерно двигал челюстями.

Буровой мастер спросил чабана:

— До соседнего колодца далеко? Самых

слабых овец и ягнят мы сможем отвезти на машинах.

Чабан ответил:

— Соседний колодец поит свою отару. В нашей степи при водопое колодцы вычерпывают до дна...

Нурыш велел собираться в путь. Пыхнули, застучали машины, выбросили в степь перья света. Забегали шоферы.

Геолог Колякин забегал, замахал короткими ручками.

— Ребята, да вы что, отступились?..

Его не слушали. Он достал из рюкзака фонарик, повесил на шею. Обвязался веревкой, позвал: «Ребята, спускайте меня». Никто не откликнулся. Тогда Колякин привязал второй конец веревки к бетонному бруску, вскочил на выступ колодца — и миг исчез, так что его не успел задержать подскочивший Нурыш.

Подождали, подождали — нет Колякина и нет, испугались.

По команде Нурыша ухватились за веревку, стали тянуть, да так торопливо, что миг над выступом кладки показалась голова Колякина. В шесть рук подхватили его, поставили на землю. Он пыхтел, хрипел, издавал звуки, которым и названия нету.

— Я отвечаю за вас, Павел Петрович! — Нурыш был зол. — Вы наш гость. Вы едете с нашей колонной. Садитесь в машину.

Колякин, не отвечая, взял свой рюкзак из кузова машины, достал оттуда зубило, молоток и фонарик.

Он спустился в колодец, а буровики разошлись по машинам. Однако колонна не трогалась: у колодца оставался дядя Миша.

— Поехали! — кричали ему из кабины.

Не отзывался старый буровой мастер.

Захлопали дверцы машин, вылезали буровики, подходили к колодцу, наваливались грудью на его каменный выступ, прислушивались.

— Чего-то не слышно, — сказал с тревогой Нурыш. — Как бы не завалило...

Дядя Миша скинул куртку, поплевал на руку, предупредил: «Дерну два раза — тяните!» И стал спускаться.

Дождались сигнала, ухватились за веревку в десять рук, мигом выдернули Колякина. Он брыкался и кричал в горловину колодца: «Михаил, чего руки-то распускаешь? Я ведь сдачи могу дать!»

Из глубины колодца донеслось звяканье железа.

И дело пошло. Теперь, едва над каменным

СУХОЙ КОЛОДЕЦ

РАССКАЗ

Борис РЯХОВСКИЙ

Рисунки И. Харкевича

выступом колодца появлялись голова и плечи буровика, его подхватывали в десять рук и ставили на землю. Сменщик уже стоял наготове.

Невидимая, пролетела над колодцем сова и будто отделила своими крылами ночь ото дня. Восток затеплился, потянул зябкий ветерок.

Пришла очередь Колякина. Несколько толчков ногами — и Колякин очутился в пещерке. Ее освещала лежащая на боку автомобильная фара. Дном пещерки была известняковая плита. Плиту по-прежнему можно было сравнить с баранкой, — но теперь уж с баранкой обкусанной: края ее были обрублены. Ниже, во второй плите буровики вырубили глубокую яму в форме котла.

Среди обломков камня Колякин нашарил гладкую ручку кувалды и тяжелый штырь с расплюсченной, сбитой набок головкой. Он нацелил штырь, ударом кувалды вогнал его в известняк.

Ахнув, провалилась середина каменной плиты. Рука с зубилом повисла в пустоте.

Колякин схватил топор, покрепче уперся ногами, наклонился и пошел тесать.

Он был мокрый от пота, когда вырубил в рыхлом известняке дырищу, — рваную, с острыми выступами. Плечи, спина, ноги — все болело, однако он довел дело до конца и ровно обтесал края.

Изнеможенного, его вытянули на свет, на ветер. Он огляделся: овцы разбрелись окрест, лежали или стояли кучками, несколько коров и лошадей замерли неподалеку с опущенными головами. Верблюд по-прежнему лежал возле юрты, жевал свою жвачку и смотрел вдаль, как бы своим видом показывая людям: глядите, вот я не доставляю вам никаких забот.

— Давайте черпать, — сказал Колякин.

Он поднял разбитые в кровь руки, подставил их ветру. Встал над верблюдом.

Чабан притащил к колодцу кольцо стального канатика и сшитый из лошадиной шкуры мешок.

Верблюд качнулся и поднял Колякина над степью.

Кожаный мешок под тяжестью своей железной крестовины полетел вниз, потянул за собой канатик.

— Скажи «хоп!» — крикнул чабан Колякину.

— Хоп! — повторил Колякин.

Верблюд двинулся прочь от колодца.

Канатик дрогнул и натянулся.

— Зачерпнуло! — закричал Колякин.

— Вода есть! — закричали буровики.

— Су бар! — закричал чабан. — Вода есть!

Могучий верблюд между тем шел и шел, удаляясь от колодца, с легкостью вытягивая мешок из глубин земли.

Блеск канатика и верблюд с седоком привлекли внимание овцы, которая была покрепче других и не лежала, а бродила неподалеку. Овца заблеяла и всполошила отару. Вожак отары, старый козел с космами на брюхе и на груди, позвал овец за собой и бросился к колодцу.

Чабан дал команду собакам остановить овец.

Овец не испугал грозный рык псов. Тогда один из псов прыгнул навстречу козлу и цапнул его за заднюю ногу.

— Чего овец не подпускаешь? — закричал Колякин чабану.

— Они последними пьют!

Колякин глядел сверху, как чабана и буровиков крутило в водовороте тел, как раскидывали они овец, пропускали к колодцу псов. Псы лезли грудью в колоду. Дышали их жаркие красные пасти.

Чабан дал псам наспех утолить жажду, а затем хватал их за загривки, отшвыривал, приказывал удерживать овец.

Налили колоду, пустили лошадей; брезглива лошадь, замутненную воду пить не станет. Пили лошади не спеша: касались поверхности воды рыхлыми губами, фыркали, поглядывали вокруг.

Колякин был чуть живой — так его потрясло на пыльных горбах. Он остановил верблюда, кое-как сполз по его меховому боку.

— На мое место хочешь? — спросил Нурыш. — Иди, вставай! Я сменю тебя на верблюде!

В этот момент чабан и собаки пустили к колодцу овец. Те как безумные полезли в колоду с ногами, надсадно орали, отпихивали друг друга.

Колякин запрокинул голову, вылил остатки воды на себя, поймал струю открытым ртом...

И пошла работа!..

Псы отсекали от отары овец, пригоняли к колодцу.

Овцы накатывались галдящими волнами.

— Зачерпнуло! — кричал Колякин. — Пошел!

Он выхватывал мешок из колодца, опрокидывал. Из мешка хлестал искристый сноп воды, разбивался о пыльные бараньи спины.

— Пейте! — кричал Колякин. — Пейте!

Набегал верблюд, жарко дышал в шею. Хотел, сидя между горбами, Нурыш.

В гостях
у пионеров
вьетнамские
друзья

ИМЕНИ ХО ШИ МИНА

У вьетнамских ребят — большой праздник. 15 мая Отряду передовых пионеров имени Хо Ши Мина исполнилось 35 лет. Впервые за многие годы пионеры Севера и Юга Вьетнама отметили этот день единой семьей под мирным небом.

Об этом мечтали многие поколения вьетнамских ребят в красных галстуках. Даже в пионерских значках отразилась эта мечта: молодой побег бамбука — символ юной смены Вьетнама. Золотая звезда — преданность делу

партии. Бамбук и звезда изображены на фоне красного солнца, символизирующего свободный Вьетнам. Только у ребят Северного Вьетнама на значке было чистое солнце, а у пионеров Юга оно было красным лишь наполовину — за полную свободу еще нужно было бороться. И вот теперь солнце свободы засияло и над Южным Вьетнамом, после десятилетней упорной борьбы. Есть в этой победе и вклад юных борцов — вьетнамских ребят.

Пионерская организация Демократической Республики Вьетнам возникла в суровые годы борьбы против французских колонизаторов и японских захватчиков. Первые пионеры были связными подпольных групп, разведчиками партизанских отрядов, санитарями. Они распространяли листовки, охраняли партизанские тропы, похищали у врага оружие.

Многим советским ребятам знакома книга «Повесть о Ким

Рисунок Т. Капустиной

Добро пожаловать в Артек!

Донге». Ким Донг — первый пионер-герой вьетнамской революции. Командир отряда пионеров, юный разведчик, он не раз выполнял задания подпольщиков. Враги схватили его. Они жестоко пытали четырнадцатилетнего разведчика, но им так и не удалось ничего узнать. Ким Донг погиб как герой.

«Живым факелом» назвал народ отважного партизанского связного Ле Ван Тама. Однажды ему стало известно, что французские оккупанты готовят карательную экспедицию. Бежать предупредить партизан было уже невозможно. Он решил взорвать склад с горючим. На подступах к складу его обнаружили. Тогда Ле Ван Там облил себя бензином и, горящий, бросился к снарядам. Склад взлетел в воздух.

Имена этих и многих других пионеров навсегда вписаны в историю пионерской организации ДРВ.

В годы войны против американских агрессоров пионеры Вьетнама широко развернули движение «Тысячи хороших дел». Они помогали семьям воинов, инвалидам войны, во время налетов выносили маленьких детей из горящих домов. Ребята выращивали рис, овощи, заготовили тысячи тонн зеленых веток для маскировки боевых позиций, автомашин и орудий. В то же время ни на

один день не прекращались занятия в школах, потому что девизом вьетнамских ребят было: «Учиться наперекор вражеским бомбам и снарядам».

Когда на землю Вьетнама пришел долгожданный мир, пионеры вместе с отцами и старшими братьями принялись за восстановление страны. Осуществляя «маленький план», они собирают утиль, помогают в ремонте дорог, создают «кооперативы молодых», где ухаживают за домашним скотом, уничтожают вредных сельскохозяйственных насекомых. Благодаря усилиям пионеров был построен завод синтетических смол имени Пионерии.

В разное время пионерская организация ДРВ называлась по-разному. Сначала это были «Авангардные пионерские отряды». Потом — «Федерация самых молодых за спасение родины». После августовской революции 1945 года — «Августовские пионерские отряды», позже — «Отряд передовых пионеров». С 1970 года Отряд пионеров носит имя президента Хо Ши Мина. В своей деятельности пионеры Вьетнама следуют заветам «дяди Хо», который призывал их: «Любить свою родину, народ; хорошо учиться и трудиться; спланировать и строго соблюдать дисциплину; соблюдать правила гигиены и

закалять здоровье; быть скромными, честными и храбрыми».

Крепкая многолетняя дружба связывает советских и вьетнамских пионеров. Каждое лето в Артеке как самых близких друзей встречают наши ребята посланцев героического Вьетнама.

Юные ленинцы всегда внимательно следили за борьбой вьетнамского народа, всеми силами стремились помочь своим вьетнамским сверстникам. Яркие страницы в летописи пролетарской солидарности — кампания «Пионеры СССР — Вьетнаму» и операция «Лекарства лесной аптеки — детскому госпиталю в Ханое».

Вьетнамский народ приступил к строительству мирной жизни. Советские пионеры активно участвуют во Всесоюзной кампании «Советская молодежь — юному поколению Вьетнама». «Пионеры СССР — детям Вьетнама» — юные ленинцы вместе с комсомольцами собирают средства на оборудование Дворца пионеров в Ханое.

В ноябре прошлого года в Москве было подписано советско-вьетнамское соглашение о строительстве Дворца пионеров в Ханое. Это дар советской молодежи юному поколению Вьетнама.

Каждый пионерский отряд может и должен внести свой вклад в это большое интернациональное дело, собирая металлолом и макулатуру, участвуя в субботниках и воскресниках, организуя трудовые десанты на стройки и колхозные поля. Заработанные средства перечисляйте на текущий счет ЦК ВЛКСМ № 700409 Управления по Кассовому исполнению госбюджета правления Госбанка СССР с пометкой: «Советская молодежь — юному поколению Вьетнама».

Операция «Пионеры СССР — детям Вьетнама» продолжается. И мы верим, скоро Дворец пионеров в Ханое будет построен. Он станет памятником дружбы советских и вьетнамских пионеров, молодежи Советского Союза и Вьетнама.

Н. ТАРАСЕНКО

ИГОРЬ В ЗАЗЕРКАЛЬЕ,

ИЛИ РАССКАЗ О ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ В НОВОСИБИРСКЕ

Ленка примчалась в школу пораньше. Хлопнула портфелем по парте, дернула соседа за рукав:

— У тебя, профессор, с задачками порядок? Дай списать.

Игорь вынул тетрадь. Задачи по математике и физике он, действительно, решает легко. И не только за восьмой класс, но и те, над которыми ломают головы десятиклассники.

Правда, списывать у него опасаются. Во-первых, решения у него так необычны, что выдавать за свои их не только совестно, но и опасно. Во-вторых, Игорь стал заноситься, будто и в самом деле профессор. В этот раз он сказал Ленке:

— Неужели тебе неинтересно самой решить?

— А что тут интересного? — рассмеялась соседка. — «А» плюс «Б»...

Игорь рассердился.

Долгие зимние вечера он просиживал за письменным столом. Над сложной задачей мог биться часами. Искал неожиданных решений, стремился найти самое простое доказательство теоремы. И был счастлив, если удавалось.

— Читала сказку «Приключения Алисы в стране чудес»? — спросил он Ленку. — Есть там странный персонаж — Чеширский Кот. Он пропадал, а улыбка его оставалась... Так и математика.

— Как это? — не поняла Ленка.

— А так. Мы не конфетки с конфетками складываем, не во-

робьев, а абстрактные числа. А число без предмета — это все равно что улыбка без кота...

— У-у-у! — сказала Лена. — Сам ты Чеширский Кот. Профессор!

Они рассмеялись.

Игорь никому не рассказал, что взялся за решение задач заочной всесибирской олимпиады и отсылал письма с решениями в Академгородок под Новосибирском. Там находилась физико-математическая школа, куда он втайне мечтал попасть.

— Что-то, Игорек, ты совсем забросил математику, — сказала однажды мама. — Смотрю, порядок на столе навел, все свои книжки по полкам расставил...

— Вечно ты, мама, волну-

— Вы обратили внимание, что спицы в велосипедном колесе расположены не по радиусам? Вот и объясните почему.

— Вы, конечно, слышали имя академика Михаила Алексеевича Лаврентьева. У себя в кабинете или на лыжной прогулке он всегда закидывал собеседников задачками. Однаж-

В один из дней ребята отправились в Институт физики полупроводников. Шли они через лес, вспугивали белок, которые цокали вслед и швыряли шишки.

...В лаборатории на столе возвышался длинный металлический ящик. Пока один из сотрудников рассказывал ребятам об удивительных свойствах полупроводников, аппарат тихонечко гудел, нагреваясь. Внутри дрожал огонек.

Сотрудник института подошел к прибору.

И вдруг острый, необыкновенного красного цвета луч рванулся через всю комнату. Луч лазера. С его помощью проводят сложные хирургические операции, обрабатывают твердые сплавы, шьют платья, изучают физические процессы.

Молодой человек поставил в луч обыкновенное стекло, только чуть-чуть затуманенное. И в

воздухе вдруг возник... будильник. Самый обыкновенный.

Игорь рванулся поближе. Будильник был настоящий: форма, объем, даже выщербинки на футляре. Но чуть сдвинулось стекло в сторону — и будильник пропал.

Это был эффект голографии, передачи с помощью луча лазера объемного изображения.

Ведь фамышата в один из дней недели работают вместе с учеными в любых — какой понравится — институтах. Можно — в Институте ядерной физики, можно в Институте цитологии и генетики, в Вычислительном центре...

Он часто вспоминал книгу Льюиса Кэрролла, английского писателя и математика. И при-

думанное им Зазеркалье, где Алиса с королевой бежали по странному лесу, но все время оставались под одним и тем же деревом...

— У нас, — сказала Алиса, с трудом переводя дух, — когда долго бежишь со всех ног, непременно попадешь в другое место.

— Какая отсталая страна, — сказала королева. — Ну, а здесь, знаешь ли, приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте. А если хочешь попасть в другое место, тогда нужно бежать по крайней мере вдвое быстрее.

«Это как у нас в школе», — подумал Игорь.

Н. ЛИНКО

ВНИМАНИЕ:

Кем бы вы ни хотели стать, важно научиться видеть и разгадывать непонятное в понятном. Это умение можно выработать.

Мы открываем новый раздел: КООТ — Клуб обыкновенных открытий. Вести его будет сотрудник Сибирского отделения Академии наук СССР Евгений Иванович Пальчиков.

Задачи, которые будут публиковаться в разделе, только на первый взгляд просты. Для решения их потребуются знания, наблюдательность и умение самостоятельно мыслить.

Ответов на них не найти ни в одном учебнике.

Итак, первые две задачи:

1. Почему спицы в велосипедном колесе расположены не по радиусам?

2. Поставьте перед собой два будильника. Наблюдайте за ними в течение пяти минут. Попробуйте определить, на сколько минут «убежит» один будильник относительно другого за сутки. Если сумеете определить, то расскажите, каким образом вам удалось это сделать.

Ответы посылайте в КООТ.

Оформление А. Януса

О МАЛЬЧИКЕ, КОТОРЫЙ ЕЛ СЛИШКОМ МНОГО

СКАЗКА ЭСКИМОСОВ АЛЯСКИ

Жила когда-то одна старушка с маленьким внуком в своем всеми забытом иглу. То и дело внучек открывал рот — просил чего-нибудь поесть. Никак не удавалось накормить его досыта. Но вот пришел конец их припасам. И тогда старушка послала своего внука на берег моря, чтобы он сам поискал добычу.

Сначала мальчик нашел маленькую рыбку, которую выплеснуло волною. Он поднял ее и проглотил.

Потом мальчик наткнулся на нерпу, выброшенную на берег. Она была еще свежей, и мальчик проглотил ее всю, целиком. Но все равно он был голоден.

Он пошел дальше и скоро заметил большого тюленя, который грелся на солнышке. И прежде чем тюлень нырнул, мальчик схватил его за лапы, оттащил от воды и проглотил разом всего тюленя. Он и теперь не почувствовал себя сытым.

Он отправился дальше и увидел на берегу белого кита, вокруг которого уже бродили медведи. Мальчик открыл рот пошире и проглотил кита.

Мальчик похлопал себя по животу. Пожалуй, вот теперь он сыт, так сыт, как никогда в жизни. Но зато очень хотелось пить. И он поспешил к озерку, где обычно брали воду для питья. Не так-то просто напиться с полным брюхом — того и гляди кувырнешься в воду. Мальчик лег на землю и пил глоток за глотком, глоток за глотком, пока озеро не иссякло и стало похоже на котел для мяса, который вылизали собаки.

Мальчик стал толстый-претолстый, круглый-прекруглый. Он так наелся, что не смог войти в дверь своего иглу.

— Что-то наша дверь стала слишком узка! — крикнул мальчик.

— Тогда входи через окно, — ответила старушка.

Конечно, окно было гораздо уже, чем дверь, но все же мальчик попытался войти и просунул голову.

— Я не могу через окно, — крикнул мальчик, — оно тоже узко!

— Тогда лезь через дымовую дыру, — сказала старушка.

Мальчик засмеялся: ведь эта дыра еще меньше, чем окно. Но все-таки он послушался и попробовал пролезть через дымоход. К его удивлению он втиснул голову и плечи. А дальше — ни с места.

Тогда старушка вздохнула и взяла свою швейную иголку. Она подула в игольное ушко и поднесла его к дымоходу.

— Ну-ка, попробуй теперь!..

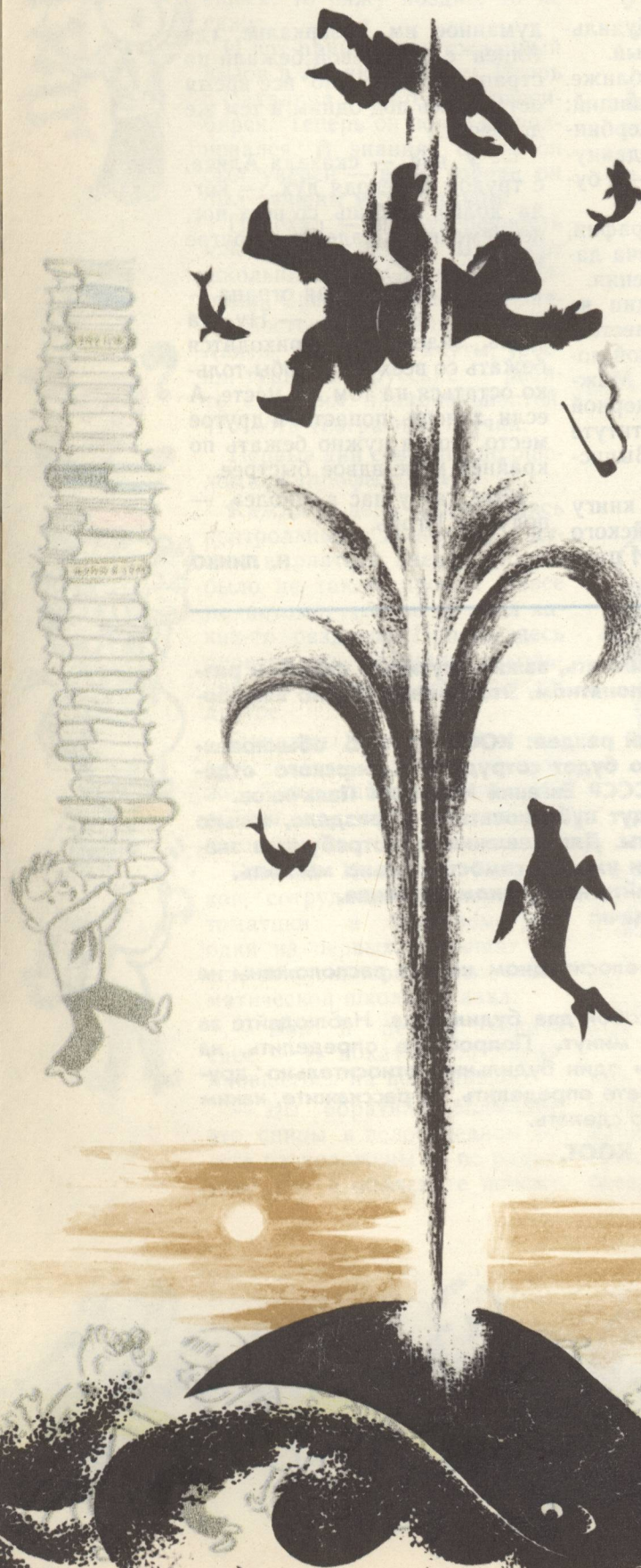
И мальчик легко и просто вошел сквозь игольное ушко.

— Только держись подальше от лампы с тюленьим жиром! — крикнула старушка.

Мальчик обернулся на крик и наткнулся прямо на лампу. Старушка выскочила за дверь, а позади громахнуло, как от удара грома.

Помедлив, старушка забралась на крышу иглу и со страхом заглянула внутрь. Внизу поблескивало темное озеро. Там плавали маленькая рыбка, небольшая нерпа, морской тюлень и большой белый кит.

Перевела Л. КОКОРИНА
Рисунок Ю. Клыкова

КРАСНЫЙ ГАЛСТУК, РУБАНОК И МОЛОТОК

Вокруг этого восьмиклассника всегда ребячий круговорот.

— Саша! — вприпрыжку несутся к нему четвероклашки. — Нужны срочно кормушки для птиц. Вот чертежи в газете...

— Ну, Санечка, — просят девочки, — скоро праздник. Ты же обещал нам полочки для цветов?

— Слышишь, Сайкин, — обращается дежурный по школе, — дверь не закрывается в кабинете физики. Надо что-то придумать...

Сашу я встретил в школе в самое неподходящее время: конец четверти, дел невпроворот, и нужно еще сделать несколько сот посылочных ящиков для одного местного предприятия. Хотя и простое, конечно, задание, но важное.

В большую перемену в пахнущем стружкой, загроможденном досками и фанерой классе собрал Саша Сайкин всех своих помощников.

— Ребята, — начал речь Сайкин и по привычке сердито тряхнул чубом. — Если не будет ящиков — не будет футбольных мячей и волейбольной сетки, не будет нового фрезерного станка и поездки в Москву... Вопросы есть?

Вопросов не было. В тот же день после обеда дружно застучали двадцать молотков, зазвенели двадцать пил у двадцати верстаков школьного цеха. Нашлась работа и девочкам — они подносили материалы, убирали опилки, проверяли качество изделий. Пирамида ящиков росла не

только вверх, к самому потолку, но и вширь. Столяры трудились, поглядывая друг на друга: у кого больше.

И так это у них ладно да складно все получалось — просто глазам не верилось. «Но откуда у ребят настоящая рабочая сноровка и умение?» — сам себя спрашиваю и сам себе отвечаю: «Как откуда? От любви к делу...»

Вот, например, Женя Кочетков, помощник Сайкина. Летом Женя вместе с рабочими совхозные дома в поселке Тайцы строил. Правда, сначала поехал в пионерский лагерь, да не нашлось там для него никакого столярного дела — только выжигание по

Еще одна рама
для школьной теплицы

И идет работа всех прямо в сборочный цех

Сейчас и этот ящик будет готов

„Количество — хорошо, а качество — лучше“ — любимая поговорка Саши Сайкина

Постарался — и вот результат

дереву. А сидеть без дела не привык, вот и подался он обратно, из лагеря, и поступил на стройку.

— Рабочие ко мне относились хорошо, — говорит Женья, — как к взрослому. И ребята наши, что приходили за меня поболеть, это видели, и потом сами стали на стройке работать. И денег я на мопед заработал. Но покупать раздумал. Все деньги отдал матери. Ведь двое нас у нее. Есть еще младшая сестренка Нина.

Сам Саша Сайкин на той стройке не работал. Это дело таицких ребят. Сайкин на каникулах жил в поселке Важины, у себя дома. Когда приехал, решил строить забор. Вернее, заготконтора поручила это сделать его отцу. Но...

«Дай-ка, говорю, батя, лучше топором потюкаю я. Авось сделаю! — рассказывает Саша. — Отец отговаривал: иди, мол, покупайся лучше. Но все-таки дал топор. И я все сделал сам. Копал для столбов ямы, обстругивал столбы, прибавал жерди и доски. Прохожие качали головами: смотрите, мол, какой бедный «ребенок». Но уже через две недели отгородился я от непрошенных зевак крепким забором».

К сказанному Сашей надо добавить, что длина сделанного им забора — целых шестьсот метров. Согласитесь: неплохой результат даже для опытного плотника.

Красный галстук, рубанок и молоток — эта эмблема могла бы стать фирменной эмблемой этого удивительного коллектива, родившегося семь лет назад в Жихаревской школе-интернате. И все эти годы жихаревские пионеры столярничают с увлечением и добросовестно. Работой ребят заказчики не нахвалятся. А что удивляться? Такой уж человек Саша Сайкин, требовательный, добросовестный. И помощников себе подобрал надежных и работающих.

В. ЧЕТКАРЕВ
Фото М. Дмитриева,
В. Филиппова

Стихи Сарвешвара Даяла Саксены

Рисунки К. Претро

Сарвешвар Даял Саксена живет в Индии, в Дели, и пишет стихи для взрослых.

Есть у него две дочки, Вибха и Шубха. Чтобы их позабавить, Саксена сочинял скороговорки и считалки в стихах. Эти стихи очень нравились Вибхе и Шубхе, и их друзьям, и друзьям их друзей. В 1971 году стихи вышли отдельной книжкой под названием «Башмак Ибн Баттуты».

Вот два стихотворения из этой книжки.

КРУГ

Собирайтесь все вокруг
в этот круг!
В этом круге есть другой,
меньший круг.
Но недаром ходит слух,
что и в этом меньшем круге
Есть еще поменьше круг,
а уж в этом меньшем круге
Самый, самый малый круг.
Если тесно станет вдруг,
Мы еще начертим круг.
Видишь, в середине круга
Села важная Мяука.
А вокруг нее, вокруг —
Круг за кругом, в круге круг.
В них места занять спешат
сотни сереньких мышат.
Расступись, народ, —
начинаем хоровод!
Потанцуем мы, и вдруг
попадем в мышиный круг,
А набегаемся вместе —
остановимся на месте.
Мыши будут чистить уши,
мы же будем бить баклуши.
Тише, тише, тише, тише!
К нам подкрался сладкий сон.
Убаюкали нас мыши,
Окружив со всех сторон.

СЛУЧАЙ В ПУСТЫНЕ

Всем известный Ибн Баттута, по-старинному обутый,
Шел куда-то и к кому-то,

да тайфун его настиг.

И набился ветер в уши, и набился ветер в ноздри,
Так что до-о-олго отдувался

разобиженный старик.

И покуда отдувался всем известный Ибн Баттута,
И покуда собирался сделать следующий шаг,
Соскользнул с ноги Баттуты,

улетел с ноги Баттуты

очень старый, очень рваный,

очень стоптанный башмак.

Полетал башмак по небу,

полетал, полетал

И в Японию упал.

И мудрейший Ибн Баттута не достал его оттуда,
Но зато случилось чудо:

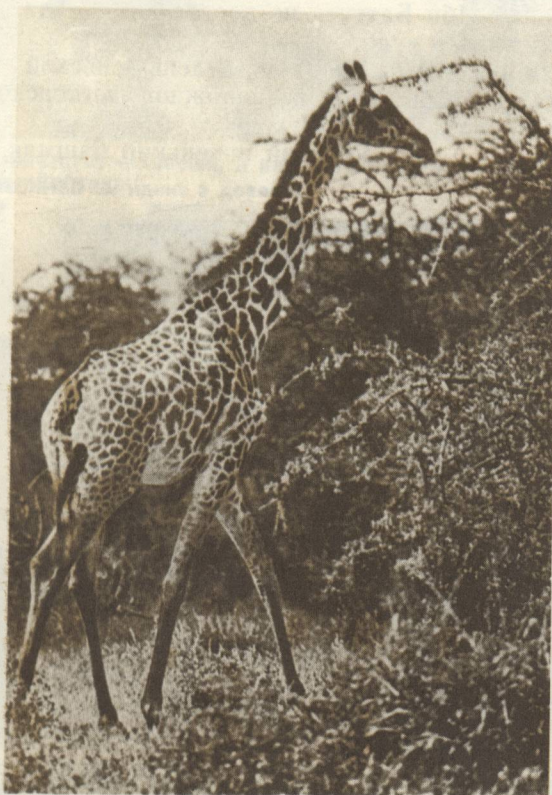
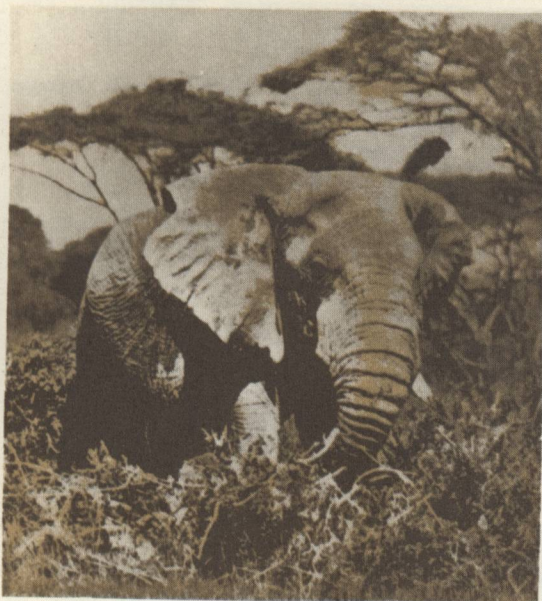
Через горы и долины шел Баттута день-деньской

И дошел дорогой длинной до сапожной мастерской,
Где достал почти за так

крепкий новенький башмак.

Перевод с хинди А. СЕНКЕВИЧА

Урсула Ульрих — писательница из Дрездена. Ее книги любят дети ГДР. Вместе со своим мужем — директором Дрезденского зоопарка — она совершила несколько путешествий в жаркие страны и принимала участие в отлове диких зверей. «Львы — наши соседи» — так называется ее книга, написанная после экспедиции в Африку. Мы печатаем отрывок из этой книги. Фотографии сделаны отважной путешественницей.

НОЧЬ НА ДЕРЕВЬЯХ

Урсула УЛЬРИХ

Эту ночь мы решили провести на деревьях около озера, чтобы утром иметь возможность наблюдать за зверями, идущими на водопой.

Мы запаслись теплыми одеялами, горячим чаем, едой и после обеда отправились в путь. В дорожной пыли были четко видны следы буйвола. Какие-то серые птицы сидели на кустах. Их тонкие хвосты свисали с веток. С полей раздавался причудливый звон: это были крики цесарок, которые ходили по убранному кукурузным полям в поисках зерен. На опушке леса стояли две жирафы. Заслышав звук нашего мотора, они повернули к нам красивые головы, внимательно посмотрели на нас и исчезли в листве. Узкая грунтовая дорога была совсем не приспособлена для езды на машине — автомобиль качало, как лодку в открытом море. Впереди показалось озеро. Воздух был наполнен стрекотаньем цикад. Вибрирующие металлические звуки резали уши.

Мы ехали вдоль озера к месту ночевки. Наш проводник Рольф шел впереди машины. Вдруг он остановился и показал в сторону дерева.

— Видите скелет? — спросил он. — Остатки обеда леопарда. Эта кошка четырнадцать дней тому назад убила водяного козла и затащила тушу на сук. Оттуда она и свалилась.

Мы подъехали ближе. Гиены, шакалы и коршуны основательно потрудились над остатками туши. Их работу завершили муравьи. На костях не было ни кусочка мяса...

Оказалось, что эта куча обглоданных костей находится в каких-нибудь ста метрах от нашего временного жилища.

— А на людей леопарды нападают? — спрашиваю я.

— Раздраженный леопард бывает опасен, — уклончиво отвечает Рольф.

Разгружая машину, мы спугнули стаю ибисов. Тяжело ударяя крыльями и неприятно крикая, они сделали круг над озером и опустились на другом его берегу.

Лестница, по которой нам пришлось лезть, была сделана из палок, прикрепленных к стволу дерева. По ней мы поднялись наверх. Там оказалась площадка полтора на два метра. Но вот одеяла и фотокамеры уложены. А теперь надо сидеть очень тихо. Я беру бинокль и наблюдаю.

На поляне я вижу двух бородавочников. Они галопом несутся по лугу, пробираются сквозь кусты и выбегают на берег озера.

Длинные клыкастые морды опускаются в воду. Звери жадно пьют. Потом один бородавочник, напившись досыта, падает на бок и начинает кататься. Второй садится в прохладную воду. Затем они так же быстро, как и прибежали, несутся назад.

Над озером кружит орел. К нему присоединяется второй. Вдруг они начинают бить друг друга крыльями — драка? — и улетают.

Прилетают три венценосных журавля и начинают танцевать. Одна птица, хлопая крыльями, прыгает вокруг своих сородичей, отбегает в сторону, возвращается, кружит на месте. Остальные птицы все это время тоже хлопают крыльями. В эти минуты они напоминают птенцов, которые учатся летать. Внезапно танец прекращается и красивые птицы, потряхивая золотыми коронами на головах, поднимаются в воздух.

В озере появляется было гиппопотам. Но его голова остается на поверхности воды очень недолго...

Солнце село. Как по сигналу закончили концерт цикады. Скрылись все птицы. Наступила ночь.

Я никогда не думала, что в Африке она может быть такой холодной! Мы ведь на два градуса южнее экватора.

Это была моя первая ночь под открытым небом в тропическом лесу. Тихо. Где же рычание львов, где смех гиен? С озера раздается сонное кряканье гусей. Я закрываю глаза...

Мы спим до четырех тридцати. Побудка. Уже бледнеют звезды. Гуси проснулись. Гогоча и пронзительно крича, они занимаются утренним туалетом. На востоке небо окрашивается в красный цвет. Скоро взойдет солнце. Прилетел первый ибис и сел на то же дерево, где сидел вчера. Гиппопотам не видно. Пять ибисов прямо под нами садятся в мокрую от росы траву и начинают шагать, разминая ноги. Из леса вышел жираф. Прямо у нас на глазах он принимается завтракать. Длинным подвижным языком и губами жираф срывает листья с деревьев. Его копыта с треском ломают сухой ва- лежник.

В десять часов пятнадцать минут мы покидаем площадку и спускаемся с дерева. После неподвижного сидения ноги не сгибаются. Какое наслаждение — двигаться! Я бегаю по траве. Повсюду видны следы зверей. Надо быть начеку. И вдруг в двадцати метрах от нас из воды всплывает голова гиппопотамы. С любопытством глядя на нас, он подплывает все ближе и широко разевает пасть, показывает нам желтые кривые зубы. Наши фотокамеры наготове. Гиппопотам снова разевает пасть. Мы щелкаем затворами. Между прочим, зевота гиппопотамы не имеет никакого отношения к усталости. Даже напротив, говорят, что она необходима для пищеварения, а возможно, что это и один из способов угрозы. Может быть,

гиппопотаму показалось, что мы подошли к озеру слишком близко? Но мы не собираемся купаться, и огромная водяная лошадь уплывает в дальний конец озера.

Мы отправляемся в обратный путь.

На следующий день, как только над саванной поднимается красное круглое солнце, мы встаем. Мы хотим нанести визит «господину с большой головой». Так некоторые африканские племена называют льва.

Мы снова в пути. Повсюду видны стада диких животных. На траве лежит роса. Воздух чистый и свежий, как после грозы. В сорока метрах от дороги вдруг появляется пятнистая кошачья голова.

— Леопард! — говорит Рольф и подъезжает поближе. Мы ждем момента, когда животное покажется во весь рост. Хищник подпускает нас на двадцать метров, потом вскакивает, делает несколько прыжков, а потом снова прячется в траву. Мы едем за леопардом. Нам хочется его сфотографировать, но вот животное мощным прыжком перепрыгивает через ручей, и мы прекращаем преследование.

Возвращаемся на дорогу и буквально через несколько метров встречаем льва.

Увы, какой это повелитель зверей?! Его морда искажена, грива растрепана, он исхудал, шерсть не блестит. Мы подъезжаем ближе, лев, как пугливая собака, поджав хвост, пытается бежать.

Догнать его не составляет труда. Он слаб и очень скоро обессиленный опускается в траву. Сейчас хорошо видно, что он тяжело ранен. На правой задней лапе рана размером в ладонь. Она уже покрылась коркой, и на ней сотнями сидят мухи. Вероятно, этот лев потерпел поражение в битве с другим самцом. Теперь ему приходится довольствоваться мышами и крысами. Или идти туда, где охотятся другие львы, и ждать, пока они, насытившись, не оставят тушу. И тогда он вступает в спор за остатки чужого пира с шакалами, гиенами и коршунами...

На небе собираются тучи. Через несколько минут тяжелые капли начинают стучать по машине. Мы следуем совету Рольфа и возвращаемся домой.

Перевела с немецкого
Е. МИЛАШКИНА

СТРАНИЦЫ

Раздел ведет писатель
Н. СЛАДКОВ

ГАЩУКИ из КАРАГАЯ

ЧЕРНЫШ

РАНЕТА

ЯГОДКА

Поселок Карагай — высоко в горах. В одну сторону глянешь — виден Восточный Казахстан, в другую посмотришь — Горный Алтай. Простор... Карагай — на местном наречии — черный лес. Но это зимой черный, а летом здесь все кругом зеленое да голубое...

— О ком написать? — спросили меня в Карагае. — Да напишите о Гащуках. Вся семья телят выращивает.

Пошла к Гащукам... А Гащуки с самого раннего утра — в телятнике. Гащуков семеро: мама и шесть ребят — трое мальчишек и трое девчонок. Коля, Володя, Миша, Оля, Валя, Наташа... Мама — Галина Маркеловна — на ферме телятница, ребята у нее в помощниках.

Длинный телятник разгорожен на большие клетки. В клетках лежат и стоят пестро-красные телята. Один сосет белое ухо соседа, другой лижет у собрата рыжий бочок, третий учится ходить, да копытца разъезжаются, четвертый уж и скакать пробует. А вот две маленькие клетки. В одной лежат три теленочка. От мокрой курчавой шерсти идет пар. Это — новорожденные... В другой — изолятор, здесь больные. Над обеими клетками низко подвешены обогревательные лампы...

Галина Маркеловна греет телятам молоко и пойло, ребята разносят ведерки и кормят телят. Новорожденных поят из соски. Потом Володя приносит сено — для телят постарше, Коля убирает клетки, Миша запрягает коня — вывозить навоз. Девочки чистят телят. Всем работы много...

А знаете, как зовут телят? Клички дают сами ребята. У Оли — все вкусные: Ранетка, Конфетка, Ягодка. У Миши — Медведь, Апрель. У Вали — Чернушка...

Окрепнут телята — мальчики отправятся с ними на горное пастбище, там у них походный лагерь.

— Не боитесь одни? — спросила я. — А вдруг медведь...

— Медведь не тронет, — сказал Володя. — Мы его не раз близко видели. Да и нас — трое...

Придет осень, а с ней — Гащукам волнения: нужно сдавать телят государству, держать настоящий экзамен. Все телята должны быть выращены на круглую «пятерку».

Потом — начнутся занятия в школе, уроки, и будут снова телята, но уже другие...

НЕРАЗГАДАННАЯ ЗАГАДКА

Во время похода по Амуру мы увидели на камнях близ села Сикочи-Алян наскальные рисунки, сделанные тысячи лет назад. На большущем валуне были изображены сорок гребцов, сидящих в лодке, и два лица на найского типа. Рисунки мы срисовали в точности.

Толя Сподобаев,
Комсомольск-на-Амуре

Лесная Галерея

ГОРДЫЙ
ФИЛИН

З. ПИРОГОВА,
поселок Карагай

Рисунок Володи Еремеева, 13 лет,
поселок Мирнолюбово Курской области

SOS! SOS!

SOS! SOS!

SOS! SOS!

SOS! SOS!

SOS! SOS!

SOS! SOS!

НА КОРДОНЕ

Дорогие «Зеленые страницы»!

Я живу в предгорьях Урала, на берегу реки, в лесу Печоро-Ильчского заповедника. Когда начинаются занятия в школе, то всех ребят с нашего кордона увозит вертолет, а на каникулы — привозит.

Летом у нас в заповеднике очень красиво. В лесу живут лоси, зайцы, множество птиц. Человека все живое в заповеднике не боится.

Сейчас в нашем заповеднике проводится искусственное гнездование птиц: для них делаются дуплянки. Их расставляют в разных местах леса, и птицы поселяются в готовом жилье...

*Вера Бажукова, 12 лет,
кордон Печоро-Ильчского
государственного заповедника*

Этого зайчонка
мы нашли на лугу,
когда косили
траву

Всей семьей
мы с зайчонком и
сфотографировались:
папа, мама,
младший братишка
и я

Берег
нашей речки

А это —
мой братишка
у дуплянки

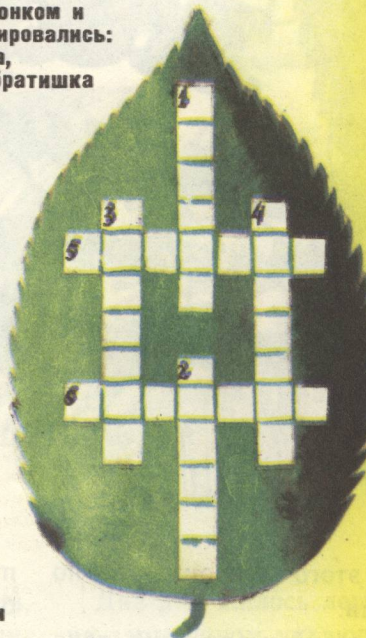
МУРАВЕЙНЫЕ БРАКОНЬЕРЫ

Наша школа стоит в парке, точно в лесу. Вокруг — много муравейников. Каждый человек знает, что муравей — безобидное и очень полезное существо. Но многие мальчишки из нашей школы не понимают этого. Они разоряют муравейники и убивают их жителей. В нашем «Зеленом патруле» — девочки. Мы много раз прекращали безобразия муравейных браконьеров и даже вступали в драку. Но они — ноль внимания. Сообщаем имена муравейных браконьеров: Гена Я., Андрей М., Игорь И., Гена Д., Гена А. Думаем, что они узнают себя и это повлияет на них как-нибудь. Тогда муравьи не будут знать, что такое обида от рук человека!

*Ирина Бурикова,
6-й класс,
Харьков*

Оформление
О. Филипенко

*Поторапливайся
браконьер!*
!!!

КРОССВОРД

1. Земноводное. 2. Великий английский ученый-естествоиспытатель. 3. Человекообразная обезьяна. 4. След плуга. 5. Ночная насекомоядная птица. 6. Вечнозеленый субтропический кустарник.

*Составила и нарисовала
Света Куцера
из Павлодара*

ТУК-ТУК ИЛИ СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ Старого Дятла

Дорогой Дятел!

Дома я выращиваю комнатные цветы. Очень хочу посадить и вырастить лимон, но не знаю как. Прошу рассказать о том, как посадить лимон? Какой уход за лимоном нужен?

*Лариса З.,
г. Навашино
Горьковской области*

Тук-тук, дорогая Лариса!
Советую прочитать книгу «Комнатные растения». Книга выпущена в свет издательством «Московский рабочий» в 1957 году, автор ее — Зинаида Николаевна Цветаева. В этой книге ты найдешь много интересного и о лимоне, и о других комнатных растениях.

СТАРЫЙ ДЯТЕЛ, зав. справочным отделом

Разумеется, Стаська Галагуцкий мечтал о собаке. Мне даже неловко об этом говорить, потому что кто же о ней не мечтает. Само собой, родители считали эту мечту дурацкой.

Нормальным детям говорят:

— Будешь хорошо учиться — будет собака!

Галагуцкий был отличником, потому с ним разговаривали иначе:

— Будет собака — будешь плохо учиться!

Стаськин портфель. Это было смешно, но никто не смел хихикнуть, ибо все знали, что этот странный зверь со взглядом орла высокомерен, как лев, и мстителен, как крокодил.

Впрочем, был один случай, один-единственный, но его хватило, чтобы Джульбарс покрыл себя несмываемой славой с головы до копыт.

Дело было так. Галагуцкий хотел попасть на фильм про любовь, и его, естественно, не

Стаська клялся, что этого не произойдет, но родители ему не верили.

Так и жил он, несчастный и одинокий, пока любимая бабушка однажды не подарила ему... козла.

Вообще-то это был не козел, а козленок, а Галагуцкий находился в том возрасте, когда птенцы, щенки, козлята и мальчишки составляют единое братство. Короче говоря, Стаська Галагуцкий с горя полюбил это веселое существо и дал ему гордое и славное имя Джульбарс.

Галагуцкий лично занимался воспитанием своего друга: он пас его на горе, он угощал его колбасой и вареньем, и через год благодарный козленок расцвел и превратился в огромного сурового козла.

По утрам козел провожал хозяина в школу. Он шагал рядом и тащил на рогах драный

пускали, хоть он и утверждал, что ему скоро будет почти шестнадцать лет.

Галагуцкий сумрачно глядел на билетершу. За долгую свою жизнь он уже притерпелся к несправедливому разделению мира на детей и взрослых.

Итак, когда Галагуцкого не пустили в кино, он сунул руки в карманы и спокойно отправился к пожарной лестнице — это была вторая дорога в кинозал — опасная и захватывающая. Он сделал шаг, второй... Тут его остановили хулиганы.

— Деньги есть?

Деньги у Галагуцкого были: пятнадцать копеек на мороженое, но отдавать их он не собирался.

— Сейчас бить начнем! — предупредили его.

— Знаю,—ответил он и протяжно свистнул

Что было дальше, рассказывать не хочется. Сообщаю только одну деталь: когда козел мощно и грациозно перемахнул через забор и с неотвратимым топотом понесся по деревянному тротуару, он был похож на собаку Баскервильей...

Несколько лет подряд козел служил Галагуцкому верой и правдой, а потом Галагуцкий его предал.

Как это произошло? Очень просто.

гуцкий. — С чего ты взяла, что он мой?! У меня нет никакого козла.

— Не ври! — сказала девочка.

Если бы Джульбарс был человеком, он бы понял, обиделся и ушел. Но он был всего-навсего козлом. Правда, козел умел быть верным и преданным другом, но это Галагуцкого в данный момент не интересовало...

Через неделю Джульбарса продали в соседний поселок.

Галагуцкий шел по бульвару с девочкой, когда протяжное «м-м-э!» взвилось над липами.

Услышав голос друга, Галагуцкий внутренне содрогнулся. При этом он еще надеялся на чудо.

Но тщетно: козел брел навстречу!

— М-м-е-! — сказал Джульбарс приветливо.

Галагуцкий, естественно, не ответил. Он и виду не подал, что они с козлом знакомы. Однако Джульбарса это не обескуражило, и следующие два квартала он тащился следом, не отставая ни на шаг.

— Он всегда за тобой ходит? — спросила девочка.

— Кто?

— Твой козел.

— Глупости какие! — пробормотал Гала-

Два дня жилось легко и спокойно, а потом на запыленном чихающем мотоцикле приехал новый хозяин и устроил скандал.

— Кого вы мне продали? — с надрывом кричал он. — Я не укротитель диких зверей! Сбежал ваш козел!

Чтобы задобрить этого несчастного человека, родители Галагуцкого щедро оплатили ремонт сарайчика и забора, которые Джульбарс разметал во гневе, уходя на свободу.

Новый хозяин уехал. Через минуту появился Джульбарс. Вид у него был торжествующий и гордый.

— Чудовище! — закричал Галагуцкий.

Потом чуть сдержаннее:

— Чудовище ты мое!

Затем он добавил:

— Проголодался, наверное?..

Рисунок Г. Ясинского

„СИНИЙ КИТ“

Итоги операции

Сотни лет человек гонялся за китами и убивал их. Киты шли на мыло, свечи, ваку для сапог, зонтики, хлысты... И в морях осталось очень мало китов. Люди спохватились и охоту на многие виды китов запретили.

Но есть одна опасность, которая грозила китам всегда помимо человека: по неведомым причинам киты выбрасываются на отмели и осыхают, гибнут...

«Морская газета» в одном из выпусков прошлого года предложила проекты приспособлений для спасения осыхающих китов. На это ребята откликнулись сотнями писем — с чертежами, рисунками, предложениями. Жюри конкурса рассмотрело проекты и нашло многие из них ценными и оригинальными. О чем же написали нам ребята и что они предлагают!

1. ПОЧЕМУ ГИБНУТ КИТЫ?

Аня Остапенко из Перми пишет: «...То ли от еще неизвестных болезней, то ли спасаясь от хищных касаток, киты попадают на мель и погибают». Верно. Но есть еще одна важная причина: киты попадают на мель из-за того, что они теряют способность к звуковой локации.

По мнению **Стасика Перепелкина** из Уфы, киты погибают во множестве вот почему: один из китов случайно попадает на отмель и подает «сигнал бедствия». Остальные киты идут ему на помощь и тоже попадают на мелкое место. (Стасик прав, именно так думает большинство ученых).

Саша Мизуров из деревни Новая Кумашка Чувашской АССР и **Толя Жердев** из Славянска полагают, что причиной выбрасывания китов на отмели служит заболевание китов неизвестными нам болезнями, изменение рельефа дна, к которому киты привыкли за тысячи и тысячи лет, и сильное загрязнение океанов отходами промышленности...

О загрязнении человеком морей и океанов пишет и **Сергея Мурашов** из Москвы. Он считает это главной причиной гибели и китов и вообще всего живого в океане.

Жюри не может не согласиться с этими письмами и сообщает, что поиск возбудителей различных заболеваний китов учеными уже ведется и

борьба за чистоту океана уже начата человечеством...

2. А ЕСЛИ ПРЕДУПРЕДИТЬ КИТОВ?

Валерий Чуприн из поселка Селятино Московской области считает, что «нельзя ждать, пока киты выбросятся на отмель. Нужно отгонять их от опасных мест...» С этой целью он, как и **Слава Ляпакин** из города Петушки

Владимирской области, предлагает ультразвуковые излучатели, отпугивающие китов.

Валя Николаева из деревни Чамосур Удмуртской АССР предлагает разбить участки берега на квадраты, следить за приближением китов и отгонять их.

Очень интересное письмо прислал **Сергея Долголенко** со станции Владимирская Краснодарского края: «Большинство стран омываются морями и океанами. А что, если каждая страна создаст особую службу по спасению китов? Это будет МЕЖДУНАРОДНАЯ служба. Тогда всегда можно будет прийти китам на помощь соединенными усилиями многих государств!»

Среди проектов — создание наблюдательных пунктов в опасных для китов местах (**Саша Куимов** из Свердловска), макетов китов с магнитофонами, передающими сигналы отпугивания (**Стасик Перепелкин**), электрического барьера (**Арам Апатян** из Еревана).

Многие ребята предлагают поставить близ отмелей предохранительные сети (**Саша Олехов** из Миасса, **Саша Мизуров**, **Аня Остапенко**, **Аня Волкова** из села Покровка на острове Сахалин, **Юра Тюпа** из села Первомайское Молдавской ССР).

Аня Тарасова из Москвы предлагает «посеять» вокруг опасных для китов отмелей крупные водоросли, — они задержат китов, а рыбы не пострадают...

Так гибнут сотни китов...

3. КАК СПАСАТЬ КИТОВ?

Вова Богданов и Вова Коротков из города Чаплыгина Липецкой области прислали целых пять проектов! Среди них — суда-спасатели и установки, создающие волны-«цунами», которые сбросят китов с мели...

Гена Малахов из города Мытищи Московской области написал о судне на воздушной подушке, а Каженов Мейрам из зерносовхоза „Казанский“ Павлодарской области спроектировал катамаран с колесами. Катамаран сможет подвести под кита платформу, поднять его и переправить на глубокое место. Чертежи спасательного устройства «Друг» разработал Женя Шабалин из города Набережные Челны. Это — понтоны. С их помощью китов можно стаскивать с мели во время прилива.

Коля Петрушин из Свердловска, Гена Хитрук из Ворошиловграда, Саша Онучин из Челябинска считают возможным спасать китов мощными вертолетами. Андрей Цибров из Москвы — дирижаблями, которые могут поднять сразу несколько попавших в беду китов...

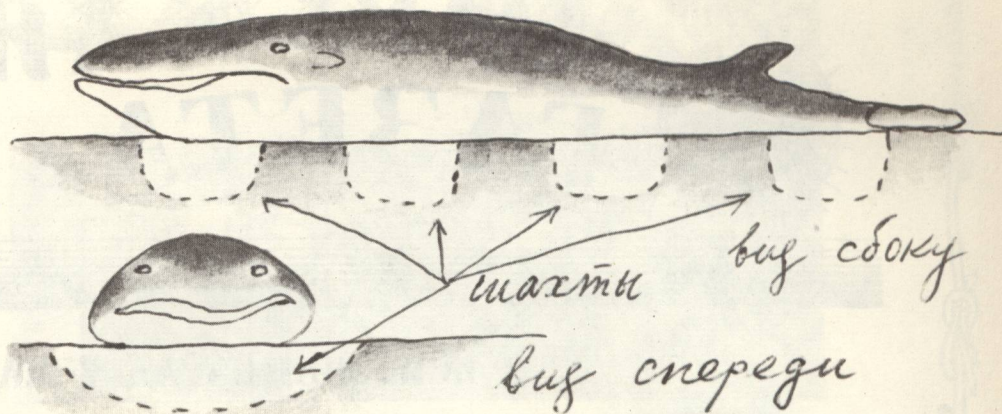
Большинство проектов, если их осуществить, наверное, будут очень дороги. Но, может быть, спасение китов заслуживает затрат? Пусть спасатель, предложенный Колей Домокуровым из Ижевска не так легко построить, но он предложил для перевозки кита резервуар, наполненный водой, — чтобы не поранить кита при спасении. Той же цели служит комплекс средств по поиску, обнаружению и спасению китов (Игорь Алексеев из города Силламяэ), локаторный буй (Валерий Мартынов из Казани), спасательный дирижабль (Света Иваненко из деревни Ясени Гомельской области), передвижные понтоны (Саша Арсеньев из города Роменское Московской области), тележки для стягивания китов (Володя Якубчик из Красноярска).

Жюри считает, что все эти ребята хорошо поработали, а главное — показали свою заинтересованность и искреннюю любовь к природе.

Жюри решило наградить всех названных ребят памятным ЗНАЧКОМ журнала «Костер» и подарком — книгой.

Все отмеченные нами проекты будут показаны ученым-специалистам Зоологического института Академии наук СССР.

ЖЮРИ

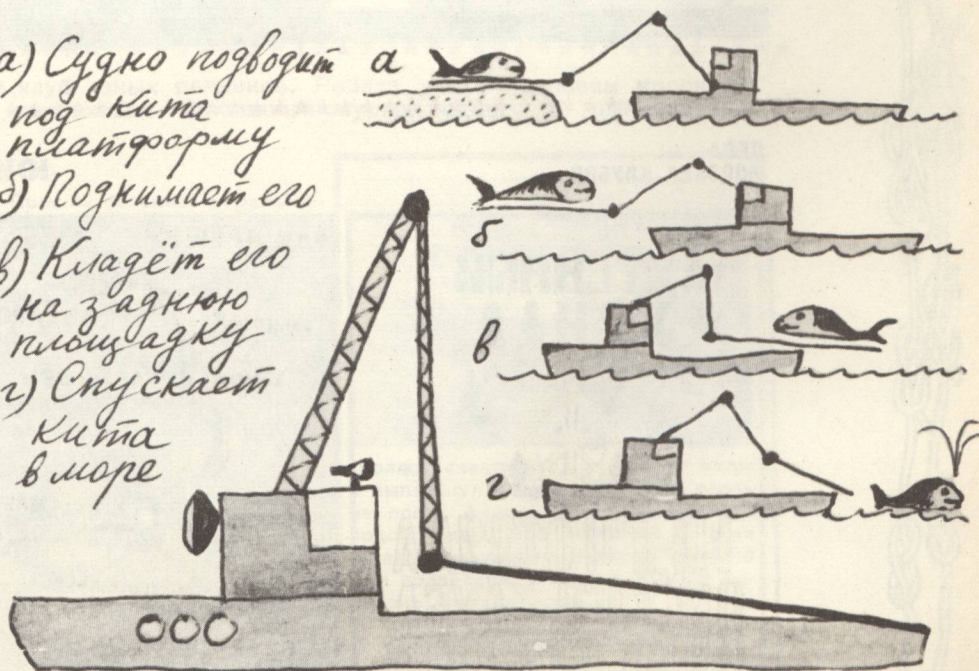
КИТ НА ПОНТОНАХ,
проект Володи Чернышева
из города Целинограда

ДИРИЖАБЛЬ,
проект Светы Иваненко
из деревни Ясени
Гомельской области

СУДНО „СИНИЙ КИТ“,
проект Гены Малахова
из города Мытищи

а) Судно подводит
под кита
платформу
б) Поднимает его
в) Кладёт его
на заднюю
палубу
г) Спускает
кита
в море

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. СКОСЫРЕВА

Оформление
Р. Попова

Год издания 20-й

БОЛЬШОЙ ПАРАД В МАЛЕНЬКОМ ГОРОДЕ

Однажды — дело было несколько лет назад — июль застал меня на Балтийском море, у моряков-пограничников.

Моряки-пограничники — удивительные люди, и я с удовольствием слушал их рассказы о нелегкой пограничной службе. Накануне Дня Военно-Морского Флота мне сказали: «Завтра у нас парад. Не опоздайте. Начало — в девять...»

Сперва я даже не понял — какой парад?

— Морской, — говорят.

Приходилось мне видеть морские парады в Ленинграде или в Севастополе. Так ведь там — корабли! Крейсера! Эсминцы! Подводные лодки! Тысячи моряков! А здесь? И мо-

ряков совсем немного — каждый друг друга по имени-отчеству знает.

Однако без пяти девять я пришел в порт. В маленьком

порту было торжественно и тихо. Офицеры, как и положено, в парадной форме. Матросы — в белых форменках...

Девять ноль-ноль. Раздалась команда:

— На флаг и флаги расцвечивания! Смир-р-но!

Медленно поднялись на флагштоках красные флаги. Взяли под козырек офицеры. Замерло все... Даже волны, казалось, тише плескались о пирс и борта пограничных корабльков. И величественно поплыла над маленьким портом мелодия гимна нашей Родины. Громкое трехкратное «ура!» вспугнуло чаек...

Все это было так торжественно, величаво и радостно, что я подумал: «А ведь неважно, в каком уголке нашей страны и на каких кораблях выстроились в этот миг моряки, важно, что все они одинаково причастны к этому прекрасному празднику нашего Военного флота».

И, странное дело, когда снова и снова встречаю я этот праздник — в Одессе или во Владивостоке, где тысячи ярких флагов вьются на ветру, на набережных кипит море людских голов, а на громадах кораблей белым-бело от матросских форменок, — я почему-то вспоминаю именно тот небольшой порт и красные флаги на флагштоках маленьких пограничных кораблей.

А. ХАРШАК

ДЕЛА
МОРСКИХ КЛУБОВ

ЮНГИ С „АЛЫБЬЕВА“

**ВАХТЕННЫЙ
ЖУРНАЛ**

**ЮНГЧ ОТРЯДА
ОМСКОГО КЛУБА
ЮНЫХ РЕЧНИКОВ**

НАШ МАРШРУТ

СПИСОК ОТРЯДА

Командир полуэкипажа — Старков Сергей, боцман — Дик Ваня.

Юнги: Шевченко Гена, Сак Юра, Бутаков Олег, Баженов Саша, Букатов Слава, Моисенко Андрей, Щаденко Сергей, Перепелицын Андрей, Киселев Сергей.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВАХТ

1 вахта — с 9.00 до 11.00

2 вахта — с 11.00 до 13.00

3 вахта — с 13.00 до 16.00

4 июня 16.00. Отошли от пристани Омск. Погода хорошая. Берега пойменные.

5 июня. 6.15. Большеречье. Причалили к самоходке. Встали в 7.30. Сделали зарядку. Первая вахта — 2 часа на камбузе, вторая вахта — 2 часа в рубке, третья — на палубе — палубные работы.

НЕОБЫЧНЫЙ ВИД

Лет двадцать назад грузовое судно узнавали сразу.

Словно пальцы на руке, торчали над палубой грузовые стрелы. Подцепят груз с причала, поднимут, опустят в трюм — дело долгое... А в порту прибытия — из трюма груз достань и снова на причал. По несколько дней суда грузились и разгружались...

У грузового судна «Академик Туполев» вот какой вид.

На корме судна — необычного вида приспособление — словно гигантская дверь прижалась к корме. Высота «двери» — двадцать два метра, а ширина — шесть. «Дверью»,

пожалуй, назвать не совсем верно. Скорее, подъемный мост, какие делали в старинных замках. Подошло судно к причалу, «мост» опускается, открывая широкий вход в трюм, в трюмы. По этому мосту автомобили с грузом, тягачи с контейнерами въезжают вереницей прямо в трюм. Осядет под грузами судно, мост поднимется и закроет напрочно вход. Можно отправляться в путь...

Мальчики с бантиками

В Белом море есть Соловецкие острова.

Старинный монастырь, обнесенный высокой стеной, отлично виден с залива... И случилось так, что в годы Великой Отечественной войны в бывшем монастыре разместили Школу юнг Военно-Морского Флота СССР. Пятнадцатилетние мальчишки изучали морскую технику, стреляли, ходи-

ли на шлюпках, старались юнги, каждый помнил слова командира школы: «Кто будет учиться на «отлично», получит право выбора флота и корабля».

Окончил школу и Савка Огурцов. Славно потом воевал на боевом корабле — эсминце «Грозный».

О Савке, о его друзьях-юнгах, о школе на Белом море написал книгу «Мальчики с бантиками» писатель Валентин Саввич Пикуль. Почему «мальчики с бантиками»? Дело в том, что ленточки для бескозырок юнгам установили короче, чем у взрослых моряков, без длинных концов. Вместо ленточек — бантик. Так и стали звать юнг — «мальчики с бантиками». Вышла книга недавно в издательстве «Детская литература».

Ю. СТУДЕНЦОВ

Недавно неподалеку от Островов Зеленого Мыса состоялись гонки на скорость между самыми быстроходными жителями океана.

В гонках участвовали: кальмар, дельфин, бонита, тунец, меч-рыба и макрель...

Победу над всеми одержала меч-рыба. Она развила скорость в 130 километров в час и первой разорвала финишную ленту...

ОТ РЕДАКЦИИ. Есть в городе Омске клуб юных речников. Ребята учатся основам морского дела. Практику проходят на настоящих теплоходах. Вахтенный журнал одного из плаваний мы печатаем с сокращениями.

15.30. Прошли селение с развалинами старинной мечети. Сейчас в этих местах развита лесопильная и пищевая промышленность. Поднялся сильный ветер и волны. Встретили теплоход «Казахстан». Выстроились на теневой палубе. Юнги с «Казахстана» тоже приветствовали нас.

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

На теплоходе едва не случился пожар. Пожар на корабле — гиблое дело. И не избежать бы всем очутиться в холодной воде, если бы не наш юнга Андрей Моисенко. Он возвращался с вахты и заметил дым из коридора. Андрей вбежал в коридор и увидел, что горит пол около урны. Видно, какой-то неряшливый пассажир бросил окурок мимо урны... Андрей не рас-

терялся, схватил ведро, набрал воды и выплеснул на огонь. Однако огонь не погас. Андрей снова побежал за водой, еще и еще... Наконец от огня остался только дым. Вечером Андрею при подведении итогов дня была внесена благодарность...

(Окончание следует)

Н. СЛАДКОВ

Лес растворился в сумраке и поплыл. Исчез и цвет: все стало серым и тусклым. Кусты и деревья сгустками тьмы цевелились в вязкой тягучей мути. Съеживались, то вдруг растягивались, возникали и исчезали. Вечер сменяла ночь.

Пора густых сумерек и теней, пора ночных лесных происшествий.

Кончились задумчивые вечерние песни: отсвистели на еловых маковках певчие дрозды, глазастьенькие зарянки давно рассыпали по сучкам свои звонкие стеклышки.

Стою по колено в болотной жиже. Спиной привалился к елке; она чуть шевелится, дышит... Глаза я закрыл, они сейчас ни к чему, сейчас нужны только уши.

Загугукал ночной сыч. Самого не видно. Перелетает в темноте с дерева на дерево сычиный крик: у-гу-гу-гу! Я поворачиваю за летающим криком ухо. Вот рядом совсем загугукал: разглядел, наверное, меня желтыми глазищами и удивился.

Долго куковала в темноте и ночная кукушка; далекое эхо за болотом ей отвечало.

Люблю слушать ночь. Тишина, а все что-нибудь да услышишь. Мышь пошуршит в сухих листьях. Утиные крылья просвистят в вышине. Суматошно вдруг закричат журавли на далеком болоте, словно их кто напугал. Солидно, не торопясь пролетит вальдшнеп: хорр, хорр — басом, цвирк, цвирк — тоненьким голоском.

Даже в самую глухую полночь, когда живых голосов не слышно, лес не безмолвствует. То завожигает ветер в вершине. То дерево скрипит. Стучась о сучки, упадет шишка. Хоть тысячу раз слушай ночь — каждый раз будет по-новому. Как не бывает двух одинаковых дней, так и ночь на ночь не похожа.

Но есть в каждой ночи пора, когда наступает полная тишина. Перед ней снова зашевелиятся и поплывут в вязкой мгле сгустки тьмы:

теперь на смену ночи близится темнота. Лес словно вздохнет: тихий ветерок пролетит над вершинами и каждому дереву что-то шепнет на ухо. И будь на деревьях листья, они ответили бы ветру по-своему: осины бы торопливо залопотали, березы бы ласково прошелестели. Но в лесу апрель — и деревья голые. Одни ели да сосны прошипят ветру в ответ, и поплывет над лесом тягучий гул хвойных вершин, как отзвук далеких колоколов.

И вот в этот миг, когда лес еще по-настоящему не проснулся, вдруг наступает время полной ночной тишины. Упав хвойнка — и слышно!

В такой тишине я услышал то, чего никогда еще в жизни не слышал: песенку крыльев! Схлынул предутренний шорох вершин, и в застойной млеющей тишине послышался странный звук, словно кто-то губами себе подыгрывал, отбивая плясовой такт: бррын-бррын, бррн, бррн, бррынн! Бррын-бррын, бррын, бррын, бррын!

Раз подыгрывал, значит, кто-то под такт и плясал?

Темень и тишина. Впереди совсем еще темное моховое болото, позади черный еловый остров. Я стою на его обочине, и странные звуки приближаются. Ближе, ближе, вот слышны над головой, вот удаляются, дальше, дальше. А погода возникают снова, снова приближаются и снова проносятся мимо. Кто-то летает вокруг елового острова, отбивая в тишине такт упругими крылышками. Четкий ритм, плясовой такт, не просто бьет крыльями на лету, а поет! Поет на мотив: так-так, так, так, так! Так-так, так, так, так!

Птичка маленькая, да крыльями и большой птице громко не спеть. Вот и выбрал певец для странных песен своих время, когда в лесу все молчит. Все проснулись, но голоса не подали, прислушиваются и молчат. Только в это короткое время смены ночи и утра и можно услышать такую тихую песенку. А запоют дрозды и заглушат все звонкими свистами. Кто-то маленький, безголосый, кто умеет петь только крылышками, выбрал это время ночной тишины, торопится заявить о себе.

Много весенних ночей провел я в лесу, но больше ни разу такой песни не слышал. И в книгах о ней ничего не нашел. Загадка так и осталась загадкой — крошечной волнующей тайной.

Но я все надеюсь: вдруг снова услышу? И на черные еловые острова на глухих моховых болотах смотрю теперь совсем по-особому: там живет тот, кто умеет петь крыльями... В короткие мгновения тишины он торопливо носится вокруг черного острова и отбивает крыльями такт: так-так, так, так, так! И кто-то, конечно, внимает его странной песне. Но кто?

Рисунок
Т. Соловьевой

Геннадий ГЛУШНЕВ

ЯКОВЫ

Полдеревни — Яковы,
Обличьем одинаковы.
Каждый, словно буква «я»,
И скуласт, и коренаст.
Уж такая, мол, семья
Коренастая у нас.
И в работе Яковы
Тоже одинаковы.
Яков дела не робеет,
Яков пашет,
Яков сеет,
Яков возит зерно,
Яков крутит кино,
Вся деревня — заодно,
То-то и оно!
Крепыши да силачи
Наши Яковлеви.

В ГОСТЯХ У БАБУШКИ

Деревенская еда —
Это да!
Ну-ка всё на стол мечи,
Что в печи!
Шаньги,
Суп,
Картошку,
Сало
Бабушка на стол метала,
Доставала нам творог,
Нарезала нам пирог,
Братья ели, я помог.
Мы наелись до отвала
И большой

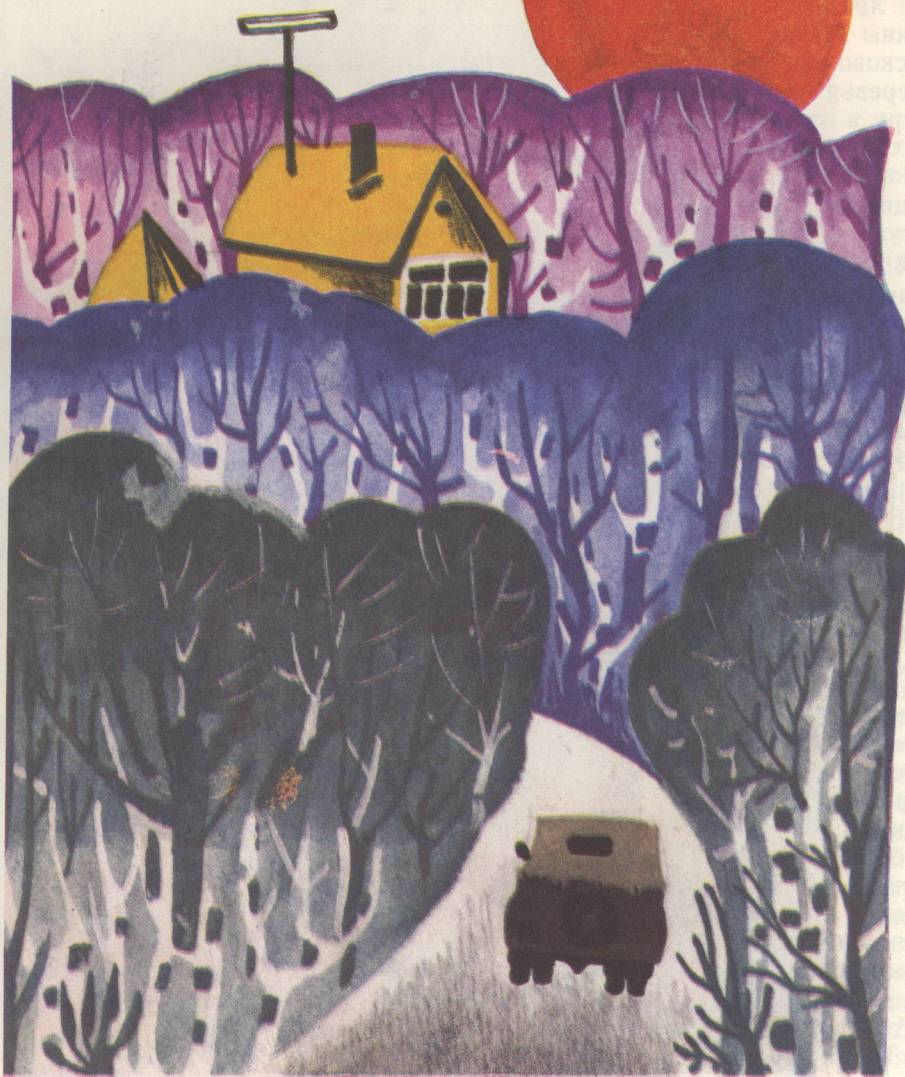
сметали
стог!

Рисунок Т. Капустиной

Василий БОЧАРНИКОВ

Рисунок Е. Галеркиной

БЕРЕЗА БАГАЕВА

И в поле, и на лесной опушке, и в палисаднике возле дома украшают березы землю, зазывают птиц, привлекают дожди и рассветы. Не потому ли о них столько стихов и песен сложено?

Но песни песнями, а береза березе рознь. Вот обычная, самая распространенная бородавчатая береза, белый ствол с россыпью темных веснушек, четкого выреза лист. Есть плакучая, с томно повисшими длинными ветвями. Есть полярная, тундровая, росточком всего с ничего. А самая знаменитая — карельская, о которой почему-то писалось и говорилось, что растет она только в Карелии.

«А если ее у нас, в костромских лесах, пошарить? Кто и когда решил, что здесь ее нет и быть не может? Никто! Просто не искали тут, не предполагали, значит, мне и карты в руки», — подумал судиславский лесничий Сергей Николаевич Багаев.

Было это пятнадцать лет назад, и много воды утекло с той поры, когда с плиткой гречневого концентрата, краюхой хлеба и походным чайником вышел он из дома в этот неожиданный поиск.

...Слева лес и справа лес, нарядный, весенний. Разговор в машине только о карельской березе. Багаев называет ее узорчатой.

— Известно ли вам, что узорчатую березу считают не кубометрами, как ель и сосну, а на вес — килограммами. Представляете, какое это редкое и дорогое дерево. И все-таки, если за дело взяться с умом, лет через сорок будет ее у нас более чем достаточно.

Я слушал Сергея Николаевича и напряженно смотрел за обочину дороги. Почему-то казалось, что каждая встречаемая белоствольная красавица из семейства узорчатых.

Машина вылетела за Судиславский взгорок. Оставив в стороне деревню Клиницы, едем по самой крошке поля.

Сергей Николаевич Багаев
Николай Константинович
Андрянов (справа)

Заволновался, заворочался, зашелестел модной синтетической курткой бывший лесничий, ныне кандидат наук, главный специалист Костромской опытной лесной станции. И я догадался, что скоро увижу ту самую первую карельскую березу, которую Сергей Николаевич нашел в 1961 году. Потом-то нашел он их великое множество. И в костромских, и в ярославских, и в ивановских, и в кировских и владимирских лесах. В одних только костромских лесах больше тысячи! Но это потом, а тогда все начиналось именно с нее.

Выходим из машины. Волнуемся: жива ли? Ведь лихой топор может все... Раздвигая еловые ветки, выходим на лесное оконце. Вот она! Жива! Только фанерная табличка заметно поблекла от дождей и снегов. Но слова прочесть можно: «Карельская береза — элита № 1».

Сергей Николаевич оглядел всю березу, от комля до вершины, обнял рукой ствол, прерывисто сказал:

— Каждый год езжу к ней. Такое обещание дал... Ну, здравствуй, милая, здравствуй, еще раз.

Я обошел вокруг нее раз, два, три. Что сказать? Честно признаюсь: вид отнюдь не красавицы. Ствол неровный, с наплывами, то сужается, то утолщается. Кора с трещинами. Кудрявости и в помине нет.

Мое признание Багаеву не по душе.

— Чудак-человек, это же и есть внешние признаки ее породистости. А красота под корой запрятана. Не веришь? Вот полюбуемся.

С этими словами Сергей Николаевич протянул мне шпон узорчатой березы.

И правда, дерево можно было разглядывать, как картинку: относить подальше или приближать, выставлять на свет или в тень. Кажется, в нем бушевали какие-то непонятные страсти, и древесина вышла беспокойной, волнистой. Есть в ней теплота, янтарность и даже своя березовая мраморность. Дай в руки

мастеру такой материал, и сотворит он из него сказку на радость людям. Любая вещь из карельской березы — радость. Не потому ли почта чуть не каждый день приносит на Костромскую лесную станцию письма, официальные прошения: дайте семена березы Багаева... Вышлите сеянцы березы Багаева.

Мы еще раз обошли березу № 1, простились с ней и поехали в Андриановскую рощу.

Раскинулась она недалеко от Костромы, на месте бывшего пустыря. А называется Андриановской вот почему.

Было это в тот год, когда Багаев пригнал на пустырь трактор. Распахали. Получилось поле в десять гектаров. Трактор уехал, а на поле остались двое — Багаев и его жена Маргарита Васильевна, первый друг и помощник. Тут-то и подошел к ним незнакомый старик с веселой добродушной улыбкой. Поздоровался, спрашивает:

«Вижу, что в земле копаешься, а что сажаете — не пойму — зерно или картошку?»

«Да вот они, дед, семена, — показал Багаев маленький мешочек. — Как раз на все поле хватит!»

Обиделся дед. Я, мол, вас всерьез спрашиваю, а вы шути-шутите.

«Не шутим, — улыбнулась Маргарита Васильевна. — Лес мы сажаем. Слышал небось о карельской березе...»

Покруглели у деда глаза от удивления. Повздыхал, потоптался на поле и опять спрашивает: «А не возьмете ли меня к себе, люди добрые. Буду вашу березу стеречь, а платы мне никакой не нужно, на пенсии я».

Взяли. И стал он стеречь «рощу», когда она была со спичку ростом. И никуда никогда не отлучался, так и жил в шалаше. Теперь у деда Андрианова — дом, здесь же на плантации. И роща уже не та, ни до одной березовой маковки рукой не дотянешься. По десять килограмм семян уже дает роща. А это сотни тысяч будущих ценных деревьев!

Весной поют в ней разудало соловьи, а на закате лета вырываются из-под земли грибы — подберезовики, белые, сыроежки. И называли люди эту рощу Андриановской, потому что дед Андрианов нянчит ее и сторожит, как малого ребенка.

Дед Андрианов оказался веселым и словоохотливым. Первым делом повел меня показывать свое лесное хозяйство. Но за ручьем, куда он меня привел, я невольно остановился.

— Так это ж, дед, у тебя не березы, а яблони. Березы такими не бывают.

Дед довольно крикнул.

— Нет, добрый человек, это самые настоящие багаевские березы. Только те из семечка вышли, а эти черенком привиты. Высокими они не вырастут, а ствол будет огромным, не обхватить. Как раз то, что нужно.

Удивляюсь и иду за дедом Андриановым в другой березняк, тут же неподалеку. Подхожу, читаю на табличке надпись: «Ритина роща. 0,8 га. Заложена в апреле 1968 года». Спрашиваю:

— Маргарита Васильевна заложила?

— Она, — отвечает дед. — Сама сажала и сама от огня спасала, когда торфяники загорелись. Ни одному деревцу не дала погибнуть.

Сразу же за Ритиной рощей начиналась опытная делянка. Березки там были крохотные, ясельного возраста. Ни одна пока не поднялась выше колена.

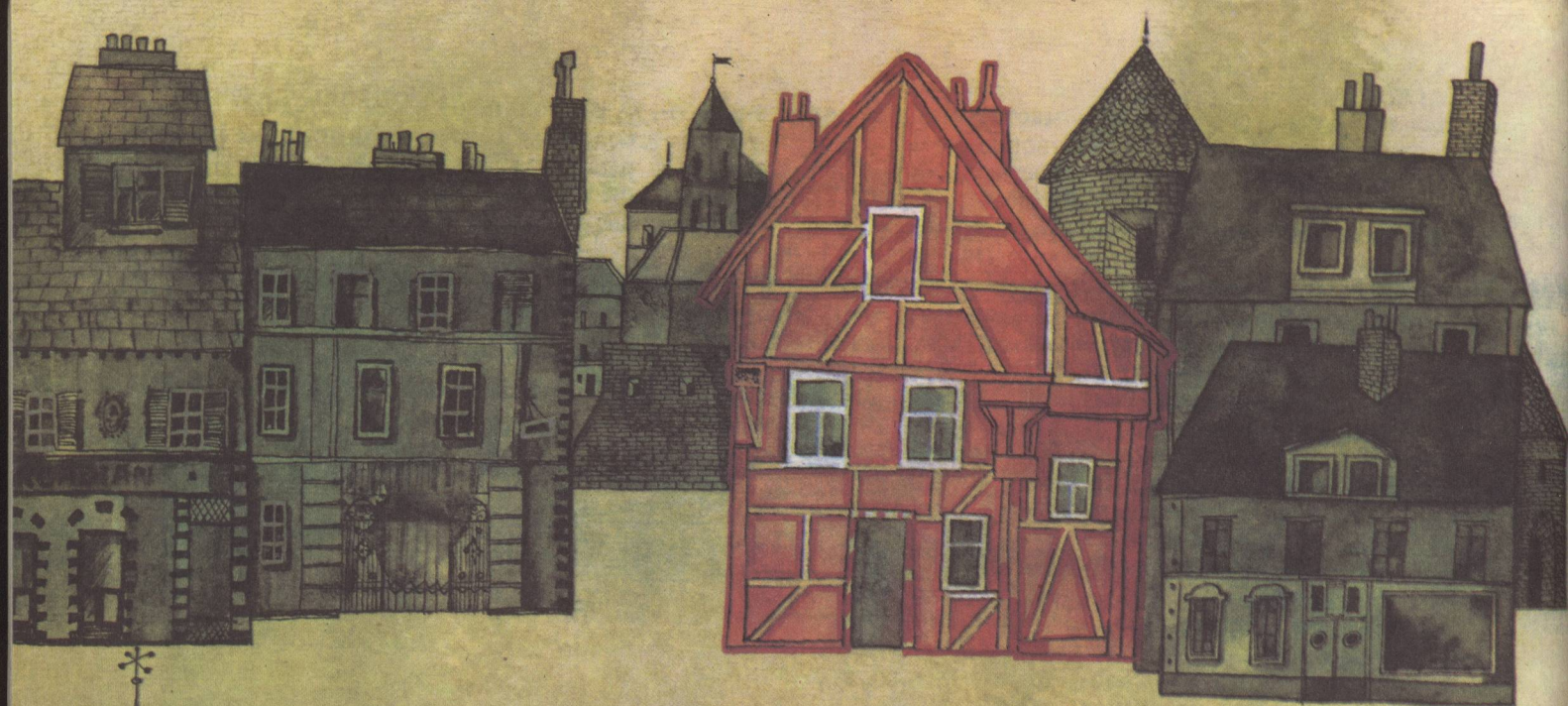
— Сколько же здесь посажено?

— Сто тысяч стволов, — гордо отвечает Андрианов.

— А хватает ли помощников, чтобы ухаживать за таким великим хозяйством?

И слышу в ответ:

— Хватает. Люди ведь как думают: с мечтой-то жить сподручней. Потому и помогают Багаевым. А еще у Маргариты Васильевны и Сергея Николаевича сыновья подросли — Сережа и Женя. И тоже по этой стежке пошли. Лесники. Заядлые лесники!

КРАСНЫЙ ДОМ

ОТРЫВОК ИЗ СКАЗКИ

Э. БОРХЕРС

Элизабет Борхерс живет в Западной Германии, но ее книги читают дети всего мира. Лучшие немецкие художники с удовольствием иллюстрируют произведения Э. Борхерс. За что их так любят читатели? В короткой забавной сказке писательница умеет рассказать об очень серьезных вещах. Ее книги пробуждают в людях — в каких бы трудных условиях они ни жили — достоинство и независимость.

В сказке «Красный дом» писательница по сути дела рассказывает о фашизме, о том, что еще очень хорошо помнят немцы. Это стихи о глупом деспоте-бургомистре, который лишил весь город ярких красок, а всех горожан — искренних чувств и даже собственного мнения. Но вот что, в конце концов, получилось...

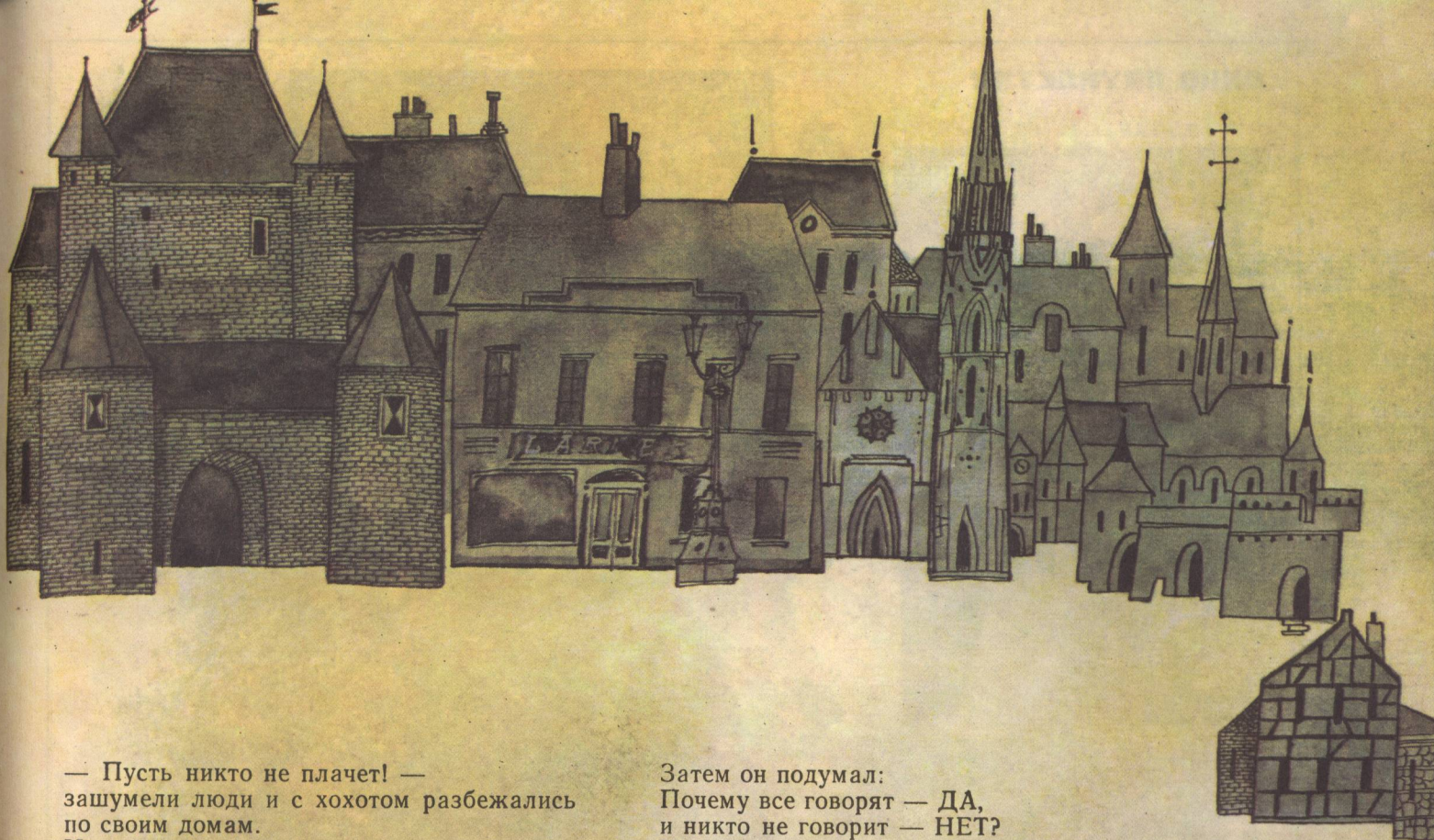
Рисунок О. Зуева

— Эй, люди! —
крикнул бургомистр со своего балкона. —
Никогда мне еще не доводилось видеть такого
города,
как наш!
Ни разу мне еще не доводилось встречать
таких людей,
как наши люди.

— Наш порядок — лучший порядок! —
дружно отвечали люди: просто-напросто
им больше ничего не пришло в голову.
— Однако! —
веско сказал бургомистр,

и голос его сделался скорбным и
значительным, —
когда я вчера вечером прогуливался
по городу,
до меня донесся странный шум.
Я остановился и приложил ухо к двери:
кто-то смеялся.
Едва я двинулся дальше,
как опять услышал странные звуки.
Я остановился и приложил ухо к двери:
кто-то плакал.
Так не пойдет.
Какой толк в столь прекрасном городе,
если один хохочет, а другой рыдает?!

— Пусть никто не плачет! —
зашумели люди и с хохотом разбежались
по своим домам.
Ну, а потом произошло вот что.
Кристель сидела, забившись в угол,
и плакала.
— Уж не захворала ли ты? —
испуганно прошептала мать.
Кристель покачала головой
и заплакала еще горше.
Сбежавшиеся соседи в ужасе заглядывали
в окно.
— Отчего ты плачешь? — спросил отец.
— Я плачу оттого, что мне нельзя плакать, —
сказала Кристель.

Отец внимательно посмотрел на нее
и подумал:

Почему это Кристель не может поплакать?
Почему женщинам нельзя носить
яркие платья,
а мужчинам разноцветные галстуки?

Затем он подумал:
Почему все говорят — ДА,
и никто не говорит — НЕТ?
И еще он подумал: дождусь-ка я ночи.

А ночью он взял лестницу и краску,
ведро и кисть
и выкрасил свой дом в КРАСНЫЙ ЦВЕТ.

— Эй, люди! —
закричал, как обычно, следующим утром
бургомистр, стоя на балконе.
Тут он увидел красный дом.
Все стояли перед своими серыми домами
и глазели
на красный дом.
Люди переглядывались и спрашивали
друг друга:

— Почему этот дом красный?
А бургомистр открыл рот...
и завопил во все горло:
— СПАСИТЕ!!! КАРАУ-У-Л!!!!...
ПОГИБА-А-А-Ю!!!

Перевел с немецкого П. ФРЕНКЕЛЬ

КЕМ БЫТЬ?

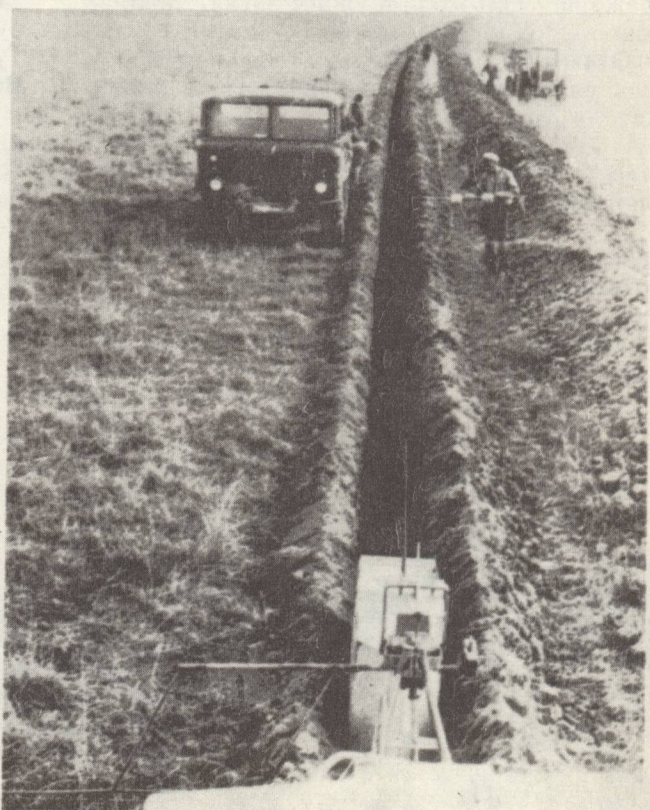
Таня Мелихова из Барнаула — самый юный член клуба «Звенящие клинки», но ее уколы и выпады уже точны. Будем надеяться, что в жизни любым прибором, любой машиной она будет владеть так же виртуозно, как рапирой.

Возможно, Таня будет инженером или техником, станет следить за качеством работы других — как вот эти девушки на снимке 2. Они проверяют бетон, уложенный в плотину Саяно-Шушенской ГЭС.

Или станет пробираться по тайге, как эти ученые (снимок 3). Они энтомологи и работают на трассе БАМа: разрабатывают меры борьбы с гнусом.

А может быть, Таня станет мелиоратором. Тоже интересная и очень нужная в наше время профессия. Мелиораторы улучшают землю. На снимке 4 вы видите, как в Кировской области осушают пойму реки Лобань: роют траншеи, укладывают взрывчатку. После взрывов образуется новое русло реки.

Фотохроника ТАСС

ПУГОВИЦА

РАССКАЗ

П. ФЕДОРОВ

Рисунок А. Орлова

Сначала мой приятель Вадик стал собирать монеты. Показывал кому-нибудь свою коллекцию и с гордостью говорил: «Я теперь нумизмат». Ну, нумизмат так нумизмат, плохого в этом ничего нет. Только монетами он не ограничился, а начал еще и пуговицы собирать. Конечно, не те пуговицы, что к рубашкам и штанам пришивают, а металлические, с гербами разными, якорями. И так он этим увлекся, что совсем голову потерял.

Как-то раз в воскресенье затащил он меня в музей. И, конечно, в тот зал, где монеты выставлены. Ходит он вдоль стендов и облизывается, как кот на сметану. И вдруг незаметно исчез. Я покрутил головой туда-сюда, — нет Вадика. Хотел уж было уходить, смотрю, выскакивает из какой-то двери в углу зала. Волосы взъерошены, глаза квадратные, и рот открыт.

— Ты чего? — спрашиваю.

— Понимаешь, там комната с пуговицей... — забормотал он.

— Какая еще комната с пуговицей?

— Видишь, — говорит, — там дверь. Я подумал, что это еще зал, и вошел. Оказалось, не зал, а служебное помещение. И в нем всякие невыставленные экспонаты. Я хотел уйти, смотрю — шкаф открытый. А из него торчит рукав не то вицмундира, не то шинели. А на рукаве пуговица. Маленькая, а блестит, прямо сверкает. Схватил я эту пуговицу — рраз... А тут какая-то женщина входит. Я испугался до

смерти. А она мне: «Ты что, мальчик, тут делаешь? Тут нельзя». И выпроводила...

— Ты что же, — говорю, — украл, значит?! Музейную ценность?!

Хотел я его треснуть, но больно у него в тот момент вид был жалкий.

— Вот что, — говорю. — Сейчас же иди извинись и отдай пуговицу. Скажешь: так, мол, и так, временное помутнение разума.

— Не могу, — говорит.

— То есть как это не можешь?!

— Нет у меня пуговицы. Проглотил я ее. Когда та женщина вошла, я ее в рот сунул и ...от страха ...проглотил.

Тут и я растерялся. И вдруг вижу, по залу милиционер идет.

— Все, — говорю. — Уже тревогу объявили.

А милиционер проходит мимо нас и идет прямо в ту злополучную комнату.

— Ну точно, — говорю. — Иди сдавайся сам. Пока не поздно.

И Вадик на трясущихся ногах поплелся туда. Я за ним.

Входим. Милиционер стоит около шкафа и рукав рассматривает.

— Куда это, — говорит, — пуговица пропала? Ведь утром была... Вам чего, ребята?

Тут-то я все и понял. И так захохотал, что милиционер, должно быть, подумал, что я рехнулся.

— Ну-ка, — говорит, — рассказывайте все по порядку...

ПОГОВОРИМ О ТВОЕМ РИСУНКЕ

Одна из улиц города Выборга называется необычно — Водная застава. Улица эта небольшая (всего несколько домов), начинается старой часовой башней и круто спускается вниз к бухте. Город стоит на берегу Финского залива.

На улице Водная застава в красивом старинном здании находится детская художественная школа. Принимают в школу ребят с девяти лет, они занимаются здесь рисованием с натуры, живописью, композицией, лепкой, керамикой.

Темы рисунков самые разные — жизнь школы, история, отдых, спорт.

Женя Дедюхин свою работу «Бокс» сделал не с натуры, а по впечатлению, по памяти. В рисунке есть ощущение спортивного состязания, реакция болельщиков.

Педагоги всячески поощряют изобретательность своих учеников, стараются освободить их от скованности. Обязательные предметы — композиция, лепка, живопись — становятся любимыми предметами, несмотря на индивидуальные склонности каждого. В этом, конечно, заслуга педагогов и директора школы Леонида Ивановича Бондарика.

А вот «Стрекоза» Наташи Мелентьевой. Это, конечно же, выдумка, и, видимо, поэтому

столько в ней сказочного, яркого, привлекательного.

Очень интересна работа девятилетнего Димы Солнцева, она выполнена в технике аппликации. В чем смысл этой техники? По определенному рисунку подбираются кусочки ткани, кожи. И затем эти кусочки наклеиваются по рисунку. Вот так и сделана «Жар-птица» Димы Солнцева.

Работы мальчика побывали на выставке детского творчества в Финляндии.

Хельга Лайк постарше — ей тринадцать, но напечатанные здесь рисунки она выполнила три года назад. Рисунки «Кумушки» и «На привале» сделаны еще неумелой рукой. Хельга еще не была ученицей художественной школы, еще не умела рисовать с натуры и не знала, как это правильно делается. Но уже тогда был замечен ее дар художника.

Любимое занятие Хельги — иллюстрировать смешные истории собственного сочинения. Альбомы с этими рисунками больше всего напоминают мультфильмы.

Занятия в школе не проходят даром. Многие из бывших учеников школы поступают учиться в средние и высшие художественные заведения.

О. ЗУЕВ

СТРЕКОЗА

Наташа
Мелентьева,
9 лет

ЖАР-ПТИЦА
Дима Солнцев,
9 лет

КУМУШКИ
Хельга Лайк,
13 лет

БОКС
Женя Дедюхин,
9 лет

НА ПРИВАЛЕ

Хельга Лайк,
13 лет

Это было четыре года назад. В Мюнхене. На финише летних Олимпийских игр.

Журналисты спрашивали чемпионов: «Что такое олимпийский характер?»

Чемпионы отвечали так:

Виктор БОРЗОВ: «Умение побеждать не только соперников, но и самого себя».

Анатолий РОЩИН: «Трудолюбие и бесстрашие».

Надежда ЧИЖОВА: «Настойчивость и мастерство».

Почему мы об этом вспомнили?

Во-первых, в канадском городе Монреале сейчас проходит новая Олимпиада.

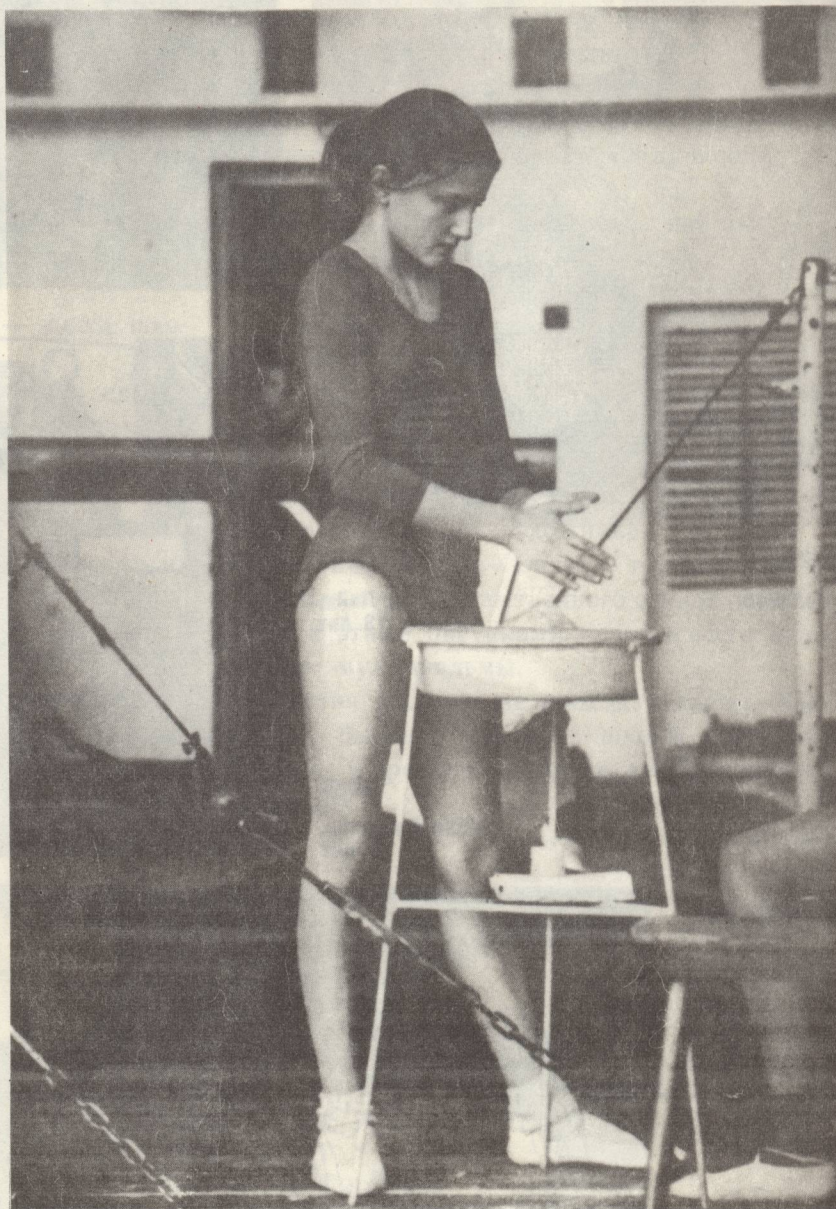
Во-вторых, не за горами и Олимпиада-80, которая будет проводиться в Москве.

А в-третьих... об этом вы догадаетесь и сами, если познакомитесь с рассказами ребят 62-й ленинградской школы-интерната.

Миша Русов, 6 «а» класс: «В нашем отряде много хороших спортсменов. Но я дружу с Игорем Гудовским. И не потому, что у него первый разряд по плаванию. У него очень сильный характер. Он умеет себя пересиливать. Особенно запомнился такой случай. Галина Константиновна сказала, что весь класс едет на экскурсию по местам боев под Ленинградом. Об этой экскурсии мы мечтали давно и, конечно, обрадовались. И вдруг выясняется: несколько человек должны остаться дежурить по интернату. Все заволновались, а Игорь сказал: «Все нормально, остаемся мы с Русовым». Я удивился: «Если ты расхотел — твое дело. Но почему решаешь за меня?» А Игорь отвечает: «Нет, я не расхотел. И за тебя решать ничего не собираюсь. Просто предлагаю поступить по-товарищески. Кто-то ведь должен остаться».

Ира Зайцева, 7 «б» класс: «Я хочу рассказать о Любе Валовой. Мне кажется, Люба — по-настоящему принципиальный и надежный товарищ. Не было случая, чтобы не сдержала

ОЛИМПИЙСКИЙ

Люба Валова на тренировке

своего слова или кого-нибудь подвела. Судите сами: в прошлом году она долго болела. Но даже после болезни Люба, как всегда, получала четверки и пятерки и помогала отстающим. А вот еще пример. Была у нас недавно встреча с финскими гимнастами. И надо же так случиться, что перед са-

мой встречей Люба опять как назло заболела. Доктор дает ей освобождение, а она отказывается: «Ничего, силы хватит, выступлю». И выступила. Да еще как! Первое место заняла! Думаете, из-за наград и призов старалась? Нет, для нее дороже всего честь отряда. А призы и награды она потом раздала

ХАРАКТЕР

была смелость? Какие вам еще нужны доказательства? И вообще, если хотите, можете прийти и посмотреть, как мы с Андреем тренируемся...»

Председатель совета дружины Света Кузнецова показывает приз для будущего олимпийского чемпиона

Геннадий Петрович Пирогов (брат Петра Петровича) и красные следопыты. Вторая справа Оля Коваль

С каждым днем все быстрее и быстрее плавает Игорь Гудовский

девочкам из команды Финляндии. Мне, говорит, не жалко, а они им очень понравились».

Андрей Назаров, 6 «б» класс: «Мы с Федоровым, его тоже Андреем зовут, занимаемся в секции летающих лыжников. Но когда Андрей рассказал в классе, как прыгал с Большого

кавголовского трамплина, не-которые ему не поверили. Они говорили, что даже если их в спину будут толкать, все равно не станут прыгать. Я говорю: «А почему считаете, что Андрей не смелый? Разве не говорил он на сборе отряда, кто из ребят учится на совесть, а кто нет? Разве для этого не нужна

Оля Коваль, 8 «б» класс, кандидат в сборную олимпийскую команду Советского Союза: «У нас в школе есть большой следопытский музей. Он посвящен героям-спортсменам — участникам Великой Отечественной войны. Наш отряд собирал материалы о Петре Петровиче Пирогове. До войны Петр Петрович учился в Институте физкультуры имени Лесгафта. Когда началась война, стал бойцом отряда при штабе Ленинградского фронта. 25 мая 1942 года, уходя на очередное боевое задание, он написал своей матери коротенькое письмо: «Я скоро вернусь, мама, через день-два, наверное...» Задание было выполнено, но Петр Петрович не вернулся. Почему я об этом рассказываю? Убеждена, что наша следопытская работа помогает нам выступать в соревнованиях. Ведь когда бывает трудно, всегда вспоминаешь о мужестве настоящих спортсменов, о таких, как Петр Петрович Пирогов. Он искренне любил нашу Родину и сделал для нее все, что мог...»

Света Кузнецова, председа-тель совета дружины: «Каждый, кто приходит к нам в гости, невольно останавливается у стенда, где хранятся кубки и медали, которые завоевали наши ребята. Есть среди них золотая медаль, полученная Са-шей Дитятиным на преодолим-пийской неделе в Монреале.

А вот у одного кубка хозяи-на пока нет. Вы спросите: «Как же он тогда попал в нашу спор-тивную коллекцию?»

И тут я должна открыть один секрет. Совет дружины и коми-тет комсомола приготовили специальный приз. Его мы вру-чим ученику или бывшему вос-питаннику интерната, который станет Олимпийским чемпио-ном. Кто станет его владельцем и когда? Никто не знает. Знаем одно: так будет».

Записал В. ДМИТРИЕВ

Однажды произошла такая история. Шакал предложил верблюду переплыть реку и полакомиться тростником. Взобрался шакал на спину другу, переплыли реку, а там — поле сахарного тростника. Пока верблюд лакомился, шакал ловил рыбу и наелся до отвала. Выспался шакал и стал громко лаять. Сбежались люди, принялись избивать верблюда палками. Еле дотащился верблюд обратно к реке. Когда они поплыли, верблюд спросил, почему шакал так громко лаял. Тот беспечно ответил, что по привычке — поел плотно и вот залаял.

Тут они достигли середины реки, и верблюд стал барахтаться. Шакал испугался:

СКАЗКА — ЛОЖЬ, ДА В НЕЙ НАМЕК...

— Что ты делаешь, здесь глубоко!
— Привычка такая, — как меня побьют, так и барахтаюсь, — ответил верблюд и нырнул.

А когда он вынырнул, шакала на спине уже не было...

И никто не пожалел шакала, плохого друга, — так говорят в индийских деревнях...

А еще, было у одного человека три сына, старшие умными слыли, а третий считался глупым... Но эту корейскую сказку лучше прочитай сам. Ее, как и многие другие, пересказал писатель Н. А. Ходза в книге «Сказки народов Азии». Их много: бирманские и вьетнамские, индийские и индонезийские, китайские и корейские, монгольские и японские. Тут и о тиграх, и о крокодилах, и об обезьянах, а больше всего о людях — хороших и умных, глупых и злых. И в каждой сказке побеждает добро, дружба. Веселые и хорошие сказки...

Выпустило книгу издательство «Детская литература» в 1975 году. Красивая книга, с отличными рисунками Н. Кочергина.

А. ПРАВДИН

ВЕТЕР ЗОВЕТ

На Черноморском побережье Кавказа проходила всесоюзная парусная регата. Участвовали в ней юные — и даже совсем юные — яхтсмены.

Трудные это были соревнования. Зима в Туапсе неустойчивая — то дождь, то снегопад. Случается, море у берега покрывается льдом. А тут еще как раз обрушился на побережье холодный арктический циклон.

На рейде дымили корабли, не могли войти в гавань из-за шторма. Под тяжестью снега склонялись пальмы. Кипарисы зеленели в сугробах. Впервые за много лет кто-то купил в магазине детские санки.

Нужно было провести не меньше трех гонок, иначе не будет засчитана вся регата. А шторм не утихал. Тренер ленинградской команды Ия Алексеевна Волкова отправила в яхтклуб телеграмму о том, что регата срывается.

Вечером в номере у Ии Алексеевны вся команда пила чай. С печеньем. Если кто-нибудь из ребят выигрывал гонку, то пили с пирожными.

Вместе со всеми пил чай и Леша Попов. Он выступал в классе швертботов «оптимист» и в свои четырнадцать лет был уже опытным гонщиком. Недаром он весь день разглядывал облака, прищуривался, примечал что-то.

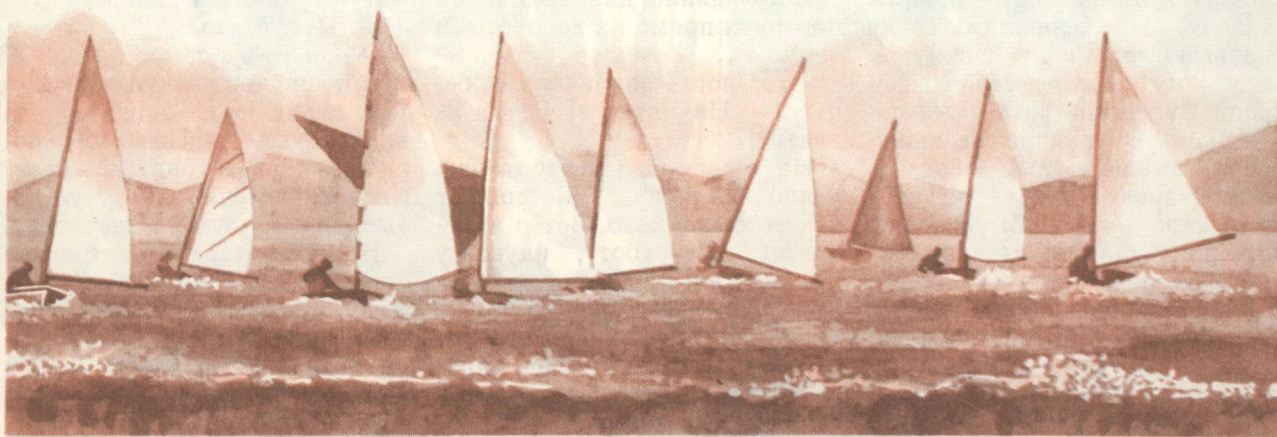
...Удивительная вещь — швертбот «оптимист». Вытащенный на берег, он похож на корыто. Но стоит «оптимисту» оказаться в хороший ветер на воде, и его не узнать. На стремительном ходу он глиссирует, как катер. Снежное крыло паруса туго забирает ветер, мачта прогибается от напора. Чудеса! А сделать это чудо можно самому.

Отличное место — яхтклуб. Работаешь на свежем воздухе, то столяром, то маляром. Учишься ходить на парусном судне. Учишься бороться, болеть за команду.

Шторм бушевал всю ночь, а под утро внезапно утих. Разбудил яхтсменов необычный свет: яркое южное небо синело над горами.

С этим мальчиком из московской команды Леша быстро подружился. У него было прозвище: Паша-Эльвстрем. Прославленный яхтсмен-датчанин Эльвстрем не знал поражений в парусных гонках ни на чемпионатах мира, ни на олимпийских играх. Он написал книгу о лодках, ветрах, парусах и гонках под парусами, обо всем,

Швертботы сбились тесной группой, стараясь занять самую выгодную позицию. За минуту до старта Лешин красный цвета «оптимист» ушел в сторону, а затем, набирая скорость, круто повернул к стартовой черте. Пересечешь черту до сигнала — будет фальстарт, придется возвращаться, а затем догонять остальных.

В черных костюмах «калипсо» из пористой мягкой резины — в таких плавают аквалангисты — и оранжевых спасательных жилетах ребята сходили в воду по наклонному слипу, удерживая прыгавшие на волне корытца «оптимистов». Волна закипала на скованном морозом причале. Было страшновато. Леша даже попятился, но Ия Алексеевна подхватила лодку.

— Смелее! Ну!

И Леша шагнул вперед.

Один за другим швертботы отходили от берега. Бухта заполнилась парусами — белыми, цветными, полосатыми. Морской буксир, на котором находились судьи, тяжело стуча дизелем, обходил место гонки. Помощники судей на глйсерах расставляли стартовые, поворотные и финишные знаки — буй-поплавки.

Время гонки приближалось. Теперь швертботы на большой скорости ходили вдоль стартовой линии, чтобы с ходу, по сигналу колокола пересечь ее, вырвать старт.

Краешком глаза Леша увидел номер Пашиной яхты.

что знал. Паша прочел эту трудную книгу четыре раза.

Они с Лешей подолгу разговаривали, Паша любил расчеты, он мог точно вычислить, каков будет наилучший курс при данном ветре. Ведь яхта идет против ветра не в лоб, а зигзагами, забирая ветер в парус то с одного, то с другого борта. Чем круче к ветру, тем меньше поворотов, но зато и скорость меньше. Вот тут и думай. И еще многое нужно учитывать: парус, например, лучше иметь не совсем новый, но и не старый, мачта должна быть сделана из определенного материала и гнуться как раз в меру. Даже то, как покрашена лодка, важно: чем ровнее, тем лучше скольжение.

Леша со всем этим соглашался, вникал в Пашины расчеты, но смутно думал: чертежи, формулы... значит, посади в лодку академика по математике — и готов олимпийский чемпион? Но ведь все важно — и очертания облаков, и цвет воды. Ветер — он живой, он все время меняется. И вода то светится, то темнеет, будто предупреждает — сюда не ходи...

Колокол! Красный швертбот на полном ходу пересек линию. За ним заспешили другие. Но до самого финиша Лешу никто не смог достать.

— Едим пирожные! — веселилась ленинградская команда, когда Лешин швертбот подходил к причалу.

— Как зовут мальчика? — поинтересовался тренер сборной СССР.

— Как бы ветер не переменялся, — озабоченно сказал Леша. — Тогда пропала регата. Не успеем третью гонку провести.

— Не бойся, не переменится. Местные говорили, устойчивое направление.

— Похоже, переменится, — упрявился Леша. Он недаром целыми днями разглядывал облака. Насчет здешних ветров у него было собственное мнение.

А судьи тем временем готовили второй старт.

Теперь «оптимисты» Леша и Паши держались рядом. Но перед самым стартом Паша вдруг повторил Лешин маневр. Отвернул в сторону от всех. Леша, наоборот, остался в основной группе и попытался про-

биться к стартовой линии. Но швертботов было много, Леше мешали, не пропускали вперед.

— Затолкают, — подумала вслух Ия Алексеевна.

Ударил колокол. Швертботы плотной группой навалились на невидимую линию старта. Паша взял левый галс, и его синий «оптимист» вырвался вперед. За ним устремились остальные. Но тут же одна из лодок отделилась и, набирая ход, пошла влево — правым галсом. По правилам гонки правый галс имеет преимущество, ему следует уступать дорогу. Судейский катер был раддышком, и правила выполнялись самым точным образом. Леша прошел перед носом у гонщиков и по обыкновению отвалил куда-то в сторону.

— Здорово придумал! — говорили болельщики на пирсе. И тут же приуныли: — Вся-то группа быстрее идет. Зря это он...

— Пусть. Ему на живой воде

виднее, — тихо сказала Ия Алексеевна.

Красного цвета «оптимист» шел в полосе, где волна была меньше. Он лавировал свободно, ему не приходилось делать лишние повороты, чтобы не столкнуться с соперниками. А в группе шла борьба за место. Но все равно левый галс был выгоднее, и никто не мог понять, почему Леша Попов так далеко уклонился в сторону.

Неожиданно для всех Леша повернул прямо на поворотный знак.

— Рано! — закричали на берегу. — Не натянет! Ветра не хватит!

Но красный швертбот уверенно шел по курсу. Ветер! Вот в чем было дело. Ветер изменился! Швертботу, идущему правым галсом далеко в стороне, открылись преимущества. На лодках основной группы бессильно заполоскались паруса. Ветер переменялся. Склон горы закрыл ветер...

Вечером за чаем, жуя пирожное, Паша спросил у Лешы:

— Как ты понял, что ветер удержит тебя справа? На старте этого не считаешь.

Леша виновато улыбнулся.

— Не знаю... Меня с самого начала туда тянуло... Вода там была другая, что ли... Цвет волны. Этого нельзя объяснить. Ветер — он, ну вроде музыки — зовет. Слышишь — и иди.

— Ты разве читал Эльвстрема? — удивился Паша.

— Нет. А что?

— Он то же самое писал.

К ночи снова задул порывистый зюйд-вест, зашумел по крышам дождь. Погода испортилась, третью гонку на «оптимистах» отменили, и результаты первых двух не засчитали.

Наутро во время завтрака к столикам ленинградской команды подошел тот же самый тренер сборной. Ия Алексеевна познакомила его с Лешей Поповым, и они вдвоем о чем-то долго говорили.

Ю. ГАЛЬПЕРИН

Рисунки
Ю. Иванова

Я носил траву косой,
Заяц выскочил косой.

С. СКАЧЕНКОВ

Рисунок Н. Корниловой

8

ПЧЕЛА

Жужжит пчела, как самолет,
И отправляется в полет.
И смотрит сверху, с высоты:
Какие тут растут цветы?

Найдет хорошенький цветок
И — хоботок — под лепесток,
И носом,

носом,
носом
Качает, как насосом!

Нектар цветочный достает,
Перерабатывает в мед
И в улей свой пчелиный
Опять дорогой длинной
Летит, спешит:

дела! дела!..

Такая крохотка — пчела,
Такая незаметная!
А ведь настроит сотни сот!
Она — строитель,
самолет
И фабрика конфетная!

В. СУСЛОВ

Рисунок О. Бадаевой

Туча еще за оградой,
И гром еще очень далек,
А капли с виноградину
Уже застучали в песок.

О. ГРИГОРЬЕВ

Рисунок К. Претро

ПРО ВОВУ И ПРО ШАПКУ

Однажды Вова приходит, а дедушка сидит и чинит. Что? Часы. Знаете, такие ходики с кукушкой. Только эти были без кукушки. Вместо кукушки из них выскакивал такой игрушечный человечек, снимал с головы шляпу (цилиндр называется) и раскланивался.

Ходит Вова по дому в шапке и говорит:

— Дедушка, а это можно потрогать? А это?

Дедушка говорит:

— КОГДА ЧЕЛОВЕК СПРАШИВАЕТ, ЕМУ ВСЕГДА РАЗРЕШАЮТ ЧТО-НИБУДЬ ПОТРОГАТЬ, а вот когда он не спрашивает...

— Я знаю, — сказал Вова, — когда он НЕ спрашивает, ему ничего не разрешают трогать. Ему говорят: не трогай! Положи на место!

Но сейчас Вова спросил разрешения. И поэтому потрогал сначала винтики и колесики, а потом и самого игрушечного человечка, который прежде так прекрасно снимал шляпу.

— Дедушка, — сказал Вова, — я все хотел спросить, да забывал: вот он снимал шляпу, когда выскакивал из дверцы, а зачем?

— А затем, — ответил дедушка, — что человек он хотя игрушечный, но воспитанный. Знает прекрасно: КОГДА ВХОДИШЬ В ДОМ, НУЖНО СНИМАТЬ ШЛЯПУ. Вот он и снимал.

Тут Вова вспомнил про свою шапку и поскорее стащил ее с головы.

Я. ДЛУГОЛЕНСКИЙ

5

ПИФ-ПАФ, ЧУР МОЕ!

СКАЗКА

В дремучем лесу жили свирепые разбойники Пиф и Паф. Такого страха нагнали на мирных жителей, что те, едва заслышат: „Пиф-Паф! Пиф-Паф!“—бегут куда глаза глядят.

Хотя Пиф и Паф составляли одну злодейскую шайку, они терпеть не могли друг друга. Пиф завидовал Пафу. Паф—Пифу. А вдобавок они друг друга тайно боялись.

Две Ульки да в люльке
Качаются.

Одна Маша не наша,
Да и та хороша.

Рисунки А. Якобсон
к русскому фольклору

Как у нас семья большая
Да веселая;

Два у лавки стоят,
Два учиться хотят,

Два Степана у сметаны
Объедаются.

Когда Пиф ложился спать, один глаз его бодрствовал и зорко следил за Пафом. И Паф не спускал с Пифа своего сторожевого глаза.

Когда Пиф и Паф принимались грабить дом, каждый из них торопился крикнуть: „Чур, мое!“ Они бегали по лестницам, топоча коваными сапогами, и наперебой орали: „Чур, мое! Чур, мое!“— пока в доме не оставалось ни одного гвоздя, ни одной завалящей дохлой мухи. Все проваливалось в их бездонные карманы.

Так они грабили окрестности, пока не добрались до последней деревушки на берегу океана.

— Чур, мое!—кричит Пиф и рассовывает по карманам коров и лошадей.

— Чур, мое! — кричит Паф и набивает карманы козами, овцами, гусями и другой живностью.

Наконец, остановились, друг на друга смотрят: у кого карманы толще?

„Пожалуй, у него толще“,— подумал Пиф и стал вокруг глядеть — нет ли еще какой поживы. Видит — на земле ни травинки, ни камушка, зато небо сплошь звездами усеяно.

— Чур, мое!—закричал Пиф и давай звезды с неба хватать. Спешит, пальцы обжигает, в карманах дыры, дым столбом, огонь сквозь дым пробивается.

Рассердился Паф, раззавидовался.

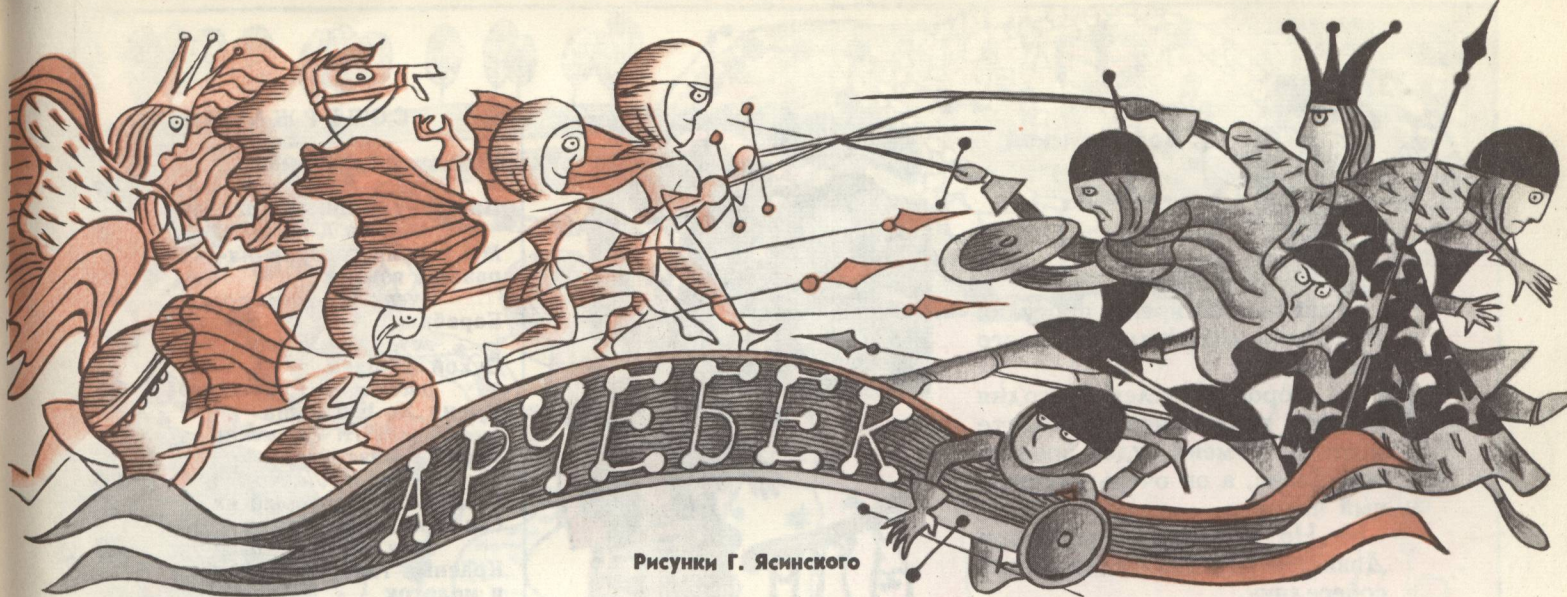
— Чур, мой океан! — кричит.

Лег на берег и давай океан пить. Пьет-пьет, а океану хоть бы что. Не убавляется океан. Живот у Пафа раздулся, еще немного — лопнет. Остановиться бы, да где уж там: жадность одолела.

Раздлся страшный всемирный треск — разорвался Паф на тысячу тысяч кусочков.

А от Пифа остались на земле одни дырявые карманы.

А. КРЕСТИНСКИЙ
Рисунок А. Орлова

Рисунки Г. Ясинского

ЗДЕСЬ СРАЖАЮТСЯ ОЛИМПИЙЦЫ

Отборочный этап заканчивается: сегодня его последний — седьмой — тур. В «Костре» № 8 начнется финал. А пока задание такое.

Шахматистам —

А. (Г. Оттен). Белые: Крe4, пп. a4, g4; черные: Крf6, Сg7. Выигрыш.

Б. (В. Брон). Белые: Краб, Лd3, Сd6, п. d4; черные: Кра8, п. d7. Во сколько ходов удастся дать мат?

Шашкистам —

А. (А. Шошин). Белые: Д. a5, пр. a3, f2; черные: пр. a7, h2. Выигрыш.

Б. (С. Воронцов). Белые: Д. c1, пр. f2, g3, h2; черные: Д. e5, пр. h4. Выигрыш.

КНИГА ЖАЛОБ

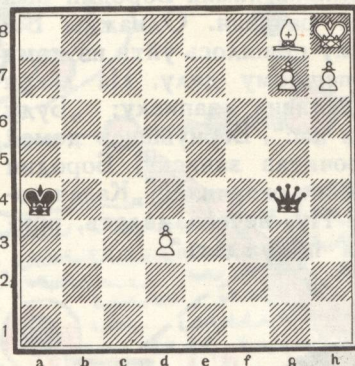
«Ферзьбери! Я жалуюсь! Знаешь, на кого я жалуюсь? На тебя. Я хочу в Олимпийском турнире получить разряд, я хочу стать победителем, а ты даешь задачи все труднее и труднее. Ты хитренький: сначала двухходовочки были — легонькие! А потом ты стал давать задачи на мат в три хода, даже в шесть. А в финале, я знаю, ты, как всегда, начнешь этюды давать. Но с этюдами у меня совсем не получается. Я их даже не пытаюсь решать и теряю кучу очков. Я недоволен, я жалуюсь! Федя Великанчиков».

Доблестный рыцарь! Жалобу твою считаю напрасной: она несправедливая. Кого хочешь спроси — все скажут, что несправедливая.

Ну какая цена разряднику, умеющему решать лишь легкие двухходовочки? И если задач посложнее он боится, а от этюдов бегом бежит, то чем же он отличается от новичка? Нет, подобному шахматисту думать о разряде рано! А тем более о победе в Олимпийском турнире, где выступают рыцари отважные и опытные, которых не страшат никакие

преграды. Лучше ты, Федя, побольше труда вложи в свою подготовку: решай и легкое и сложное. А насчет этюдов — вот пример.

Задание тут — белые выигрывают. То есть нужно найти, как играть бе-

лыми, чтобы победить при любой защите черных. Пусть хоть гроссмейстер черными играет — все равно.

Этюд отличается от задачи тем, что в задании не указывается число ходов. И еще: решение не обязательно доводить до мата. Обеспечил белым достаточный для победы перевес — можно остановиться. Итак, начинаем решать.

Ясно, что первая цель белых провести пешку g или h в ферзи. Играем 1. Сb3+. Побьют ли черные слона? Нет, конечно. Почему — ты скажешь сам. Отвечают же они 1... Кра3! Это лучший ответ, сейчас увидишь, в чем тут хитрость. 2. g8Ф. Вроде, все в порядке? Ферзя белые приобрели... Это так. Но у черных еще есть остроумная защита, и решатель обязан показать и ее, и то, как белые ее преодолевают. Вот этот скрытый маневр черных — 2... Фd4+ 3. Фg7 Фd8+ 4. Сg8 Фd4!! Неожиданно и красиво! Теперь бить ферзя нельзя из-за пата, а если пойти, скажем, Сf7 или Се6, то 5... Фd8+ и затем опять Фd4. Что же делать? А это... скажи ты!

ВПЕРЕДИ ФИНАЛ!

А там ты сможешь получить спортивный разряд, диплом, приз.

Кто же допускается к финальным сражениям? Тот, кто набрал в семи турах 40 очков. Порядок такой:

1. Отправь рапорт № 7.

2. Затем через три дня отправь свой «Листок учета» (на открытке!). В нем проставь очки за туры 1—4 (по данным из «Бюро самопроверки») и за туры 5—7 (по собственным предположениям). И четко укажи свой класс, спортивный разряд, адрес.

3. После этого жди от главного командующего АРЧЕБЕКОМ —

а) извещение о допуске в финал (если у тебя есть 40 очков),

б) новый пароль (без которого рапорты по финалу не примут),

в) анкету (которую нужно сразу заполнить и отправить),

г) чистый конверт (что с ним делать, узнаешь в № 8).

ОРУЖЕНОСЦЫ, ШАГ ВПЕРЕДИ!

Внимание: боевое задание!

Ты белыми сражаешься с опасным противником и тебе непременно нужно его победить. А на доске осталось — у тебя король и пешка, у него король и пешка. Стоят так — белые: Крb8, п. b5; черные: Крf6, п. a5.

Обе пешки бегут в ферзи — их не удержишь. И все-таки тебе нужно победить! Возможно ли это? Слово за тобой.

ПРИКАЗ № 7

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Рыцарям и оруженосцам отослать турнирные рапорты до 15 сентября.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

Рисунки
Е. Вознесенской

Однажды во время прогулки Эйнштейн встретил знакомого профессора.

— Дорогой коллега, сегодня вечером непременно приходите в гости. У меня будет профессор Дэвис, а он очень интересный человек.

— Но я и есть профессор Дэвис, — ответил удивленный собеседник.

— Это не имеет никакого значения, — сказал Эйнштейн. — Все равно приходите.

Эйнштейн и композитор Эйслер встретились как-то у общих знакомых. Хозяйка дома, зная, что Эйнштейн играет на скрипке, попросила его сыграть вместе с Эйслером. Но как на грех Эйнштейн не мог попасть в такт. Все попытки ни к чему не привели.

Закрывая крышку рояля, Эйслер заметил: „Не понимаю, почему весь мир называет великим человека, который не умеет считать до трех!“

Великий химик Бородин был очень рассеян. Однажды Бородину пришлось уйти из дому по спешному делу. На двери он оставил записку: „Буду через час“. Вернувшись домой и прочитав записку, Бородин искренно огорчился: „Какая досада! Ну, нечего делать, придется подождать“.

СОДЕРЖАНИЕ

Позывной: „Ландыш“	1
очерк В. Верховского	
Пять похищенных монахов	3
повесть Ю. Коваля	
Мы с вами говорим на разных языках	17
очерк С. Довлатова	
Барабан	20
журнал юнкор	
Сухой колодец	24
рассказ Б. Ряховского	
Имени Хо Ши Мина	27
очерк Н. Тарасенко	
Игорь в Зазеркалье	29
очерк Н. Линко	
О мальчике, который ел слишком много	32
эскимосская сказка	
Красный галстук, рубанок и молоток	33
заметка В. Четкарева	
Стихи Сарвешвара Даяла	35
Саксены	
Ночь на деревьях	36
рассказ Урсулы Ульрих	
Зеленые страницы	38
Козел Галагуцко	40
рассказ Н. Соломко	
Итоги операции „Синий кит“	42
Морская газета	44
Песенка крыльев	46
рассказ Н. Сладкова	
Стихи Г. Глушнева	47
Береза Багаева	48
очерк В. Бочарникова	
Красный дом	50
отрывок из сказки Э. Борхерс	
Кем быть?	52
фото ТАСС	
Пуговица	53
рассказ П. Федорова	
Поговорим о твоём рисунке	54
Олимпийский характер	56
репортаж	
В. Дмитриева	58
Библиотека КОСТИ ТЕРкина	
Ветер зовет	58
очерк Ю. Гальперина	
Уголёк	61
журнал для малышей	
Арчбек	63
шахматы и шашки	

На обложке рисунок
А. Харшака „День Военно-морского флота“

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:

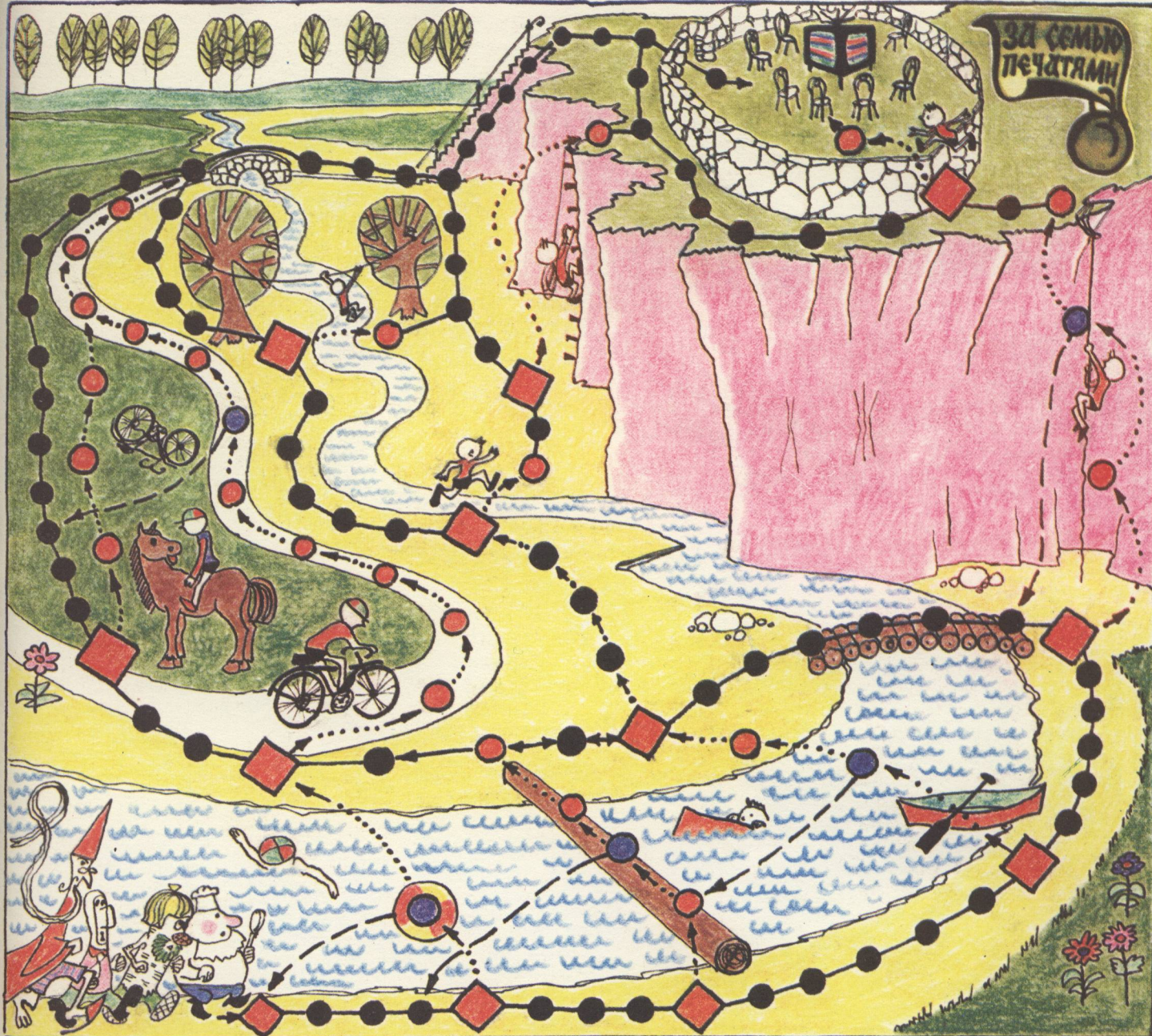
Г. В. БАЛУЕВ,
В. М. ВОСКОБОЙНИКОВ,
Т. В. ЗАХАРОВА,
Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь),
А. И. ПАНТЕЛЕЕВ,
Л. Н. ПОЖИДАЕВА,
Р. П. ПОГОДИН,
Е. В. СЕРОВА,
Н. И. СЛАДКОВ,
В. В. ТОРОПЫГИН,
Н. А. ХОДЗА,
Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор
М. С. БЕЛОМЛИНСКИЙ
Технический редактор
В. И. МЕЦАТУНОВА
Корректор В. А. МАЕВСКАЯ

Рукописи и фотографии не возвращаются.
Адрес редакции: 193015. Ленинград, Таврическая, 37, телефон 74-93-84

М-29072. Слано в набор 5/IV 1976 г. Подписано к печати 31/V 1976 г. Формат 60×90 1/4.
Печ. л. 8+обл. 8,8 уч.-изд. л. Тираж 560 000 экз. Заказ 2410. Цена 25 коп.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Ленинград, 197101, Кронверкская ул., 7.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 6.

КРИПТОГРАММА: «Горные вершины спят во тьме ночной. Тихие долины полны свежей мглой.» (М. Ю. Лермонтов)

ГОЛОВОЛОМНЫЙ КРОССВОРД: По вертикали: 1. Порт. 2. Сорт. 4. Код. 6. Мир. 7. Рагу. 8. Гул. 10. Мол. 12. Тара. 13. Туф. 14. Шок. 15. Грот. По горизонтали: 3. Топор. 4. Кот. 5. Том. 8. Год. 9. Ром. 11. Лот. 13. Туш. 15. Гол. 16. Треф. 17. Клоп.

ПЛЕТЕНКА: Сверху вниз: 1. Мюрат. 2. Короб. 3. Карат. 4. Кокос. 5. Самум. 6. Народ. 7. Титан. 8. Кир. 9. Луб. Снизу вверх: 9. Люк. 10. Сурок. 11. Барак. 12. Торос. 13. Бакан. 14. Томат. 15. Сурик. 16. Мотив. 17. Дар.

КРОССВОРД «НАУКА»: По вертикали: 1. Циан. 2. Крен. 3. Склон. 4. Фотон. 5. Фазотрон. 6. Индиго. 8. Эталон. 9. Столетов. 10. Антенна. 14. Катализатор. 15. Кибернетика. 19. Когерер. 20. Берклий. 24. Йод. 25. Эрг. 28. Эстетика. 29. Падение. 30. Арматура. 34. Резина. 35. Железо. 39. Оникс. 40. Лосев. 44. Атом. 45. Фуко.

По горизонтали: 5. Франклин. 7. Кэрозерс. 11. Фаза. 12. Конденсатор. 13. Соль. 16. Атлас. 17. Углерод. 18. Винер. 21. Оратор. 22. Юнг. 25. Дерево. 26. Гиперон. 27. Крекинг. 31. Сланец. 32. Шаг. 33. Диктор. 36. Метод. 37. Лебедев. 38. Склад. 41. Блик. 42. Антигиперон. 43. Дуга. 46. Автомобиль. 47. Молекула.

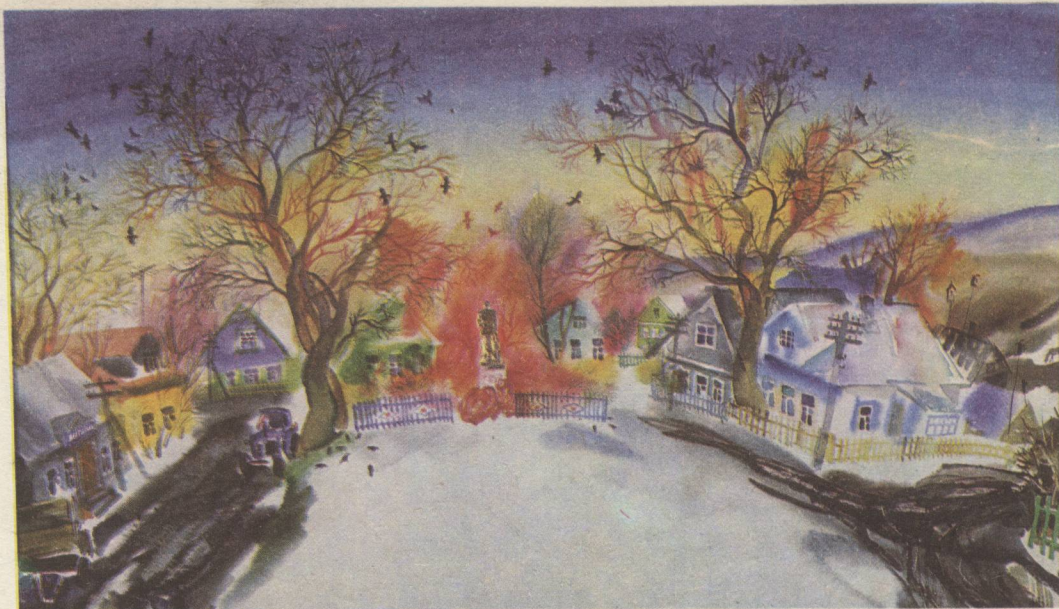
Составил и оформил В. УФЛЯНД

На высокой горе — туристская база, где установлен четырехпрограммный телевизор системы «За семью печатями». Через 30 минут начнут транслировать с Олимпиады соревнования по вашему любимому виду спорта. Вырежьте цветные фишки и, бросая по очереди игровой кубик, двигайтесь по кружкам соответственно числу выпавших на кубике очков (от одного до шести).

Остановившись на красных ромбах, вы получаете возможность сократить дорогу в направлении, указанном пунктиром. Но если вслед за тем ваша фишка остановится на синем кружке, придется вернуться немного назад.

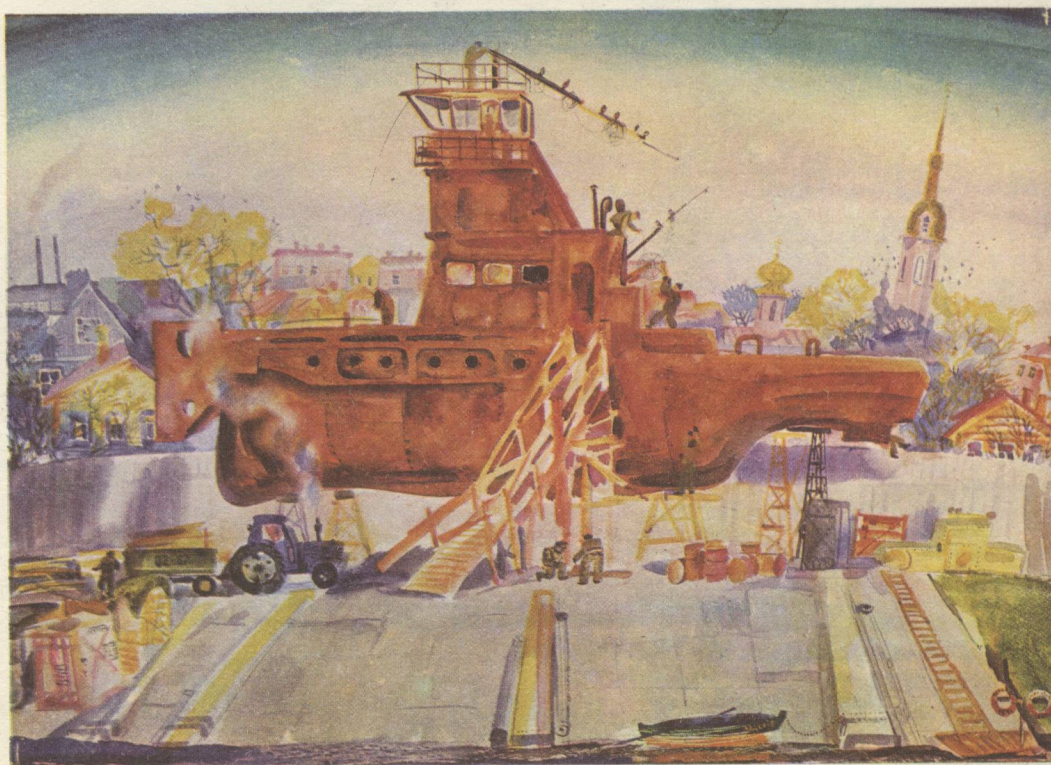
Первым, конечно, доберется до базы и займет место у телевизора тот, кто активнее всех занимался на каникулах различными видами спорта.

РАБОТЫ
ВАЛЕРИЯ
ТОПКОВА

Вы, конечно, помните рисунки Валерия Топкова к повести И. Ефимова «Пурга в „Карточном домике“», к «Аркололе» Д. Маршалла, ко многим рассказам и очеркам. Сейчас Валерий Топков сделал иллюстрации к новой повести Ю. Коваля «Пять похищенных монахов».

А эти акварели он сделал во время своих многочисленных поездок в разные концы нашей страны.

Весна
в Подмоскowie
Заполярье
Новый буксир
Лайка